
ОГОНЁК
№ 42 ОКТЯБРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Пюрвя Оляеву — 92 года.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

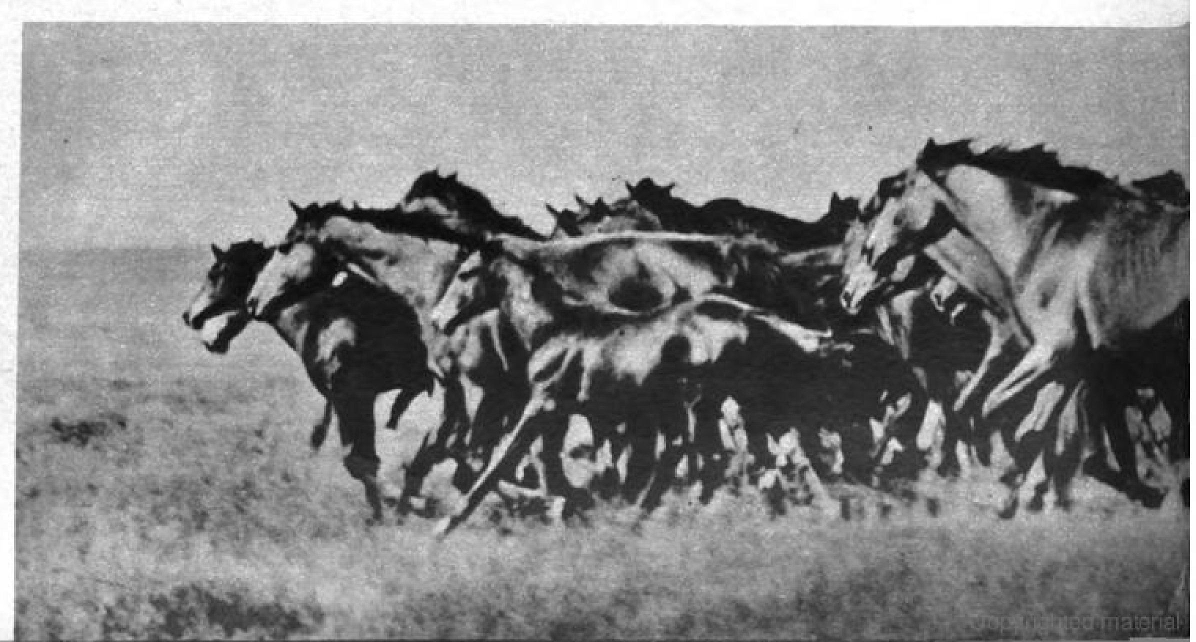
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 42 (2259)

17 ОКТЯБРЯ 1970

Основан 1 апреля 1923 года

СОВЕТСКОЙ КАЛМЫКИИ 50 ЛЕТ

См. страницы 6—7.

Утро Элисты.

Зреет рис...

Во время подписания советско-французского протокола.

ДРУЖБА ВО ИМЯ

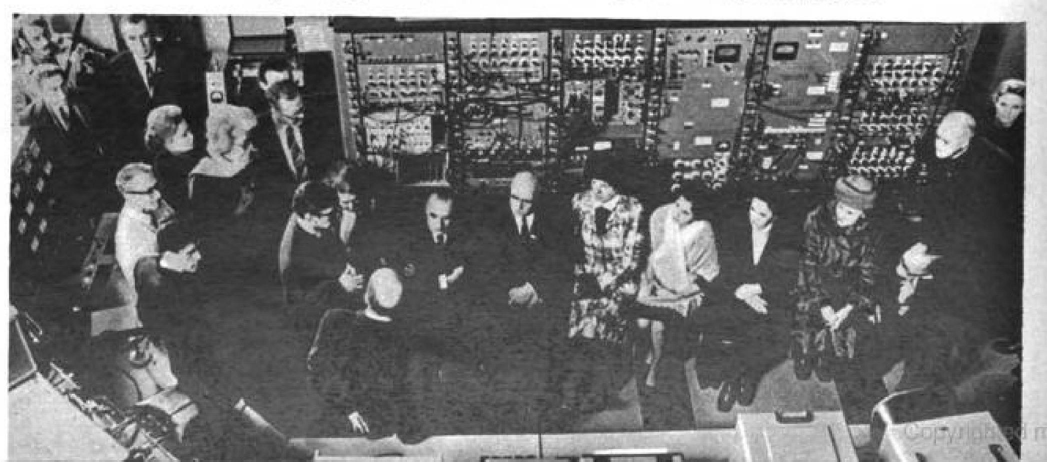

В память о посещении Самарканда Ж. Помпиду посадил в сквере на площади Регистан айвовое дерево. «Мы уверены,— сказал Н. В. Подгорный,— что, подобно этому дереву, хорошие плоды, полезные для народов обеих наших стран, принесет нынешний визит Президента Французской Республики в Советский Союз».

На снимке (справа налево): кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Узбекистана, член Президиума Верховного Совета СССР Ш. Р. Рашидов, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и Президент Франции Жорж Помпиду.

На улицах Новосибирска.

В Институте ядерной физики. Новосибирский Академгородок.

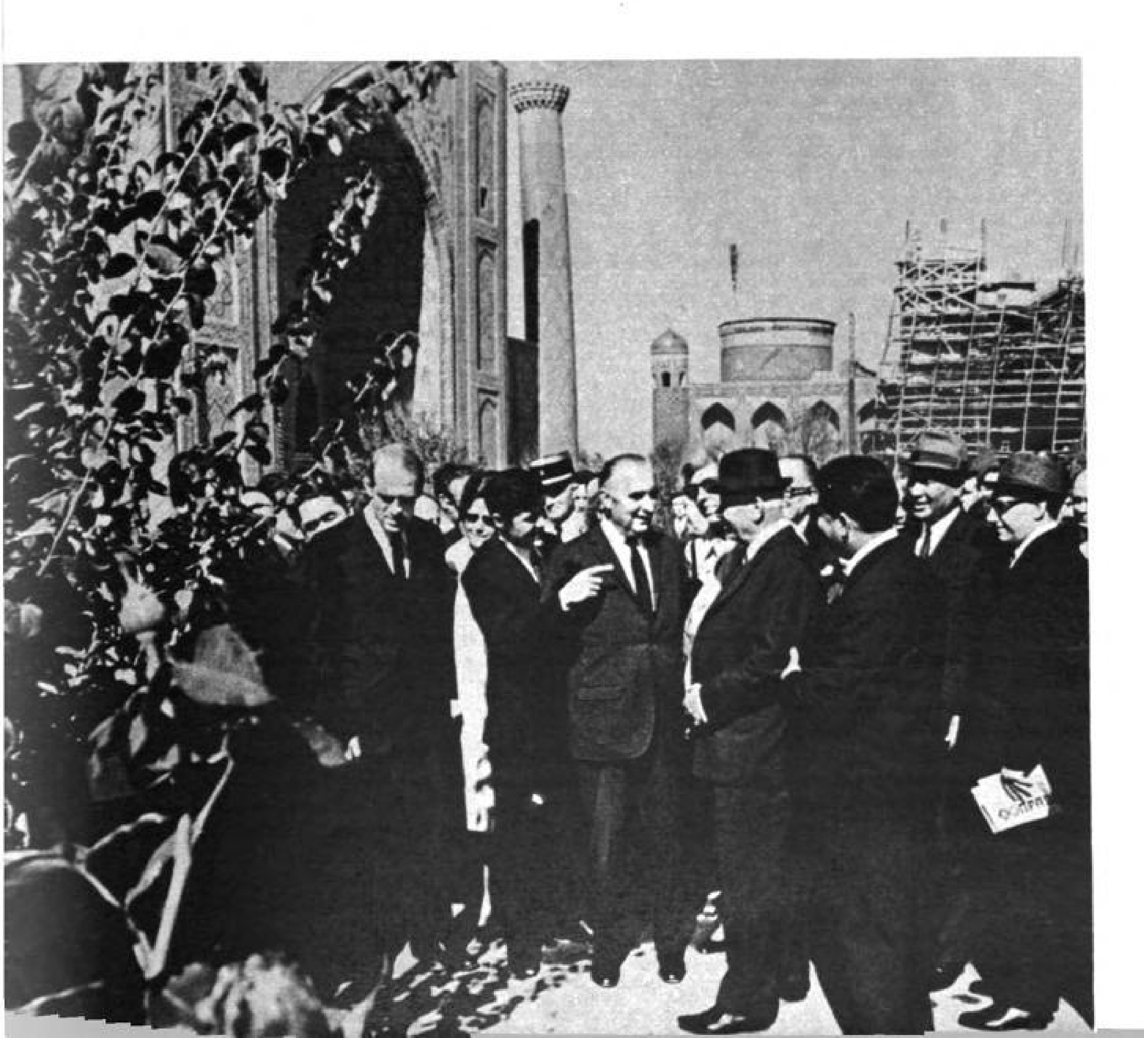

«Советские руководители и Президент Французской Республики,— говорится в советско-французской Декларации,— изложили главные идеи, которые лежат в основе политики их правительств. Целью обоих правительств является развитие между всеми государствами, независимо от их идеологии и строя, мирных отношений и сотрудничества, а также всемерное укрепление международной безопасности».

МИРА

Фото специального корреспондента «Огонька» Д. Ухтомского.

Советские люди питают глубокие симпатии и уважение к французскому народу, к Франции. Это ярко проявилось во время пребывания в нашей стране Президента Французской Республики Жоржа Помпиду. Высокий гость посетил Советский Союз с официальным визитом по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства.

В Кремле состоялись переговоры руководителей Советского Союза с Президентом Франции.

С советской стороны в переговорах участвовали Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике В. А. Кириллин, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Переговоры и беседы проходили в атмосфере доверия и сердечности, соответствующей дружественным отношениям между обеими странами. Они касались крупных проблем мировой политики, а также дальнейшего развития двусторонних отношений между Советским Союзом и Францией.

Президент Франции вместе с Л. И. Брежневым, Н. В. Подгорным и А. Н. Косыгиным посетил космодром и присутствовал при запуске искусственного спутника Земли «Космос-368».

Вместе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным Ж. Помпиду и сопровождающие его лица совершили поездку по Советскому Союзу.

Тепло и радушно принимали французских гостей в Новосибирске, Ташкенте и Самарканде.

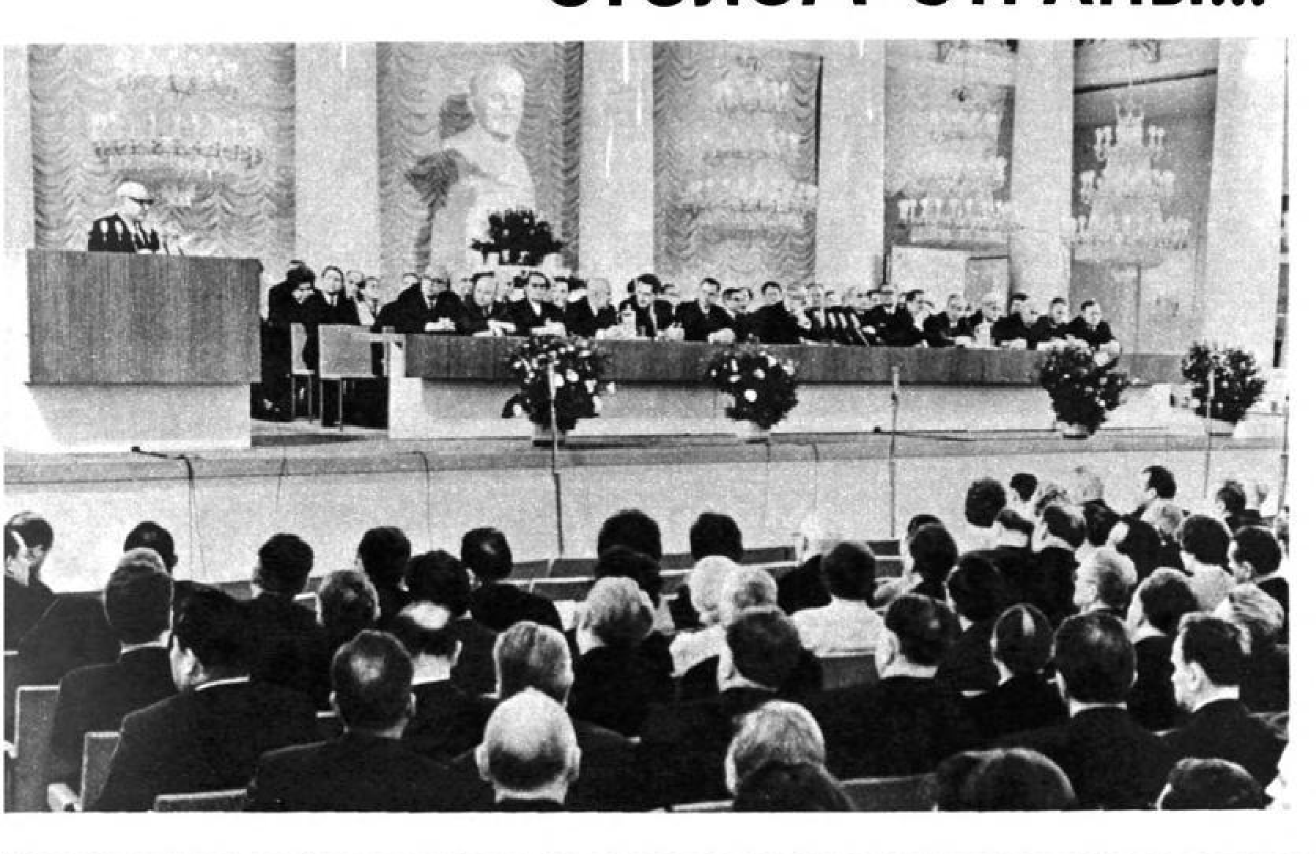
13 октября в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание советско-французского протокола. Его подписали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и Президент Французской Республики Жорж Помпиду.

При подписании присутствовали Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, И. В. Капитонов, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев и другие официальные лица.

С французской стороны при подписании протокола были Министр иностранных дел Морис Шуман, генеральный секретарь канцелярии Президента Республики Мишель Жобер, генеральный секретарь МИД Франции Эрве Альфан, посол Франции в Советском Союзе Роже Сейду и другие лица, сопровождавшие Президента.

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ТОРЖЕСТВЕННО ОТМЕТИЛИ ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ЗА ПРАЗДНИЧНЫМ СТОЛОМ СТРАНЫ...

О красоте и силе колоса пели на селе песни в минувшее воскресенье. Да не только на селе. Весь народ наш отмечал Всесоюзный день работников сельского хозяйства. За незримым праздничным столом собрались не только селяне, не только пахари и животноводы, но и металлурги, космонавты, художники, строители, ученые. Вряд ли нынче сыщется человек, который бы не нашел в сердце самые искренние слова признательности в адрес тружеников полей и ферм. Человечество далеко шагнуло в своем развитии, но труд на земле, работа тех, кто выращивает хлеб и скот, кто украшает землю садами, по-прежнему остаются самыми насущными, определяющими наперед и планы народа и их осуществление.

В этом году много хлеба намолотили большинство наших республик и областей. Неоглядны нивы нашего Отечества, с каждым годом они все щедрее и щедрее. А ведь июльский Пленум ЦК КПСС наметил еще больше — довести среднегодовое производство зерна в стране до 195 миллионов тонн. Новая предстоит работа! Без зерна нельзя произвести такого количества молока и мяса, какое требуется иметь стране,— до 15,6 миллиона тонн мяса и до 98 миллионов тонн молока. Несомненно, что предстоящая пятилетка в колхозном и совхозном селе будет пятилеткой интенсификации и специализации сельскохозяйственного производства на строго научной основе. Таково веление времени, условия дальнейшего нашего развития.

9 октября в Колонном зале Дома союзов в Москве состоялось торжественное собрание, посвященное Всесоюзному дню работников сельского хозяйства. В президиуме — член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский, секретарь ЦК КПСС Ф. Д. Кулаков, заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, министры СССР и РСФСР, передовики колхозного и совхозного производства, ученые, ответственные работники ЦК КПСС, Совета Министров СССР, министерств и ведомств.

С докладом на собрании выступил министр сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевич.

Всесоюзный день работников сельского хозяйства был праздником всей страны.

Н. БЫКОВ

На снимке: 9 октября в Колонном зале Дома союзов. Фото Г. Самарова.

Г. ЛОКШИН, Ответственный секретарь Советского комитета поддержки Вьетнама

СОЛИДАРНОСТЬ С ЛАОССКИМИ ПАТРИОТАМИ

Председатель ЦК ПФЛ принц Суфанувонг осматривает народные средства борьбы с агрессорами.

Урок в школе, расположенной в укрытии.

Фото агентства Каосан-Патетлао.

Советская общественность вместе с миллионами честных людей всего мира широко отметила знаменательное событие в жизни борющегося лаосского народа — 25-ю годовщину провозглашения независимости Лаоса. Вот уже четверть века узы дружбы и солидарности связывают народы наших стран в общей борьбе за мир, национальную независимость и социальный прогресс. Советские люди хорошо знают, что за истекшие 25 лет на долю свободолюбивого лаосского народа выпало немало тяжких испытаний. И сейчас славную годовщину независимости своей родины патриоты Лаоса встречают в обстановке продолжающейся суровой борьбы против империалистических агрессоров, героически отстаивая свои священные национальные права.

Советский народ всем сердцем на стороне этой справедливой освободительной борьбы. Славная годовщина независимости Лаоса является для нас важным политическим событием. Ежегодно эта дата отмечается советской общественностью мощными выступлениями в поддержку борющегося лаосского народа, яркими проявлениями солидарности советских людей с патриотами Лаоса.

Советская общественность горячо откликнулась на обращение Всемирного Совета Мира о проведении с 12 по 19 октября Международной недели солидарности с борьбой лаосского народа против агрессии американского империализма. Эта важная политическая манифестация проводится по решению международной конференции в поддержку борьбы лаосского народа, состоявшейся в мае этого года в Каире.

12 октября в Москве, в Центральном Доме журналистов, собрались представители советской общественности, чтобы выразить чувства братской солидарности со справедливой борьбой лаосского народа.

По инициативе Советского комитета солидарности стран Азии и Африки в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и во многих других крупных городах Советского Союза состоятся митинги солидарности и собрания представителей общественности. В институтах и техникумах, где обучаются лаосские студенты, проходят молодежные вечера и встречи. Активисты Советского комитета защиты мира выступают в клубах, домах культуры, в библиотеках и лекционных залах с докладами и беседами о положении в Лаосе и о борьбе лаосских патриотов за независимость, мир и нейтралитет. На экранах многих кинотеатров демонстрируется документальный фильм советских кинематографистов «Дни и ночи Лаоса». На страницах печати, по радио и телевидению выступили ученые, журналисты, представители общественности, побывавшие в разное время в освобожденных районах Лаоса. Для участия в этих мероприятиях в Советский Союз была приглашена делегация Патриотического фронта Лаоса.

Мы уверены, что неделя солидарности с борьбой лаосского народа явится новым вкладом советских людей в благородное дело поддержки справедливой освободительной борьбы наших лаосских друзей.

БРАТСТВО ПО ОРУЖИЮ

ИЗ РАЙОНА УЧЕНИЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СТРАН — УЧАСТНИЦ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

И. СТАДНЮК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото Н. Акимова (ТАСС) и АДН — ТАСС.

На добротно ухоженные земли Германской Демократической Республики пришла теплая, солнечная осень. Пришла в громе барабанов и звуке фанфар. Прежде чем начаться учениям вооруженных сил стран — участниц Варшавского Договора, в республике шумят празднества. Трудящиеся ГДР вместе с делегациями из стран социалистического содружества и представителями войсковых частей, прибывших на учения, торжественно отметили 21-ю годовщину со дня образования своего рабоче-крестьянского государства.

Для нас, представителей советского народа, эти торжества были особенно волнующими. Наша память воскрешала годы войны, месяцы битв с фашистскими полчищами на земле Германии. На путях этих битв оставались могилы погибших — тысячи и тысячи могил. В этот день над ними пронесся шквал митингов.

На один из таких митингов мы попали, проезжая по окраинам города Котбуса. Огромная толпа людей сгрудилась у кладбища, где похоронены погибшие герои Великой Отечественной войны. Замерли в почетном карауле приехавшие на церемониал солдаты немецкой Народной Армии и Советской Армии. Ложатся к подножию памятника десятки венков, засветились под солнцем живые цветы на каждом надгробии. В торжественной церемонии принимает участие делегация из Липецкой области во главе с ответственным работником обкома партии Евгением Васильчиковым. Оказывается, Липецк и Котбус дружат давно. Приехал сюда по приглашению окружного комитета партии и горсовета полковник в отставке Ю. В. Виноградов, бывший командир бригады, которая в этих местах громила гитлеровцев. Преклонив колени у могилы своих погибших солдат, старый воин не может сдержать слез. Взволнованную речь произносит секретарь окружного комитета партии Вернер Вальде.

— Сегодня мы, освобожденные и освободители,— говорит он,— братья по оружию. Предстоящие маневры — гарантия дальнейшего укрепления нашего могущества... Мы приложим все усилия, чтобы выполнить заветы героев, отдавших свои жизни за наше освобождение.

Под гром ружейного салюта звучат гимны ГДР и СССР, затем торжественным маршем проходят мимо кладбища подразделения воинов Народной Армии ГДР и Советской Армии.

Днем раньше, приехав в Н-скую часть чехословацкой Народной Армии, прибывшую на учения, мы оказались свидетелями еще одного волнующего события. Политработник Людвиг Каневский знакомит нас с гостями части — представителями братских армий, которые приехали сюда, чтобы поздравить своих друзей по оружию с праздником — днем чехословацкой Народной Армии. В этот день двадцать шесть лет назад, передовые подразделения Чехословацкого корпуса вместе с войсками Советской Армии, овладев Дуклинским перевалом, вступили на территорию Чехословакии. На торжественном собрании звучала чешская и русская речь, словацкая и немецкая, польская и болгарская, венгерская и румынская.

Много подобных встреч в эти дни на территории Германской Демократической Республики. Пока в штабах разыгрываются на картах «баталии», предшествующие войсковым учениям на местности, офицеры, сержанты и рядовые армий стран — участниц Варшавского Договора встречаются в лесных лагерях или клубах гарнизонов, делятся опытом учебы, знакомятся с историей частей, боевыми традициями, устраивают спортивные соревнования, вместе поют песни, обмениваются сувенирами и адресами. Искренность атмосферы этих встреч, взаимоуважение и доброжелательство — яркое олицетворение братского боевого содружества, которое еще более закалится на совместных войсковых учениях.

Бросается в глаза то обстоятельство, что многие военнослужащие братских армий, хоть и в разной степени совершенства, но владеют русским языком. Об этом мы заговорили с капитаном Альфредом Крюгером из Н-ского танкового полка немецкой Народной Армии и услышали от него примерно такое объяснение:

— Как же не знать языка народа, который населяет территорию, где 11 поясов времени, где в одну пору в разных краях — жара и холод, где творятся чудеса созидания; Россия — это наша надежда.

Перед журналистами, аккредитованными при пресс-центре маневров «Братство по оружию», с большой и яркой речью выступил заместитель министра национальной обороны ГДР адмирал Вальдемар Фернер. Он подчеркнул, что войсковые учения на территории ГДР армий государств — участников Варшавского Договора, которыми руководит министр национальной обороны ГДР генерал армии Гейнц Гофман, проводятся в соответствии с планами Объединенного командования. Они являются кульминационным пунктом боевой и политической подготовки союзных армий в этом году и по своему размаху, по привлечению сил и средств превосходят все совместные маневры братских социалистических армий, которые проводились до сих пор на территории ГДР.

Адмирал Фернер обратил наше внимание на то, что эти маневры будут способствовать укреплению интернационального, классового и военно-оборонительного союза братских армий, объединенных Варшавским Договором. Исторический опыт и события в современном мире показывают, что наши успехи в борьбе за социализм и прочный мир возможны только при условии всестороннего укрепления сообщества социалистических государств.

Районы сосредоточения союзных армий посетили в эти дни Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами Маршал Советского Союза И. Якубовский и начальник штаба Объединенных вооруженных сил генерал армии С. Штеменко, министр национальной обороны ГДР Г. Гофман, их сопровождали генералы и офицеры союзных армий.

Сейчас, когда пишутся эти строки, во всех штабах, частях и подразделениях братских армий торжественно отмечается День Войска Польского. А когда начнется печатание этого номера «Огонька», вооруженные силы всех братских армий — сухопутные войска, авиация, военно-морской флот, войска ПВО — развернут активные учебно-боевые действия на обширнейшей территории ГДР.

В районе учений.

Танковая рота гвардии капитана А. Семенова на марше.

Встреча советских и чехословацких воинов.

Памятник В. И. Ленину в столице Калмыцкой АССР — Элисте.

Михаил ХОНИНОВ

Фото Г. МАКАРОВА.

СОВЕТСКОЙ КАЛМЫКИИ — 50 ЛЕТ

ЗРЕЛОСТЬ РЕСПУБЛИКИ

См. 2-ю стр. обложки.

Более трехсот шестидесяти лет назад калмыки в поисках счастья отправились в Россию. «Скорее верблюжий хвост отрастет до земли, чем калмыки узнают счастье в России»,— говорили тогда китайские миссионеры. Но мудрый любимец народа старый джангарчи в ответ всей пятерней ударил по струнам домбры, и сердце его запело:

«Счастья и мира вкусила эта страна, где неизвестна зима, где всегда весна, где, не смолкая, ведут хороводы свои жаворонки сладкогласные и соловьи, где и дожди подобны сладчайшей росе, где неизвестна смерть, где бессмертны все, где небеса в нетленной сияют красе, где неизвестна старость, где молоды все, благоуханная, сильных людей страна, обетованная богатырей страна...»

— Вот она какая Бумба, страна счастья! — одобрительно гудел народ, слушая песню джангарчи у ночного костра. И прозвал народ певца Алтаном-Цеджи, что означает «золотая душа».

Потянулись калмыки в страну мечты — Бумбу. Шли долго, мучительно долго. Их встречали Омск, Томск, Тобольск. Коснулись русской удивительной земли копыта звонкие калмыцких аранзалов. И увидели калмыки колыхание золотых тяжелых нив и над хлебами лучезарные зарницы.

Сошел с серебряного седла аранзала сереброкудрый Алтан-Цеджи и не спеша поднялся на высокий курган. Круглолицая, чернокосая молодая калмычка подала Алтану-Цеджи семиладную домбру. И опять всею пятерней ударил по струнам певец, и сердце каждого кочевника запело. С тех пор на Русь настроил струны джангарчи, и славила Бумбу русую его домбра...

Потекли дни, годы, как реки. Они были надоедливыми, серыми, как осенние тучи, и холодными, как зимние ночи. Сколько ни играл на звонкой домбре Алтан-Цеджи и сколько он ни воспевал страну Бумбу у ночных костров, а счастья не было. Но она, Бумба, жила в сердце вольнолюбивого народа. И потому шел к ней народ все время через все лихолетья и шел не одну сотню лет.

А новая земля казалась кочевникам все более однотонной, мрачной, словно ночь опустилась навсегда на нее. Что же теперь скажет Алтан-Цеджи — ясновидец воинственного трудолюбивого народа? Как быть?.. И каждый раз, когда солнце скрывалось за горизонтом, погружались калмыки в свои утомленные мысли.

— Нет! — решительно ответствовал Алтан-Цеджи.— Пока аранзал на четырех ногах, калмык на двух ногах! Пока домбра звенит звонко, у калмыка сердце бьется в груди весело. Так будем же мы верны прекрасной мечте, ведь она сбудется, не за горами она, если мы ее не покинем. Надо держаться с теми поплотнее, кто нам первым руку протянул, когда мы все были на другом берегу реки — на немилой нам стороне. Эти белокожие люди с голубыми глазами умеют жить, дружить с другими языками, умеют работать молотком и серпом, чего у нас нету.

...Прошли столетия, и как бы в подтверждение слов Алтана-Цеджи на севере России загрохотала «Аврора» и в ее голосе народы услышали: «Октябрь!.. Ленин!.. Советы!..» И с этими священными словами потомки Алтана-Цеджи Ока Городовиков, Василий Хомутников, Харти Кануков и другие богатыри в первые дни революции

рубились с царскими войсками, за страну Бумбу.

Октябрьская революция пришла на нашу планету, как многодетная, заботливая мать. Она день за днем торжествовала в самой России и за ее пределами. Малые народы потянулись к Советам, словно растения к солнцу. Под красною звездой на скакуне прошел Октябрь и по нашим степям...

1919 год!

Этот год для моего народа считается святейшим годом. Год, в котором Ленин обратился с воззванием к трудовому калмыцкому народу. А для меня этот год является дважды святым: он год моего рождения.

Гремела гражданская. Города и села русские в огне. Стонала калмыцкая степь, как больной в постели. Сколько можно так жить на земле? — думал жизнелюбивый калмык. На это ответил Ленин: «Братья калмыки!

Все прошлое вашего народа — это беспрерывная цепь страданий. Народ ваш, благодаря своей хозяйственной и политической отсталости, всегда был предметом эксплуатации со стороны более сильных соседей...

Братья калмыки, для того, чтобы осуществить созыв общекалмыцкого съезда, надо освободить от белогвардейских банд значительную часть ваших земель... Но для того, чтобы это освобождение совершилось как можно скорее и с меньшим кровопролитием, нужно, чтобы весь калмыцкий народ, как один человек, восстал против царских генералов, белогвардейцев и помог Красной армии быстро смять Деникина.

Братья калмыки, судьба вашего народа в ваших руках.

Все в ряды Красной армии!..»

Перед тем как обратиться к калмыцкому народу, Ленин неоднократно встречался с представителем калмыцкого народа, крупным государственным деятелем, выдающимся писателем Антоном Амур-Cананом. В 1920 году Ленин слушал выступление Антона Амур-Санана, который изумил всех присутствующих политической зрелостью, страстностью и убежденностью. Амур-Санан выступал на заседании Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу об автономии калмыков. И по инициативе Ленина Политбюро ЦК РКП(б) 14 октября 1920 года приняло постановление: «Признать необходимым проведение в жизнь автономии в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений, в первую очередь для калмыков...» И 4 ноября 1920 года декретом ВЦИК и СНК РСФСР была создана Калмыцкая автономная область.

Калмыки всей душой откликнулись на призыв вождя помочь Красной Армии в борьбе против Деникина. Взяли свою судьбу в свои руки!

Летом 1920 года состоялся Первый Общекалмыцкий съезд Советов в местечке Чилгир, в том самом месте, где 26 калмыков, подобно 26 бакинским комиссарам, погибли от рук белогвардейцев.

Съезд приветствовал столетний джангарчи, который всю жизнь пел о стране Бумбе. Говорят, он так же, как и Алтан-Цеджи, ударил всей пятерней по струнам домбры и запел о счастье калмыков.

Сейчас моей республике 50! Возраст зрелый. А народ ее молод, словно сама жизнь. Новая жизнь. А новое началось у нас так: мой дядя, седовласый Барык Ноганов, пошел учиться в ликбез вместе с восьмилетним внуком Мутулом в первый год коллективизации. Так во всех улусах степняки, как говорится, с азов усваивали знания. В этом им помогли комсомольцы из Ленинграда, Саратова, Астрахани, Сталинграда...

Если бы кто-нибудь увидел нашу степь с неба, с аэроплана, полвека назад, то сказал бы, что она похожа на изодранную овчину. Была она горька полынью, свистела сусликами, а ветер, как необъезженный конь, скакал по ней. Безводные озера белели солончаками. В летний полдень, побежденные зноем, клонились травы к земле. Идешь и не встречаешь человека, только орлы задумчиво сидят на курганах.

Как-то в наш калмыцкий кибиточный хотон пришел русский человек. Он забил молотком первый кол в центре хотона и что-то сказал по-русски. Никто не понял, что он сказал. Вскоре зашуршали пилы и застучали молотки, и деревянный дом на глазах калмыков начал расти ввысь, вширь и в длину. Войлочные кибитки с неохотой, со скрипом уступали свои места новому дому, теснились все дальше на край хотона. Дом готов, со светлыми окнами, с широкими дверями и с высоким потолком. На фасаде появилась надпись на калмыцком языке «Сургаль» (школа), а на другом конце хотона красовался уже другой дом, на коньке которого трепетал на ветру красный флаг. Это был дом «Советин йосон» (Советская власть) — сельский Совет. Так Советская власть утверждалась в степи, а русские рабочие показали калмыкам, как надо строить дома. Веками зябнувшие в кибитках, почувствовали они уют оседлой жизни. Старики поговаривали меж собою: «Русские так владеют молотком, как калмыки конем!» И с тех пор дом за домом, село за селом, город за городом появились на карте республики. Дербеты, Кетченеры, Булгун, Башанта, Яшалта, Каспийский и, наконец, Элиста — столица калмыков.

Мне запомнился Иван Букатин. Его учеником был табунщик Санджи Комбиров. Теперь они выросли, выросли вместе с Элистой, стали аксакалами, строителями-гвардейцами. Это они выучили и воспитали известных в степи строителей городов, фабрик и заводов — Николая Хартуева, Константина Кекева и многих других мастеров — представителей рабочего класса Калмыкии. Калмыцкий рабочий класс построил в Каспийске рыбоконсервный комбинат, машиностроительный завод. Промышленная Элиста выпускает строительные материалы, развилась и другая промышленность, которая изготовляет мясные, молочные продукты и консервы. Изделия швейной, трикотажной, мебельной фабрики пользуются большим спросом у степняков.

...В сорок первом, когда прозвучала песня «Вставай, страна огромная...», калмыки сели на длинноногих аранзалов и, как в гражданской, понеслись против врагов Бумбы — за Родину Советскую! Бронебойщик калмык Эрдни Деликов повторил подвиг панфиловцев на берегу шолоховского Дона. Из своего противотанкового ружья он уничтожил в одном бою три бронетранспортера и четыре автомашины с 60 фашистскими солдатами. Подвиг этот в то время стал примером для воинов Южного фронта. А войска генерала Басана Городовикова первыми вышли на государственную границу. Подобно тому, как Эрдни Деликов, сыны моей республики храбро сражались на различных фронтах Отечественной войны, грудь многих украшена боевыми наградами.

В годы войны и мне пришлось побродить партизанскими тропами по белорусским лесам, на Могилевщине. И поныне, бывая среди белорусских партизан — своих боевых товарищей, я чувствую себя, как в родной семье. Что ж удивительного в том, что русский язык стал вторым родным языком для калмыка. В моем малодербетовском улусе когда-то была только одна школа с одним багшой — учителем, а по всей Калмыкии — не больше полутора десятков школ. Сегодня школы в каждом селе. 75 тысяч детей заполнили светлые классы в нынешнем году. А вот совсем недавно в жизни моего народа произошло еще одно большое событие — открылся Калмыцкий государственный университет с пятью факультетами.

Я побывал на одной из первых лекций новорожденного университета. Читала ее кандидат философских наук Кермен Надеева.

Здесь уместным будет напомнить и имена еще двух калмычек — матери и дочери Тимошкаевых. Обе они заслуженные врачи моей республики. Эльза Санджиевна хорошо известна в медицинском мире как врач-онколог, участвовала в работе международных конгрессов в Москве, Токио и Хьюстоне.

Под водительством партии Ленина калмыки обретают свою заветную страну, страну Бумбу.

«Друг степей калмык»! Сегодня слова эти гордо звучат не только с пьедестала памятника Пушкину в Москве, он, этот скромный степной труженик, славен делами под небом России как мастер — животновод, пахарь и строитель. Вспоминаю своего старого знакомого Бадуша Джеева, знаменитого в республике животновода. За десять лет этот гуртоправ вырастил восемь гуртов телят — это тысячи голов крупного рогатого скота, высококалорийное «мраморное мясо», которое экспортируется во многие страны мира. Хорошо помогает животноводам наука, средоточием которой является Калмыцкий институт мясного скотоводства.

Новое время — новый человек. И земля калмыцкая тоже стала совсем новой. В свое время наши деды говорили, что бог дал калмыкам слишком много солнца, но поскупился на воду. Эту калмыцкую поговорку не так давно напомнил мне секретарь Ики-Бурульского районного комитета партии Константин Инджиевич Даваев. Мы стояли с ним на берегу голубого Чограйского моря, молчали, и каждый, наверное, думал об одном: «Довольна ли теперь ты, мать наша земля?»

— Вот она, долгожданная! — нарушил молчание Константин Инджиевич.— Следом за Волгой пришли к нам и воды Терека и Кумы. В одном только нашем районе они обводняют многие тысячи гектаров ранее засушливых земель. В ближайшее время эти воды оживят знаменитые пастбища — Черные земли...

Да, земля наша стала новой. Для меня и для каждого калмыка. Вот земля моего деда Ванькая — сарпинская низменность. Там, где гнулась под ветром седая полынь, сейчас шумят колосья с белыми зернами — рис! Совхоз «Восход» — поставщик калмыцкого риса. Он еще не достиг школьного возраста, но является пионером рисосеяния в Калмыкии. А одна из его бригад, бригада Анатолия Мироновича Де, вырастила уже рекордный урожай — 70 центнеров риса с гектара.

— Наш «Восход» скоро станет пионервожатым! — твердо сказал 92-летний калмык, коммунист, ветеран Пюрвя Оляев. Прав он, здесь строятся 5 мощных рисоводческих хозяйств.

Поет мое сердце, как у птицы. Научил его петь мой народ, наша жизнь. Живи и цвети, моя Калмыкия, в своей заветной лучезарной Бумбе, под небом России!

ВОЛГЕ

Лиджи ИНДЖИЕВ

Волга, связан я с тобой
славной речкой рукотворной,
словно жилкой голубой,
бьющейся в степи просторной.
Почва влагу пьет твою,
миновало лихолетье,
и теперь в моем краю —
многотравье, разноцветье.

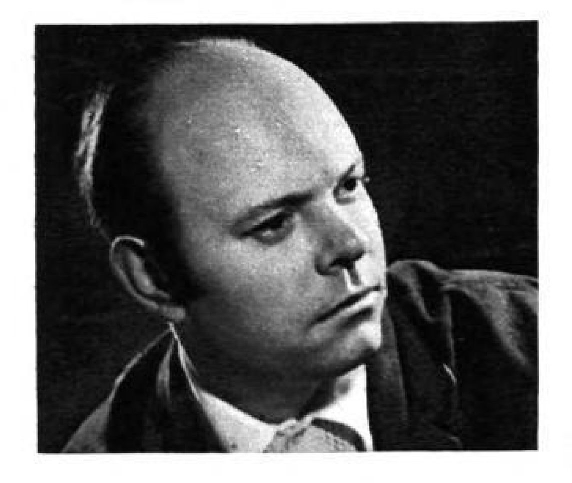
О тебе не молкнет сказ
и взволнованные речи,
пополняет их запас
сердце в каждой новой встрече.
Мать-кормилица, твое
имя в сказке, песне, гимне.
Ты — и пища, и питье,
и ветра твои — дружки мне.

Ручки-реченьки твои
обнимают пол-России:
строгость северной земли
и разгул каспийской сини.
Видно, твой удел такой:
гнать, как стадо, вод громаду,
будто отдых и покой
там получишь ты в награду.

Льется песня о тебе,
ты и слышишь и не слышишь,
о большой твоей судьбе
в книгу вечности ты пишешь;
о туманной старине,
о восстанье, о сраженье
и о светлом новом дне,
о хрустальном отраженье
небывалых городов,
над водою возведенных,
о ковре твоих цветов,
чистой влагой напоенных.

И за то трубой времен
берега твои воспеты,
что на них и был рожден
Ленин — светоч всей планеты.
Ленин — твой любимый сын!
И среди имен великих
ты звучишь на ста языках
в сотнях песен и былин.

Перевел с калмыцкого Анатолий Найман.

Владимир **ФИРСОВ**

* * *

Лишь глаза закрою...
В русском поле —
Под Смоленском, Псковом
и Орлом —
Факелы отчаянья и боли
Полыхают неземным теплом.

Пар идет от стонущих деревьев.
Облака обожжены вдали.
Огненным снопом
Моя деревня
Медленно уходит от земли.
От земли,
Где в неземном тумане
На кроваво-пепельных снегах,
Словно в бронзе,
Замерли славяне.
Дети.
Дети плачут на руках.

Жарко.
Жарко.
Нестерпимо жарко,
Как в бреду или в кошмарном сне.
Жарко.
Шерсть дымится на овчарках.
Жадно псы хватают пастью снег.

Плачут дети.
Женщины рыдают.
Лишь молчат угрюмо старики
И на снег неслышно оседают,
Крупные раскинув кулаки.

Сквозь огонь нечеловечьей злобы
Чуждой песни слышится мотив.
Оседают снежные сугробы,
Человечью тяжесть ощутив.
Вот и все...
И мир загробный тесен.
Там уже не плачут.
Не кричат...

Пули,
Как напев забытых песен,
До сих пор в моих ушах звучат.
До сих пор черны мои деревья.
И хотя прошло немало лет,
Нет моих ровесников в деревне.
Нет ровесниц.
И деревни нет...

Я стою один над снежным полем,
Уцелевший чудом в том огне.
Горестью непроходящей болен —
Памятью о проклятой войне.

Время, время!
Как летишь ты быстро,
Словно ливень с вечной высоты.

В Мюнхене иль в Гамбурге
Нацисты
Носят, как при Гитлере, кресты,
Говорят о будущих сраженьях
И давно
Не прячут от людей
На крестах пожаров отраженье,
Кровь невинных женщин и детей.

Для убийц все так же солнце
светит,
Так же речка в тростниках
шуршит.
У детей убийц
Родятся дети.
Ну, а детям — мир принадлежит.

Мир — с его тропинками лесными,
С тишиной и песней соловья,
С облаками белыми, сквозными,
С синью незабудок у ручья.
Им принадлежат огни заката
С ветерком, что мирно
прошуршал...
Так моим ровесникам
Когда-то
Этот самый мир принадлежал.
Им принадлежали океаны
Луговых и перелесных трав...

Спят они в могилах безымянных,
Мир цветов и радуг не познав.

Сколько их,
Убитых по программе
Ненависти к Родине моей —
Девочек,
Не ставших матерями,
Не родивших миру сыновей.

Пепелища поросли лесами.
Под Смоленском, Псковом
и Орлом
Мальчики,
Не ставшие отцами,
Четверть века спят могильным
сном.

Их могилы редко кто укажет.
Потому-то сердцу тяжело.
Никакая перепись не скажет,
Сколько русских нынче быть
могло.

Лишь глаза закрою...
В зимнем поле —
Под Смоленском, Псковом
и Орлом —
Факелы отчаянья и боли
Полыхают неземным теплом.

Тает снег в печальном редколесье.
И, хотя леса мои молчат,
Пули,
Как напев забытых песен,
До сих пор в моих ушах звучат.

ДВА СОЛНЦА

Два солнца каждому дано.
Сумей не проглядеть второе.
Ему за жизненной горою
Дремать до срока
Суждено.

Сумей
В мельканье трудных лет,
Что без конца бегут куда-то,
Не проглядеть его рассвет,
Чтоб не познать
Его заката.

Его восход увидел я
Сквозь проглянувшее оконце.
Любимая!
Судьба моя,
Мое второе в жизни солнце.

Одно желание в груди:
Пусть будет вечным день восхода.
Свети!
И в непогодь свети,
Как светишь в ясную погоду.

В мельканье дней, в мельканье
лет,
В беде и в радости
С годами
Я не растрачу этот свет,
Чтоб ночь не встала между нами.

Два солнца каждому дано.
Издревле так уж мир устроен.
Одно —
Глядит в мое окно
И в душу мне глядит —
Второе.

* * *

Черные избы.
Черные — издали.
Черные — на фоне заката.
Я подожду, когда небо вызвездит,
И помолчу, как молчал когда-то.

Тихо колышется сонная реченька,
Звездная реченька молча
вздыхает.
Столько в молчанье ее
красноречия,
Что, не родившись,
Слова затихают.

Вот и припомнилось —
Все, что помнилось.
Все, что помнилось,
Да забылось.
Все, чем сердце когда-то
полнилось,
Все, чем сердце когда-то билось.
Счастье изведал я.
Больше не надобно.
Разве же это счастье,
Если душа, рожденная радугой,
Вдруг раскололась, как чашка,
На части?..

Все же отрадно мне знать,
Что на Родине
Жил и творил я с чистой душою.
Будут дороги,
Что с милою пройдены,
Помнить все светлое и большое.

Кто-то припомнит стихов звучание,
Кто-то в пути без меня устанет.
Речка
Припомнит мое молчание,
Это молчание
Музыкой станет.

Музыкой ветра, прошедшего
мимо,
Музыкой звездного неба станет.
Станет печалью моей любимой,
Холодом снега,
Что долго не тает.

Грусть моя...
Чем она может измериться?
Голос рассудка слышней
и слышнее:
В жизни, я верю,
Легко разувериться,
Верю, что верить
Гораздо сложнее.

Верю!
А грусть человеку
Издавна
Так же дана, как зима и лето...
В грусти моей
Виноваты избы.
Черные — издали,
Черные на фоне рассвета.

* * *

Америка или Европа —
Любой континент на земле —
Зрачками своих телескопов
Блуждают в космической мгле.

И в строчки сливаются точки
Далеких и юных планет...
Но спектры, как первоисточник,
На тайну не пролили свет.

Ученые вновь недовольны:
Не могут они уяснить,
Что ультракороткие волны
Не прочная с космосом нить...

Ученый, искуснейший практик,
Мудрит в кабинетной тиши

памяти

Не только над тайной галактик —
Над тайной славянской души.

Нелегкая это задача,
Узнать, что планеты таят.
И с нашей душой не иначе,
Не лучше дела обстоят.

Ряды социологов века
Сегодня грустят оттого,
Что им не понять
Человека,
Великую сущность его.

Ученые верят:
Случайность
Открытие сделать вольна.
Чем ближе им кажется тайна,
Тем дальше и дальше она.

Теряясь в нелепых догадках
И выводов новых боясь,
Европа с улыбочкой сладкой
Выходит с Россией на связь.

Не стоит заигрывать с нами!
Мы тайну души сберегли.
Не вычислить нас по программе
Сверхумным машинам земли.

Мы будем гордиться веками
И Разиным,
И Ермаком,
И русскими большевиками,
И яростным словом — ревком!

Нам на душу нашу ложится
Печаль обнаженных полей
И жалоба раненой птицы,
Отставшей
От стаи своей.

Нам на душу падает слово,
Умеющих верить в людей.
Мы душу храним
Как основу
Для самых высоких идей.

И с верой своею нетленной
Мы можем сказать:
— Господа!
Откроются тайны вселенной,
Но тайна души —
Никогда!

* * *

Сколько речек,
Речушек,
Речонок,
Никому не известных притом,
Стало Волгою, Доном, Печорой,
Иртышом, Енисеем, Днепром!

Реки, реки, во славе и силе,
Напитавшие воды морей,
Безымянным речушкам России
Вы обязаны славой своей.

Ваша слава, она безупречна,
Безмятежно ясна и чиста,
Как сама родниковая вечность,
Как извечных небес высота.

Родничок
Наполняет колодцы,
Безымянные речки поят...

И величье земли полководцев
У народных истоков стоит.

Мы проходим
Истории версты
Сквозь огонь героических дат,
Различая на маршальских звездах
Отсвет славы советских солдат.

У солдата
Солдатское право
На тебя, дорогая земля,
На забвенье,
На подвиг и славу
И на Вечный огонь у Кремля.

Полководцы, во славе и силе
Легендарных и нынешних дней
Безымянным солдатам России
Вы обязаны славой своей.

Ваша слава, она безупречна,
Безмятежно ясна и чиста,
Как солдатского подвига вечность,
Как бессмертных небес высота.

Берегите ее, полководцы,
Как огонь
У подножья Кремля...

Родничок
Наполняет колодцы
И бежит в твои реки, земля!

* * *

Какой неведомый покой
Мне душу опечалит
И в край, неведомо какой,
Печаль моя отчалит?

И вновь я обрету
До слез
Родную с детства волю
У желтой заводи берез,
Что задремала в поле.

Печаль последнего шмеля,
Прощальный крик гусиный
Всем существом поймет земля,
В печали обессилев.

Меня,
Частицу той земли,
Что Русью величают,
Легко заденут журавли
Крылом своей печали.

И я, как в позабытый сон,
Стремясь поспеть за клином,
Легко уйду за горизонт,
Что журавли раздвинут.

Мне будет грустно и легко,
Песчинки слов роняя,
Лететь куда-то далеко,
На вожака равняясь.

Но вдруг пойму я,
Неспроста
Под сердцем боль почуя,
Что бесконечна высота
И даль,
Куда лечу я,
Что я могу
Родную речь
Забыть, усвоив птичью,
Могу без визы пересечь
Любое пограничье.

Куда я там?
Зачем я там?
Без Родины куда я?!

Все ниже, ниже
Высота,
Все выше, выше
Стая.

И вот — земля.
Моя земля.
Родная.
Под ногами.
Горят осины, шевеля
Костров холодных пламя.

И я гляжу в родную даль
Легко
И виновато...

И больше не зовет печаль
За горизонт покатый.

МОИ ПОЭТЫ

Сколько солнца и света,
Сколько чистой любви
У российских поэтов
Клокотало в крови.

Был любой неподсуден.
Что им времени суд,
Если нынче
Их судьбы
Правду века несут!

Как дожди золотые,
Как колосья в пыли,
Все поэты России
По России прошли.

Кто купался в рассветах,
Кто страдал от оков.
Всяко жили поэты —
Боль и радость веков.

Не кичились гусарством,
Кто — в нужде, кто — в борьбе.
Их заморские царства
Не манили к себе.

Не спешили набраться
За морями ума,
Славя вечное братство,
Славя правды грома.

Все земные невзгоды,
Все нелегкие дни
Неизменно
С народом
Разделяли они.

За напев величавый,
За размашистый стих
Кто величье,
Кто славу,
Кто опалу постиг.

Как бы ни было худо,
Но в конце-то концов
Не отыщешь иуду
Средь русских певцов.

Курбский не был воспетым.
(Не прощалось вины!)
Так и жили поэты —
Патриоты страны.

Что, казалось бы, проще:
Есть богатство, покой.
Но Сенатская площадь,
Как набат над рекой.

Тень певцов — в казематах
И в глухих рудниках.
Кровь — на стылых закатах,
На холодных снегах.

Их земную дорогу
Охраняют века
Черной речки тревога
И печаль Машука.

Умирали рассветы,
Были ночи глухи.
Уходили поэты,
Оставляя стихи.

Строки, вечно живые,
Были с нами,
Когда
Над полями России
Нависала беда.

И тогда
Полновесней
Становились они,
Как булыжники Пресни
В незабвенные дни.

Стали песни сражаться,
Не прошли стороной
По дорогам гражданской
И Отечественной...

И в размахе работы
Настоящего дня
В бой идут патриоты,
Тем поэтам родня.

Не в погоне за славой,
Как и в давние дни,
Воспевают державу
Бескорыстно они.

Верят верою сильной,
Что с годами далась,
В вечный полдень России
И в Советскую власть!

* * *

Знакомая дорога убегает
Через поля, где убрана пшеница,
Где, невесомость в небе постигая,
Парит
Почти невидимая птица.

И — тишина.
И — ничего живого.
Лишь я да эта птица надо мною.
Пред тишиной
Теряет силу слово,
Нагруженное звонкой тишиною.

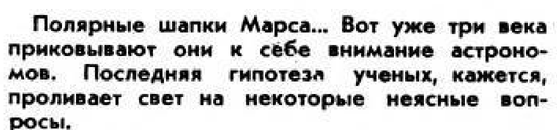
И я молчал.
И только думал:
Мне бы,
Подобно птице,
Плыть и плыть часами
Над тишиною скошенного хлеба
Под вечно молодыми небесами.

НЕОБЫЧНОЕ В НАУКЕ

ЛЕТАЮЩИЕ ШАПКИ МАРСА

А. ХАРЬКОВСКИЙ

Полярные шапки Марса... Вот уже три века приковывают они к себе внимание астрономов. Последняя гипотеза ученых, кажется, проливает свет на некоторые неясные вопросы.

С мечтой о марсианских морях — больших открытых водоемах, видимо, пора распрощаться даже фантастам: по данным «Маринера-IV», атмосферное давление у поверхности Марса примерно в сто раз меньше, чем на уровне земных океанов. Вода при столь низком давлении закипает, превращается в пар еще совсем холодной. Другое дело — лед или снег, они могли бы оставаться на поверхности Марса, разумеется, при температуре ниже нуля.

Недавно с помощью стодюймового рефлектора обсерватории Маунт Вилсон была получена инфракрасная спектрограмма, на которой в отраженном от Марса свете видны линии водяного пара. Наиболее интенсивны эти линии как раз в полярных областях.

Итак, вода на Марсе есть. Вопрос: много ли ее? Увы, нет. Полярные шапки, как свидетельствуют расчеты, должны быть не толще волоса: на каждый квадратный сантиметр приходится от 0,001 до 0,1 грамма воды. Возможно ли такой тонкий слой снега распределить равномерно по поверхности Марса так, чтобы не было пятен, не закрытых снегом участков? Не правда ли, это предположение кажется фантастическим: ведь поверхность Марса не зеркало.

Профессор Н. А. Козырев предполагает, что полярные шапки Марса... плавают в атмосфере. «Вероятнее всего,— пишет пулковский астроном,— в атмосфере Марса носятся тонкие ледяные иголки, подобные тем, которые часто наблюдаются у нас на Севере в очень морозные дни».

На некоторых фотографиях Марса ясно просматриваются изменчивые белые пятна, которые выглядят яркими в фиолетовых лучах и невидимыми в инфракрасных. Предполагают, что они-то и представляют собой легкие облачка, состоящие из водяных паров или кристалликов льда. Но полярные шапки видны на фотографиях в любых лучах. Значит, они все же... лежат на поверхности. Но не могут же они одновременно покоиться на марсианской почве и парить в его атмосфере!

«Весьма сомнительно,— пишет профессор В. И. Мороз,— чтобы материал полярных шапок находился целиком во взвешенном состоянии. В этом случае было бы крайне трудно объяснить их устойчивость, а также строгую регулярность роста и разрушения полярных шапок. Скорее всего в основе полярных шапок действительно имеется лежащий на поверхности осадок из инея, а над ним в атмосфере взвешен туман из ледяных кристаллов». Представим: иней лежит на почве неравномерно, но клочья тумана закрывают для наблюдателей с Земли темные места, и шапки кажутся однородными. Итак, полярные шапки отчасти парят, отчасти лежат на почве Марса!

Такова гипотеза «летающих шапок», вернее, одна из гипотез. Непротиворечивой модели полярных шапок Марса пока еще не существует. Чем все-таки объяснить темную кайму вокруг каждой шапки, а также волну потемнения, распространяющуюся по «каналам»?

Ох, уж эти каналы! Сколько раз доказывали, что они не существуют: обман зрения — и все! И на снимках, сделанных космическими кораблями вблизи Марса, их не оказалось. И все же астрономы продолжают видеть их в телескопы, считать их углублениями в марсианской почве. Но если это так, то много шансов, что по «каналам» все же движется вода.

Разумеется, будь вода жидкой, ее бы не хватило для заполнения каналов — так мало ее на Марсе. Твердые же частицы — иней, лед — могут лежать на дне каналов всю марсианскую зиму (частично и в виде облаков). С появлением теплых лучей Солнца вся вода превращается в пар и начинает двигаться к экватору. Ведь для движения пара неважно, сплошные ли каналы или это система углублений. Так можно объяснить волны оживания, которые наблюдаются марсианской весной. Однако это лишь одна из гипотез... Время покажет, подтвердится ли она или, как предыдущие, разлетится в прах.

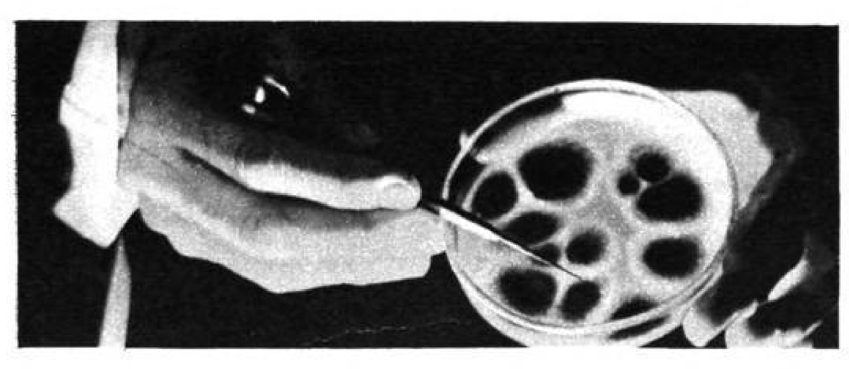
ПРОБЛЕМА № 1

Хлопок — богатство Туркмении, ее слава, ее гордость.

Здесь вызревают самые ценные сорта, дающие тонкое, шелковистое, прочное, длинное волокно. Теперь, в связи со строительством Каракумского канала, тонковолокнистый хлопчатник сеют в новых районах, например, в Теджене. Да вот беда, следом идет враг — микроорганизм, вселяющийся в почву, а оттуда в корни растения. Он вызывает страшную болезнь — фузариозный вилт, увядание хлопчатника. Борьба с этим коварным врагом — проблема № 1 для хлопкоробов во всем мире. В Институте ботаники Академии наук Туркменской ССР атака на грибок, вызывающий фузариозный вилт хлопчатника, ведется широким фронтом: используются биологичеcкие, агротехнические методы, подбираются специальные микроудобрения, позволяющие растению побороть болезнь, выводятся бактерии — антагонисты вредного грибка.

Второй год ведутся работы в полевых условиях. Выяснено, что грибок-антагонист снижает заболеваемость хлопчатника на 40—50 процентов.

Доказано, что применение кобальта и сернокислого цинка тоже снижает заболеваемость растений. Но в каких соотношениях, в какой норме надо вносить в почву микроудобрения? Ведь стоит чуть нарушить нормы, изменить сочетания, как эффект теряется. Сейчас в институте опыты проводятся в 30 различных вариантах. Работа продолжается.

В этой пробирке находится микроорганизм — враг возбудителя вилта хлопчатника.

Научные институты Академии наук Туркмении.

ЗВЕЗДОЧКА

Звездочка, зубчатые колеса. Без них не обходится ни станкостроение, ни машиностроение. Достаточно сказать, что в грузовом автомобиле, например, в трансмиссии, применяется около 50—60 зубчатых колес, в тракторе — около 80, в картофелеуборочном комбайне — около 100 звездочек.

Производство этих деталей — сложный процесс: штамповка заготовок, обработка на различных станках... Требуется много времени и труда. В Советском Союзе разработан новый метод — штамповка этих звездочек только единым прессом. Он заменяет 35—50 фрезерных станков. На обработку изделий затрачиваются считанные секунды, полностью исключаются отходы металла.

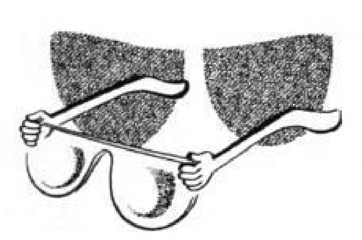

СЕКРЕТ АМАНА

Не случайно многие крупные фирмы зарубежных стран заинтересовались сейчас этим изобретением советских инженеров. Твердая смазка, полимерный смазочный материал, разработанный на основе специальных смол. Он с честью выдержал испытания в самых тяжелых условиях, при высоких и низких температурах.

АМАН родился в творческом содружестве исследователей Института элементоорганических соединений АН СССР, Института машиноведения Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР, Всесоюзного научно-исследовательского конструкторско - технологического института подшипниковой промышленности и Московского механического завода.

КАК СДЕЛАНЫ ВАШИ ОЧКИ?

Очки, подобно костюму, подвержены моде. Маленькие грибоедовские очки в металлической оправе, пенсне, в котором запомнился Антон Павлович Чехов, существенно отличаются от больших роговых очков наших современников.

Менялись форма и облик очков, а способ крепления линз к оправам оставался неизменным, хотя он далек от совершенства: трудоемкий, связанный с нагреванием оправы, сверлением стекла и т. д.

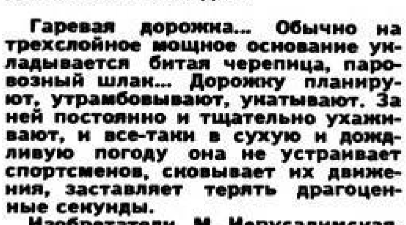
Слесарь из Харьковской области Б. Гарбузов предложил новую систему крепления линз. По его методу предусмотрены плоские пружины особой конструкции. Оптику, собирающему очки, остается только вставить линзы в оправу, пружинки будут крепко держать стекла.

ДОРОЖКА РЕКОРДОВ

Гаревая дорожка... Обычно на трехслойное мощное основание укладывается битая черепица, паровозный шлак... Дорожку планируют, утрамбовывают, укатывают. За ней постоянно и тщательно ухаживают, и все-таки в сухую и дождливую погоду она не устраивает спортсменов, сковывает их движения, заставляет терять драгоценные секунды.

Изобретатели М. Иерусалимская, В. Лебедихин, П. Батянов, Г. Максимов предложили новые материалы для спортивной дорожки. Они отлично выдерживают летний зной и сохраняются под ледяным панцирем зимнего катка. При эксплуатации дорожка не требует никакого специального ухода, и к тому же она в три раза дешевле гаревой. Значит, при строительстве каждого стадиона можно сэкономить, по подсчетам специалистов, около тридцати тысяч рублей.

К 70-летию со дня рождения

СПАСИБО, ДОРОГАЯ АНДЖАПАРИДЗЕ

Письмо начинается просто: «Дорогая Анджапаридзе!..»

Действительно, как еще можно обратиться к немолодой уже грузинской актрисе, если не знаешь ни имени, ни отчества: на экране лишь мгновенно промелькнула ее фамилия. А написать ей решила русская девушка из туркменского города Мары; она недавно окончила школу, работает на железной дороге, видела фильм «Отарова вдова»...

«Начало картины было обыкновенным и неудивительным,— пишет девушка.— Но потом я совсем забыла, что сижу в кинотеатре, мне казалось, что я вместе с Анджапаридзе хороню своего единственного сына. Вы не поверите, как я плакала,— слезы не успевала утирать; в зале нашлось не много людей, которые сумели удержаться от слез...»

Светлана Морозова пишет: хотим поблагодарить дорогую актрису от всего города Мары... За что? За слезы?! Да, это, наверное, тот единственный случай, когда за слезы хочется благодарить...

Большой трагической актрисе, трижды лауреату Государственной премии, народной артистке СССР Верико Анджапаридзе исполнилось 70 лет.

Если бы все ее роли, сыгранные на сцене театра, показать в кино, каким огромным подарком было бы это для зрителей...

И как досадно, что в общем-то мало кто знает ее Клеопатру и ее Маргариту, ее Медею, ее Мать из пьесы Чапека и ее Бабушку из пьесы Касона «Деревья умирают стоя»...

Много образов неизменно сильных духом, великолепных женщин создала Верико, и сегодня такая же неотразимая, какой была, когда, скажем, выступала она вместе с Василием Ивановичем Качаловым...

Приехав в Тбилиси, Качалов предложил Верико принять участие в его творческом вечере, сыграть вместе с ним отрывки из шекспировского «Ричарда III».

«Я пришла в антракте,— вспоминает Верико.— Следующее отделение было за нами. Василий Иванович встретил меня взволнованными словами: «Ваши друзья говорят, что в последний момент вы можете струсить. Но вам нечего волноваться. Вы же замечательно читаете! Поверьте мне! Гораздо лучше меня!..» Мой дорогой Качалов, я так благодарна была ему за эту ложь! Он сам торжественно представил меня публике. Я вышла на сцену, начала монолог Анны и сразу успокоилась. Ричард — Качалов ходил вокруг меня, касаясь меня своими пальцами, своими красивыми руками; все его внимание было направлено к тому, чтобы не он, а я была хороша!..»

...Стройной, красивой девушкой Верико читала забытые ныне стихи Бальмонта, более полувека назад, на выпуске драмстудии Малого театра в Москве. Ее слушал и «благословил» один из корифеев русской сцены А. И. Сумбатов-Южин.

Прошла целая жизнь. Но и сейчас в Тбилиси, нынешней осенью, мы все еще зовем Верико по-весеннему, по-юному — Верико... Она все еще красива — осанкой своей, удивительным тембром голоса, живыми, яркими глазами, улыбкой, которою встречает день, друзей, улицу, по которой идет в свой театр...

Да, да, в театр она ходит обязательно, каждый день: репетирует, создавая в «Памяти сердца» Корнейчука еще один образ матери, показывая жизнь еще одного великого сердца человеческого...

И. МЕСХИ

Фото И. Тункеля.

Семен БОРЗУНОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

НЕ ПЕРВА

— Батальон, смирно!— Старший лейтенант Даниелян, стараясь скрыть боль в раненой ноге и потому ступая особенно четко, подошел к стоявшим поодаль командиру полка Казакевичу и комиссару Мурадяну.— Товарищ подполковник! Батальон по вашему приказанию построен!

— Вольно!— Подполковник окинул взглядом поредевший батальон.— Товарищи гвардейцы! В недавнем бою вы доказали, что ваш батальон стоит целого полка. Ваше мужество было беспримерным. Многие отличившиеся представлены к наградам. Но все вы, все как один, заслуживаете самой высокой похвалы и самого высокого доверия...

Подполковник прошел с фланга на фланг, остановился и как-то уж очень доверительно продолжил:

— Скоро начнем форсировать Дон. Вашему батальону доверено первому переправиться на тот берег. Захватить плацдарм, укрепиться. Нужна группа добровольцев, которая будет выполнять особое задание... От ее успешных действий зависит судьба всей операции. Задача трудная, опасная...

Голос комполка стал тверже:

— Добровольцы... два шага вперед.

Командир роты связи старший лейтенант Горохов шагнул вперед и увидел, что слева и справа вышли из строя Антонов, Герман, Захарин, Черновал, Бениашвили и работник дивизионной газеты «Красноармейское слово» Сергей Деревянкин.

«Какой молодец!— подумал Горохов.— Всюду он первый. Вот тебе и журналист, интеллигенция, так сказать!..»

А люди все выходили и выходили из строя. Сорок человек, нет, сорок два... сорок три...

...Отобрали десять. Учитывали все: характер, выносливость, ловкость и, конечно, умение плавать.

Строю разрешили разойтись. И тут комиссар Мурадян увидел молодого солдата Чолпонбая Тулебердиева. Тот бежал к нему.

— Товарищ майор! За что так обижать? За что?

— Кого, товарищ Тулебердиев? Да опустите руку. Вольно.

— Я же на посту ночью стоял, после смены спал. А меня в добровольцы не взяли. Прошу... Или если мне еще комсомольского билета не выдали, то и доверить нельзя?..

«Ход» с комсомольским билетом подсказала ему интуиция. Чолпонбай хорошо усвоил часто повторяемое Мурадяном: «Ничто так не мобилизует человека на добрые дела, как доверие».

— Хорошо, я попрошу за тебя!— пообещал комиссар.

II

Дзоты и блиндажи, хитро сплетенные сети траншей и окопов, ряды колючей проволоки, противотанковые и противопехотные мины — все это на том берегу.

Но все-таки разведка нащупала слабинку в самом, казалось бы, недоступном месте — у Меловой горы.

Сюда, скрытно перегруппировав силы под самым носом противника, ночью перебросили стрелковую дивизию.

Специальные штурмовые отряды должны были форсировать Дон вслед за горсткой добровольцев.

Группа, командиром которой был назначен старший лейтенант Горохов, готовилась к переправе. Спустили на воду и замаскировали лодки. В плащ-палатки набили сено. Получались своеобразные плотики, на них можно было положить оружие, боеприпасы, но, кроме всего, эти необычные плавсредства могли выдержать и человека.

Горохов в бинокль рассматривал место высадки.

Внимательно, сузив глаза, глядит за Дон и Чолпонбай. Все видят, все подмечают глаза, словно бы он уже за рекой. Вот он затаился, поднимается по уступу, подтянулся, ухватившись за куст, нащупал ногой выбоину, укрепился. А потом, вжимаясь в камень, ползет дальше—теперь можно оглядеться. Дзот справа в расщелине. Замаскирован. Не сразу увидел его, этот холмик свежей земли, покрытый жухлой травою. А вдруг там, за вывороченным камнем, еще огневая точка? Всего в бинокль не увидишь, но чудится, что ли: синеватый дымок там вьется и птицы не садятся около этого камня...

Рядом с Чолпонбаем в окопе — Сергей Деревянкин. Он старается держаться как можно спокойнее. Изредка только вздохнет в утайку, вспомнив про письмо, что лежит в нагрудном кармане. И тоже глядит и глядит туда, за Дон, где поднялась клыком в небо Меловая гора. Отсюда кажется она черной.

— Почему вздыхаешь?— спросил Чолпонбай.— Жалко, что не в первой группе идешь? Да?

— Да, Чоке...

— Ничего, друг, там,— махнул рукою за реку,— встретимся. Вместе будем. Да?

— Да, друг,— ответил, не взглянув в глаза товарищу.

...Рано умер отец Чолпонбая, всю заботу о семье взял Токош—старший брат. Он заменил Чолпонбаю отца. Воспитывал. Разница в возрасте была небольшая, всего несколько лет, но младший брат не то что любил старшего, а просто преклонялся перед ним, считая брата (как и многие в аиле) человеком особенным. Об уме Токоша, об его честности шла добрая молва. И пожилые не считали для себя зазорным посоветоваться с ним.

Сергей переписывался с Токошем, дружил с ним заочно. Токош, воевавший на другом фронте, часто писал Сергею, интересовался братом, просил приглядывать за ним.

И вот в кармане у Сергея лежит письмо командира роты, в которой служил Токош: «Товарищ Деревянкин, обращаемся к вам как к другу Токоша Тулебердиева. В бою под Ржевом рядовой Токош Тулебердиев до конца выполнил свой долг солдата и пал смертью храбрых. Мы нашли в его вещмешке ваши письма и адрес. Вам и пишем. Просим обо всем сообщить его брату. На родину Т. Тулебердиева мы послали письмо с указанием места захоронения. Скорбим вместе с вами. Мы отомстим врагу за нашего друга. Ст. л-т Кругов».

Сергей знал наизусть это короткое письмо. «Какое право имею я скрывать это?— думал Сергей.— Какое? Право друга, оберегающего... От чего? От правды? Я, а не кто-то другой должен сказать ему об этом. Но как? Какие найти слова? Сказать сейчас? Нет, нет!.. Надо как-то подготовить себя, да-да, себя и его...»

Чолпонбай отложил бинокль. По-детски ладонью протер глаза, спросил:

— У тебя что-то случилось, Сергей?

— Нет, что ты!

— Никогда тебя не видел таким.

— Каким?

— Темным, как туча...— И Чолпонбай сдвинул брови, показывая, как темна туча.— Что случилось? Почему со мной не поделишься? Ну, скажи, друг, легче будет. Что, Нина не пишет? Да?

— Да, друг.— Сергей отвел глаза.

— Ничего. Не унывай,— успокаивал его Чолпонбай.— Я ведь тоже очень давно писем от Токоша не получал. А вот верю: все хорошо. Там,— он снова махнул рукою за Дон,— там много получим писем...

За рекою тяжело ухнул пушечный выстрел. Дрогнула земля.

Чолпонбай поднял к глазам бинокль.

III

Удивительна судьба военного журналиста. Столько нового, значительного видишь и познаешь каждый день, столько хороших людей встречаешь на жестоком фронтовом пути, что собственные переживания, собственная жизнь вроде бы и не в счет. Вроде бы и не живешь ты сам, занятый чужими судьбами. Да и разве чужие они, эти жизни и судьбы! Видать, не зря говорят, что у журналистов не одна, а десятки, сотни жизней. И впрямь, написать что-либо внятное о человеке можно только тогда, когда переживешь, прочувствуешь то, что пережил и прочувствовал он. Каждый новый очерк — это чья-то жизнь, которая стала частью твоей собственной жизни.

Однажды зимой Сергей спешил в штаб стрелкового полка. На заснеженной, еще не очень разъезженной, но дважды разбомбленной дороге встретились ему молодые солдаты в новеньких шинелях. Новобранцы только что прибыли из запасной кавалерийской дивизии.

Сергей бегом обогнал строй. Но на обочине споткнулся, чуть было не упал и почему-то сконфуженно оглянулся. На него с каким-то участием, очень по-доброму смотрел молодой, чуть раскосый, скуластый парень. Глаза его были черны, но полны какого-то ясного света. Только это лицо и увидел Сергей, будто бы и не было вокруг больше никого.

Позже он опять увидел этого парня уже в штабе полка. И снова отметил, какие выразительные у него глаза.

У Сергея тогда было задание написать очерк о молодом бойце. Уточнив дорогу, он торопился к месту недавнего боя. Он шел и все время, как это часто бывает с журналистами, вспоминал почему-то того парня. Широкоскулое, загорелое лицо, ясные черные глаза, свет в них, словно бы исходивший из самого сердца.

Давно ли и сам Сергей, таким же юным, учился в военно-политическом училище в Житомире? Давно ли бережно хранил номера «Пионерской правды», где были помещены две его заметки и небольшое стихотворение о Пушкине? Давно ли? А как потом с двумя кубарями в петлицах был он комиссаром разведроты в танковой бригаде, вел дневник. Как восторженно читал в Перемышле стихи Пушкина, в ту самую ночь, когда началась война.

Я АТАКА

И как тогда в первый же день войны за какой-то огромный, непреодолимый барьер было отброшено детство, юность...

Сергей шел по молчаливому лесу, удивляясь этой вот тишине. Деревня, в которой должен был находиться батальон, куда спешил Сергей, возникла за деревьями совсем уж неожиданно. Он остановился и долго рассматривал околицу деревушки, улицу, что совсем близко подступала к обожженным деревьям березового леса.

Все было тихо и пустынно. Ни голоса, ни серой солдатской шинели. Очень осторожно, от дерева к дереву пошел Сергей вдоль подлесной улицы. По-прежнему вокруг было тихо. «Чего это я заосторожничал?» — с какой-то неприязнью подумал о себе и зашагал напрямик через огороды к домам.

На землю опускался вечер, и в сереньком сумраке у большой избы он неожиданно увидел машину... Немецкую грузовую машину с откинутым задним бортом и немцев. Они передавали с рук на руки какие-то ящики и переговаривались.

Сергей опрометью кинулся к лесу...

...Командир полка отдал распоряжение отправить в эту деревеньку новобранцев, среди которых находился и Чолпонбай Тулебердиев, тот самый молодой киргиз, на которого обратил внимание Сергей. Сообщение Сергея было неожиданным...

Вот с той поры Чолпонбай Тулебердиев и считал, что его друзей и его самого выручил Сергей Деревянкин. И хотя сам Сергей скоро забыл об этом мимолетном эпизоде и даже не сделал в записной книжке ни одной пометки, Чолпонбай не забыл ничего и привязался к политруку. Ему, Сергею, первому рассказал, первому и единственному, о любимой Гюльнар и о брате Токоше, дал его адрес.

IV

Долго молча смотрели на правый берег. Чолпонбай не выпускал бинокля из рук, пристально выглядывая местность. Сергей думал и думал о том, как воспримет юноша известие о гибели брата.

«Если мне так тяжело, то каково же будет ему? А если завтра, вернее, этой ночью, перед рассветом что-нибудь случится со мной?.. Нет, я должен, обязательно должен сказать правду...» — думал Сергей.

Кажется, война сняла все заботы, кроме одной,— быть солдатом-журналистом.

Сколько атак повидал, не в одной побывал и вместе с Чолпонбаем, но вот это несчастье куда страшнее. Как выдержать его?.. Как победить? А возможно ли вообще победить в такой схватке, в которой ты уже заранее побежден?..

Сергей Деревянкин локтем как бы невзначай дотронулся до локтя Чолпонбая. Тот повернулся и долго рассматривал его лицо.

— Ты снова темнее тучи, Сергей. Что с тобой?

Сергей не ответил. Он открыл блокнот и стал записывать.

Чолпонбай с уважением следил за быстрой рукой Сергея, за карандашом, выводившим строку за строкой, точно бегущим по невидимой тропинке и оставлявшим за собой четкий след.

Странное дело, немало рассказал Чолпонбай о себе, а вот сам не расспрашивал никогда. Не то чтобы стеснялся, но всегда хотелось самому рассказать о себе именно Сергею. Чолпонбай пристальным взглядом охотника еще тогда на зимней снежной дороге сразу выделил политрука Деревянкина. Этот журналист умел слушать. Ты говорил о далекой Киргизии, а становился ближе он, Сергей. Тот мог бы на минуту заглянуть в окоп, спросить фамилию, звание, номер роты и взвода — и все. Ведь заметки в дивизионной газете были очень короткими. Но политрук ел с солдатами из одного котелка, да, с ним, с Чолпонбаем, ел, писал в окопе, ходил в атаки, дважды заслонил его в штыковой, а после, когда все отдыхали, писал и бежал в редакцию, чтобы скорее снова вернуться в окопы.

И когда кто-то сказал, что трудно на войне солдату, Чолпонбай возразил, что трудней политруку Деревянкину. И все во взводе с ним согласились. И рассказали о том, что Деревянкин начал войну в первые же минуты в Перемышле, что был ранен на второй день, что нет добрее человека, чем он.

— А Дон — большая река? Длинная?— неожиданно спрашивает Чолпонбай.

— Почти две тысячи километров.

— И всюду кровь. Знаешь, Сергей, на заре мне кажется, что река окровавленная.

Оба смотрят на реку. На медленно текущую воду, как и на огонь, можно смотреть бесконечно.

Сергей старается не думать о письме и вспоминает свое село Студеное в Воронежской области. Вот ручеек, который они запруживают, чтобы в накопившейся воде отмачивать коноплю. Мать одна, совсем одна. Отец, солдат, георгиевский кавалер, воевал в гражданскую с белыми и пал в бою где-то тут, на Дону... Мама вечно на ногах, все бегом, все бегом, все жалеючи детей, все сама да сама. Зимой около ее веретена телок стоит, вздыхает... Топал Сережка в школу в обносках, а чуть снег стаивал — босиком. Лишь бы учиться.

Почему так сладко и свежо вдруг запахло яблоками?..

— Антоновка, белый налив, анисовка,— вслух говорит Сергей, а сам все думает и думает о родном селе, о матери...

Локоть Чолпонбая тесней прижался к его локтю.

— Яблоки,— говорит он тихо и, вероятно, тоже вспоминает свой аил.— Токош очень любит яблоки.

Медлителен, почти недвижим Дон, глубока и холодна вода его. Вот он тихо и мягко тычется волной в берег.

А Чолпонбай видит горную речку, себя, мальчишку, и своих товарищей. Они возятся, стараясь положить друг друга на лопатки.

Облаком курчавится рядом отара овец. Их пасут они каждое лето с Токошем в горах... Черной пенистой волной переливаются через горы отары, а чуть выше белеет застывшая вечная пена снегов, и обнимают их альпийские луга.

Белизною снегов отливают глаза сокола. Чолпонбай садится на коня, берет птицу на плечо... И пружинят поля, горы; летят навстречу, а он, молодой, чувствует, что и сам как сокол на плече земли и вот-вот взлетит.

V

Тишина... Такая обманчивая тишина, какая может быть только на войне, только на фронте, на переднем, самом переднем крае. И вдруг разом, навылет прошила, прожгла пулеметная очередь.

А помнишь, Чолпонбай, июль 1941 года? Помнишь ли ты этот июль, Сергей Деревянкин? Тогда, превращая день в ночь, а ночь в день, целую неделю потрясал землю и реку огненный смерч. Винтовочные и автоматные очереди тонули в пулеметной пальбе, а непрерывный лай немецких пулеметов утопал в вое артиллерийской канонады.

День и ночь, день и ночь.

Неделю.

Целую бесконечную неделю.

Старики киргизы на горных пастбищах толкуют: «Прошлого не вернешь, умершего не оживишь». А правильно ли это — о прошлом? Нет. Можно это прошлое оживить, да и без твоей воли оно живо, оно стоит перед тобой. Это сейчас спится, как глубоко спится под проливным дождем, после непрерывных артналетов. Это сейчас в сон врывается низкий гул моторов и крик:

— Тревога! Немцы! Десант!

Все вскакивают. Какое слепящее утро! Каждая росинка на листьях деревьев, как маленькое солнце, сверкает, режет глаза. Над деревьями мягкие дымки взрывов, вспыхивают раскрывающиеся парашюты. Они все укрупняются, приближаясь к земле. Видно, как один из парашютистов подтягивает стропы и быстрее других спускается на поляну.

Все это происходит в несколько мгновений. Кто-то сует Чолпонбаю в руки винтовку. Это Сергей, сам он с симоновской полуавтоматической.

— К поляне!— приказывает он, и солдаты, стреляя на бегу в стреляющих с воздуха парашютистов, кидаются к поляне.

— Отрезать подход к селу, взять в кольцо лес!— слышится команда.

Это уже не голос политрука, но кажется, что это он.

Один парашютист! Два... десять!

Сорок!

Шестьдесят!

Сколько их!

Черное, черное небо. Без облаков, без глубины, без солнца... Небо стреляет. А в ответ стреляет земля.

Немецкие парашютисты действуют слаженно, бьют точно, маневрируют стропами и, приземлившись, тут же кидаются в бой. Рослые, плечистые, как на подбор, они ловки и стремительны.

Раскинув руки, зашатался и рухнул взводный.

Пуля срезала ветку — тонкий прутик, от которого ты, словно предчувствуя беду, только что отодвинулся на самую малость. Под твоим подбородком пронеслось пламя, и тут же в ствол ближнего дерева вонзилось несколько пуль.

Ты вжимаешься, втискиваешься в землю. И стреляешь, стреляешь по одному черному небу, по этим бесконечным в своем движении фигурам.

И рядом, тщательно целясь, стреляет твой друг.

«Чоке! Чоке! Возьми себя в руки, прикажи рукам поднять винтовку, прикажи глазам прицелиться, прикажи застыть плечу. Чоке! Рядом с тобой Сергей! Что подумает он, если увидит, что тебя сковал страх... Ты охотник, лучший в аиле стрелок, Чоке...»

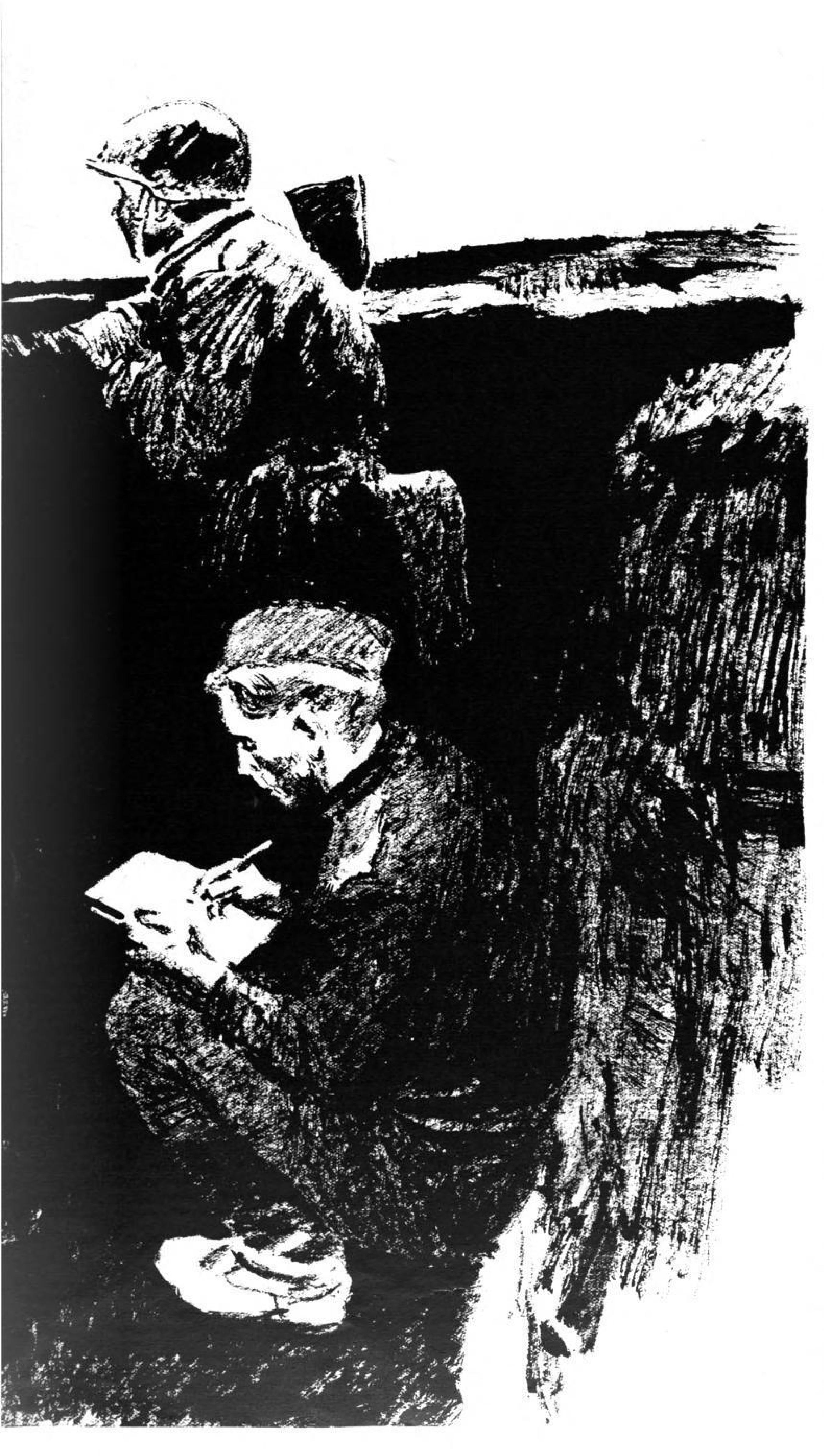
В эту секунду здоровенный рыжий детина, без пилотки, с засученными рукавами, вскинул автомат. Миг... Доля мига, но пуля Сергея оказалась быстрее.

Еще один, за широким пнем. Ну! Есть! Раньше чем успел подумать Чолпонбай, палец его нажал курок, и первый поверженный враг остался лежать на земле.

По мокрой траве, по сырым сучьям, по веткам, сбитым пулями, по глинистой земле — вперед... Только вперед.

Теперь все решит ближний бой. Ближний! Штыковой.

Через несколько секунд раздастся команда. Надо будет оторвать себя от земли и бросить навстречу смерти.

Он глянул на Сергея и не узнал. Его лицо с острым выдвинутым подбородком было каменно застывшим, глаза, не синие и добрые, как обычно, а стальные, яростные, встретились с его глазами...

И вдруг Сергей сморщился и чихнул. На секунду Чолпонбаю стало даже смешно.

— Простыл под дождем!— услышал голос и не узнал, был он сух и колок...

— В атаку! В штыки! Ура!

— Ура! У-р-ра!

Вокруг поднимались, нет, поднимали себя люди.

Чолпонбай тоже хотел встать. Но тяжесть, страшная, смертная, еще не испытанная тяжесть придавила его, приплюснула к глинистой выбоине. Было трудно во время скачек опережать самых первых. Трудно было и в школе на экзаменах. Но все это показалось сейчас ничтожной тяжестью перед грузом земли. Ему казалось, что надо оторвать не себя от земли, а землю, всю планету оттолкнуть от себя.

— У-р-раа!— Это голос Сергея, он поднялся и, пригнувшись, вынося вперед штык, кинулся вперед.

Невидимая, но такая прочная связь, соединившая их, вдруг выбросила из выбоины. И, обгоняя Сергея, почти не пригибаясь, Чолпонбай побежал навстречу горячему ветру. Схлестнулись штыки и приклады...

...Читая дивизионку, Чолпонбай часто думал о том, что политрук Деревянкин всегда точно описывает события, потому что сам участвует в боях... Он правдиво пишет обо всех... Но о нем, Сергее Деревянкине, ничего не пишется, словно его звание политрука и журналиста — броня. Словно он неуязвим, и пуля облетает его, и смерть сторонится... Он идет в бой «простой смертный» с «простыми смертными». И он расскажет о каждом так, как того каждый заслуживает. Но о нем никто ничего не расскажет. Он журналист...

VI

«Сережа, милый! Пишу тебе под впечатлением твоего очерка о Чолпонбае. Я получила и эту вырезку из газеты. Ты с такой любовью пишешь о нем, что я начинаю любить его. Он, оказывается, дал мой адрес своей Гюльнар, и она мне прислала фотокарточку и письмо. Она снята в тюбетейке. Косы густые-густые, глаза такие добрые и красивые, что я с ней, не задумываясь, поменялась бы своими. А письмо! Теперь приготовься к сцене ревности! Не знаю уж, чего ей понаписал о тебе Чоке, но Гюльнар просто соловьем разливается, когда речь заходит о тебе.

Ну, ладно, Сережа. Все это, сам понимаешь, шутки. Чуть не забыла сказать тебе о своей шкатулке. Это такой крохотный ящичек. В нем я храню твои письма и твои газеты, вырезки. То, что храню в бывшей аптечке, указывает, как ты, конечно, догадался, на лечебное, целительное качество твоих писем. Поэтому помни, что чем чаще ты мне будешь писать, тем лучше «для моего здоровья». Прошу тебя, сфотографируйся. Сфотографируй и Чоке. Пришли мне твою и его фотографию. Я на него посмотрю и отошлю Гюльнар. Это будет отличный подарок.

Сегодня у нас «легкий» день. Я «отгуливаю» за несколько чуть ли не круглосуточных дежурств. Настроение у меня хорошее, я как будто слышу твой голос. Ты у меня самый лучший.

Целую тебя. Твоя Н.

Июль 1942 г.».

Это письмо Нины Сергей держал в нагрудном кармане рядом с известием о гибели Токоша... Когда он в какой уж раз пытался достать из кармана тот страшный листок, чтобы отдать Чолпонбаю, пальцы Сергея нащупывали не тонкий треугольник, а другой, потолще — письмо Нины. Так случилось и на этот раз. И Сергей обрадовался ошибке: он и сам еще не знал, хватит ли у него твердости сказать правду, всю правду Чолпонбаю.

Окончание следует.

Христофор Колумб и... Христофор Колумб.

В ГОСТЯХ У ХРИСТОФОРА КОЛУМБА

— Можно видеть Христофора Колумба?

Слуга в темной ливрее, открывший дубовую, украшенную серебряным якорем парадную дверь, молча пропускает нас в просторный холл, где стоит отлично сделанный макет «Санта Марии» — шхуны, на которой Колумб совершил свое историческое плавание. Он просит визитную карточку, долго, с хмурым видом изучает ее, потом неожиданно говорит по-русски:

— Герцог отбыл к месту службы в Барселону. Вас может принять его супруга...

Мы в доме Христофора Колумба, потомка первооткрывателя Америки. Хотя нынешний Христофор Колумб всего лишь скромный капитан флота и командует небольшим фрегатом береговой охраны, за ним сохранены все пышные титулы его далекого предка: герцог де Верагуа, адмирал и вице-король Индий, маркиз Ямайки. Во всем испанском военно-морском флоте есть только один офицер, который имеет право носить на рукаве кителя пять золотых шевронов — знак Генерального Капитана Армады. И этот офицер — 45-летний Христофор Колумб!

— Неужели в нынешней России известно имя Христофора Колумба? — искренне удивляется герцогиня де Верагуа.— Вы говорите, что на русском языке даже издан ряд книг о Колумбе? Как странно!..

Впрочем, в ходе беседы довольно скоро выясняется, что сама герцогиня — не большой знаток истории плаваний Колумба. Роль гида выполняет в доме сотрудник мадридского Института испанской культуры Хулио де Агенса, приглашенный главой семьи для приведения в порядок архива великого мореплавателя. Он показывает нам висящий на стене большой треугольный щит, на котором три рисунка: золотой замок, лев, несколько золотых островов, как бы плывущих по лазурной поверхности океана. Рядом с островами — золотые якоря и надпись: «Кастилии и Леону Новый Свет дал Колумб».

— Этот герб был торжественно дарован Колумбу в 1493 году, после того, как он возвратился в Барселону из своего знаменитого первого плавания,— рассказывает Хулио де Агенса.— Во время плавания, о котором идет речь, знаменитый путешественник ставил своей задачей «найти Индию» и полагал, что неподалеку от Индии находится Сипанго (Япония). Когда на горизонте появилась земля, Колумб объявил команде, что судно подходит к берегам Сипанго. На самом же деле так была открыта Куба, где испанские моряки, кстати говоря, впервые познакомились с неизвестным ранее европейцам табаком. Во время путешествия Колумб открыл также несколько островов Багамской группы и остров Гаити, которому он дал название «Эспаньола». В тот период Испанией правили «католические» короли Изабелла и ее супруг Фердинанд. Когда каравеллы Колумба бросили якорь у берегов Испании, Изабелла и Фердинанд устроили путешественникам пышную встречу и даровали капитану дворянский герб.

Я спрашиваю, можно ли видеть известный договор, в котором формулировались цели путешествия Колумба и который был заключен путешественником с Фердинандом и Изабеллой в апреле 1492 года, перед отплытием к берегам Америки.

— Все старинные документы, связанные с именем Колумба и, кстати, еще недостаточно изученные, представляют огромную ценность,— говорит Хулио де Агенса.— Поэтому герцог и герцогиня предпочитают хранить их не дома, а в банке, в специальном стальном сейфе...

К потомкам Колумба, живущим в Мадриде, проявляют особенно живой интерес американцы. Некая предприимчивая компания «Ллойд бразерс» из Цинциннатти (США) выпустила специальный цветной буклет, в котором рассказывается о семье наследников знаменитого мореплавателя. Время от времени нынешнего Христофора Колумба и его жену приглашают в США. Во время последнего такого визита им торжественно вручили символический «Золотой ключ Майами»...

Столь большое внимание к герцогам де Верагуа объясняется отнюдь не только интересом к далекой истории. В последние годы США усиленными темпами «осваивают» Пиренейский полуостров. В Испании создана целая сеть американских военных баз, на испанской земле обосновались предприятия почти 100 американских концернов и монополий. Все это вызывает серьезную обеспокоенность широкой испанской общественности, в стране усиливаются антиамериканские настроения, и американская пропаганда, рассчитанная на Испанию, считает в этих условиях нужным всячески подчеркивать исторические связи между Испанией и США, превозносить заслуги испанских мореходов в открытии Нового Света. В свою очередь, официальная мадридская печать на первых полосах сообщает и о визитах герцога де Верагуа в США и о том, что потомку Колумба торжественно вручен «Золотой ключ Майами».

Я попытался заговорить об этих проблемах с герцогиней де Верагуа. Выражение ее лица стало страдальческим.

— Ах, я так далека от политики! Прошу вас: оставим эту тему...

— Но почему у вас сложилось такое странное мнение о Советском Союзе? Почему вы решили, например, что в нашей стране не знают имени Христофора Колумба?

Она с минуту помолчала.

— Мой слуга... ну, тот, что говорит по-русски... он в годы войны служил в «Голубой дивизии», попал в плен, несколько лет провел в Сибири. Он и рассказывает мне о России...

Когда мы прощались, проводить нас вышел темноглазый подросток в форме гардемарина. «Тоже потомок Колумба,— сказала, представляя юношу, его мать.— И его тоже зовут Христофор Колумб!»

Ю. КОРНИЛОВ

НЕСТАРЕЮЩИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ...

Народный артист СССР
Б. АЛЕКСАНДРОВ

Ко дню семидесятилетия композитора Константина Яковлевича Листова Московский театр оперетты снова поставил «Севастопольский вальс». Снова зрители могут услышать чарующую музыку, увидеть полюбившихся им героев.

«Мне хотелось писать о Севастополе наших дней, восставшем, как птица феникс, из пепла, светлом, чистом и бесконечно близком всем советским людям...» — писал композитор в 1955 году, когда была создана популярнейшая песня «Севастопольский вальс». И — как случилось когда-то со знаменитой «Тачанкой» — песня стала началом крупного музыкального произведения; она определила и настроение, и ритм, и даже драматургию оперетты, где снова отразились самые сильные жизненные привязанности композитора.

Ведь уже в 1918 году он, рядовой боец Красной Армии, пишет свою первую строевую песню «Да здравствуют Советы!». В 1919 году Реввоенсовет десятой армии направил Листова в Саратовскую консерваторию, а с 1924 года началась для него работа профессионала-композитора: он создает музыку к пьесам, которые ставились на сцене театра при Всероссийском Пролеткульте, работает в «Синей блузе», в Театре обозрений, пишет музыку к спектаклям Малого театра — «Мещанин во дворянстве» Мольера, «Горячие будни» Болотова... Но главным в творчестве композитора оставались песни. 18 декабря 1937 года на сцене Большого зала Московской консерватории впервые прозвучала «Песня о тачанке», ее исполнил Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии, которым руководил мой отец, Александр Васильевич Александров. И мне тоже трудно назвать более любимые, более популярные песни, чем листовские «Тачанка», «Весточка», «Землянка», «Ходили мы походами»...

В тридцатых годах завязалась дружба композитора с военными моряками. С тех пор моряки тоже считают Листова «своим» композитором. В армии и на флоте родились целые циклы листовских песен, вот уже много лет неизменно присутствующих в репертуарах многих наших песенных ансамблей.

Очень плодотворно работал композитор в годы Великой Отечественной войны. Среди песен, тогда им написанных, немало таких, что звучат и до сих пор.

Песенное творчество Листова военных лет отличается удивительной разноплановостью: здесь и лиричные, задушевные, здесь же и сатирические «Чудеса, чудеса» на слова С. Маршака, «Московские калачи» на слова И. Доронина, веселая флотская песня на стихи В. Замятина «Пускай фашист отведает»...

А советские моряки и сегодня поют «Бушлат», «Флотский борщ»... Да разве перечислишь все популярные песни, созданные Константином Яковлевичем Листовым! Их можно услышать всюду, в любом уголке советской земли. Но не напрасно я в самом начале вспомнил о новой постановке оперетты «Севастопольский вальс», где особенно отчетливо выразилось умение Листова найти такие выразительные музыкальные средства, которые делают песню подлинно драматургическим произведением. С какой песней Листова ни встретишься, всякий раз приходит мысль, что ее надо не только петь нашему ансамблю, но еще и играть; играть своеобразный спектакль, используя мелодии, всегда исполненные большой художественной образности и глубины.

Именно таким, как Листов, и желал Маяковский лет до ста расти без старости...

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«ХЛЕБ И БАЛЕРИНЫ»

Так назывался репортаж, опубликованный в 34-м номере «Огонька» в августе этого года. В нем говорилось, что выпечка обогащенного белком хлеба, обладающего высокими целебными свойствами, срывается из-за недостаточного производства сухого обезжиренного молока. В ответ на выступление журнала заместитель министра мясной и молочной промышленности СССР тов. Болдырев сообщает:

«Общее производство сухого обезжиренного молока в 1970 году составит 63 тысячи тонн (в 1965 году выработано 28 тысяч тонн). В расчетах к плану на 1971—1975 годы предусматривается довести производство этого продукта до 200 тысяч тонн, для чего намечено построить свыше 40 новых заводов мощностью в 2,5, 5 и 10 тонн сухого продукта в смену. В действующих цехах сушки будет установлено более производительное оборудование.

Для ускорения строительства заводов сухого обезжиренного молока Министерство мясной и молочной промышленности СССР совместно с союзными строительными министерствами принимает меры, обеспечивающие завершение строительства и ввод в действие новых заводов в установленные сроки».

Здравствуй, Чукотка!

Борис СМИРНОВ,
фото Николая КОЗЛОВСКОГО.
Специальные корреспонденты «Огонька»

ЧУКОТКА БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

— Ничего, накат сегодня небольшой. Высадитесь нормально,— сказал капитан.

«Гранит» — небольшое зверобойное судно, на котором мы пришли,— качался на якоре метрах в сорока от берега. Мимо нас неторопливо катились большие пологие волны, прозрачные, густо-синие и очень холодные, даже с виду. У берега, прорастая белыми гривами, волны с шумом выбрасывались на гальку. Галечный пляж тянулся длинной широкой полосой, упираясь обоими концами в высокие черные скалы. За пляжем, вдалеке, виднелись белые кубики домов поселка... Небо, вода, сопки светились такими сочными красками, каких не увидишь, пожалуй, даже на картинах Рокуэлла Кента. Но здесь картина была живой: по берегу передвигались фигурки людей, несколько человек несли на плечах длинную и узкую желтую лодку. Опустили ее на гальку, втолкнули в волну и быстро поплыли к нам, работая шестами и веслами... Все выглядело нереально, непривычно, и казалось, что сейчас сбоку выскочит катер и кинорежиссер закричит в мегафон: «Стоп, все назад, делаем дубль!»

Лодка подошла к борту «Гранита». Снизу на нас смотрели люди с бронзовыми, будто отполированными лицами, с широкими скулами и раскосыми черными глазами. Ну, здравствуй, Чукотка!

Все, что мы видели до сих пор— на аэродромах, в Анадыре,— было слишком обыденно и не походило на ту экзотическую небольшую землю, которая создавалась в воображении еще со школьных лет. И вот теперь, в Беринговом море, к нам причаливала наконец настоящая Чукотка. А может, это мы причаливали к ней?

— Наступай осторожно. Шкуру продавишь! — говорил один из эскимосов, когда мы перелезали с борта «Гранита» в лодку. Лодки были не из желтого стеклопластика, как мне показалось вначале, а из моржовой шкуры, натянутой на деревянный каркас. За полупрозрачным низким бортом плескалась вода. От шкуры поднимался незнакомый густой запах. Вдоль борта лежали винтовки, гарпуны с костяными наконечниками, мотки кожаных веревок. Это была не лодка, а эскимосская байдара морских зверобоев.

Позже мы выходили на этих байдарах с бригадой охотников в море. Плыли долго, несколько часов, охотились на моржей, пили подогретый на примусе чай — и ни разу не появилось ощущение опасности, хотя сквозь тонкое пружинистое дно байдары легко ощущались удары упругих волн. Изготовить такую байдару, поднимающую десять человек, из шкуры одного моржа — дело очень тонкое и хлопотливое, но зато получается она быстрой, надежной, поворотливой. Нет еще, наверное, такого стеклопластика, которым зверобои согласились бы заменить привычные моржовые шкуры.

...Прежде чем ступить на берег, мы приняли чукотское «крещение». Хоть капитан и предрекал небольшой накат, волны у берега закручивали свои буруны довольно энергично. Байдара качалась в полосе прибоя, а с берега нас потихоньку подтягивали на тонкой длинной ременной веревке. Наконец, подошла большая волна. Люди на берегу дружно побежали, веревка натянулась, и байдара понеслась к берегу. Вместо того, чтобы выпрыгнуть, подобно десантникам, в пену уходящей волны, мы замешкались — и следующий вал хлынул на голову, на одежду, за воротник ледяными струями.

Под смех чукчей и эскимосов мы выбрались на берег. Они оказались совсем не такими, какими мне их раньше рисовало воображение. Все почти без акцента говорят по-русски, все одеты в обычную рабочую одежду — резиновые сапоги, стеганые куртки, шапки-ушанки. Рядом носятся дети в пестрых свитерах, спортивных брюках, вязаных шапочках. С «Гранита» на берег выгружаются какие-то детали к тракторам, ящики с компотом, школьные парты, стиральная машина... Окончательно сразило меня то, что на поясах у окружающих висели в ножнах не какие-то особые чукотские кинжалы, а простые кухонные ножи с зелеными пластмассовыми рукоятками...

Так мы вступили на землю Чукотки.

СИРЕНИКИ — СИРЕНЕВЫЕ КАМНИ

Сиреники — эскимосский поселок на берегу Берингова моря. Я так и не смог, сколько ни бился, узнать, откуда происходит это название. Лишь вернувшись в Москву и разбирая камешки, подобранные на сирениковских отмелях, я вдруг заметил их нежный сиреневый оттенок... Сирень... Сиреневый... Исконные русские слова... Боюсь, что такой вариант разгадки названия окажется несерьезным: ведь это поселение появилось задолго до прихода сюда первых русских людей. Может быть, еще в те времена, когда киевские и новгородские князья снаряжали свои дружины для походов в новые земли, сирениковские эскимосы садились в свои утлые байдарочки — каяки из шкур и уплывали по суровым морям на полярные острова, на Аляску, в Гренландию. Но не жажда открытий и любознательность гнали эскимосов в забитые льдами воды, а голод и безысходность. Жизнь этих людей зависела от капризов погоды, от случайной удачи, от того, куда устремлялись по неведомым законам природы стада моржей — их основная пища. После Октябрьской революции эскимосы стали объединяться с чукчами — охотниками, зверобоями и оленеводами. Сейчас в Сирениках образован большой совхоз «Ударник». Жалко, что у совхоза нет своего герба — на нем можно было бы изобразить кита с фонтаном, клыкастую голову моржа, хитрую песцовую мордочку или широченные рога оленя. Все это входит в сферу забот совхоза, и главная среди этих забот — олени.

...Уже минут тридцать вертолет летит над совхозными землями. Земли как таковой внизу, правда, маловато — все больше каменистые сопки. Лидия Рольтыт, старший зоотехник совхоза «Ударник», с нетерпением заглядывает в иллюминатор, вздыхает: «Скорее бы к стаду прилететь...»

— Что, плохо переносите вертолет? — стараюсь я перекричать гул двигателей.

— Совсем нет! Соскучилась! Месяц в Ессентуках отдыхала! — кричит в ответ Лида и испуганно прижимает руку к горлу: здесь ведь и голоса можно лишиться.

Лида — эскимоска. Она превосходный собеседник, остроумный и эрудированный. Лида так увлеченно рассказывала об оленях, что я легко представил, как это на Кавказе скучают по тундре. Зоотехник спешила не только к своим любимцам оленям, но и к целой ораве любопытных, горластых и прожорливых песцов на звероферме.

Вертолет застрекотал еще громче и стал снижаться. Внизу, у небесно-голубого озера, показались островерхие яранги. Между ярангами пушистыми шариками катались собаки. Люди в пестрых одеждах стояли у входов в свои меховые жилища и спокойно ждали, когда утихнут поднятые винтом бешеные вихри.

Стоянка—считанные минуты. Пока вечно спешащие вертолетчики выгружали почту, Лида побежала обниматься с какими-то женщинами. Оказалось, здесь у нее родственники, и выросла она в такой же вот яранге. Потом мы взлетели, и яранги сверху снова казались игрушечными и нереальными, как на картинке.

— Это была бригада,—объяснила потом Лида.— Яранги стоят подолгу в одном месте, они для оленеводов служат базами. А совхозные пастухи вместе со стадом кочуют по кругу неподалеку — километрах в тридцати. Если корм кончается, стадо переходит на новое пастбище, а вслед за ним переезжают и яранги...

Потом мы смогли побыть у яранг подольше. Я не стану описывать их подробно — это уже делалось неоднократно. Можно лишь сказать, что пока для кочевой жизни в полярной тундре лучших жилищ не придумано — таких же теплых, вместительных, легких и простых в постройке. Это не значит, что яранги будут всегда. В них трудно помыться, вместо мебели — одни оленьи шкуры, людям приходится жить скученно. В таких условиях единственно возможная одежда для пастухов — все те же, что и раньше, меховые кухлянки и торбаса. А в поселке у этих пастухов теплые квартиры в деревянных домах, современная мебель, европейская одежда и все такое прочее. Короче говоря, яранги — это, с одной стороны, тормоз для прогресса, а с другой стороны, «белое пятно» для конструкторов.

Теперь мы летели над тундрой, высматривая стадо. В вертолете появился новый пассажир — бригадир Борис Иванович Гиункеу, лучший оленевод совхоза, кавалер ордена Ленина. Он показывал летчикам, куда лететь, стоя на лесенке в пилотскую кабину, так что нам видны были лишь мягкие оленьи сапоги — свериты, серые меховые штаны и край кухлянки с подвешенными на ремне ножом и эмалированной кружкой. Бригадир был одет так же, как все пастухи, но когда он наклонился к нам в отсек, я увидел на нем модную серую кепочку, выглядевшую довольно задорно на фоне жесткой челки седых волос.

— Вон олени,— сказал бригадир.

Стадо казалось сверху огромным темным пятном. Приземлялись в стороне от него, чтобы не распугать оленей. Вертолет улетел, и мы остались в звенящей тишине тундры. Под ногами была низенькая сухая трава вперемеж-

Маленький Валерик Ионов, сын зверобоя.

Вертолет прилетел!

Григорий Семенович Гутников, председатель колхоза имени Ленина, Чукотского района.

Суровая красота Берингова моря.

В Чукотском море, близ Инчоуна, одно из крупнейших лежбищ моржей.

В бригаде оленеводов колхоза имени Ленина. Во время кочевья пастухи живут в теплых ярангах из оленьих шкур.

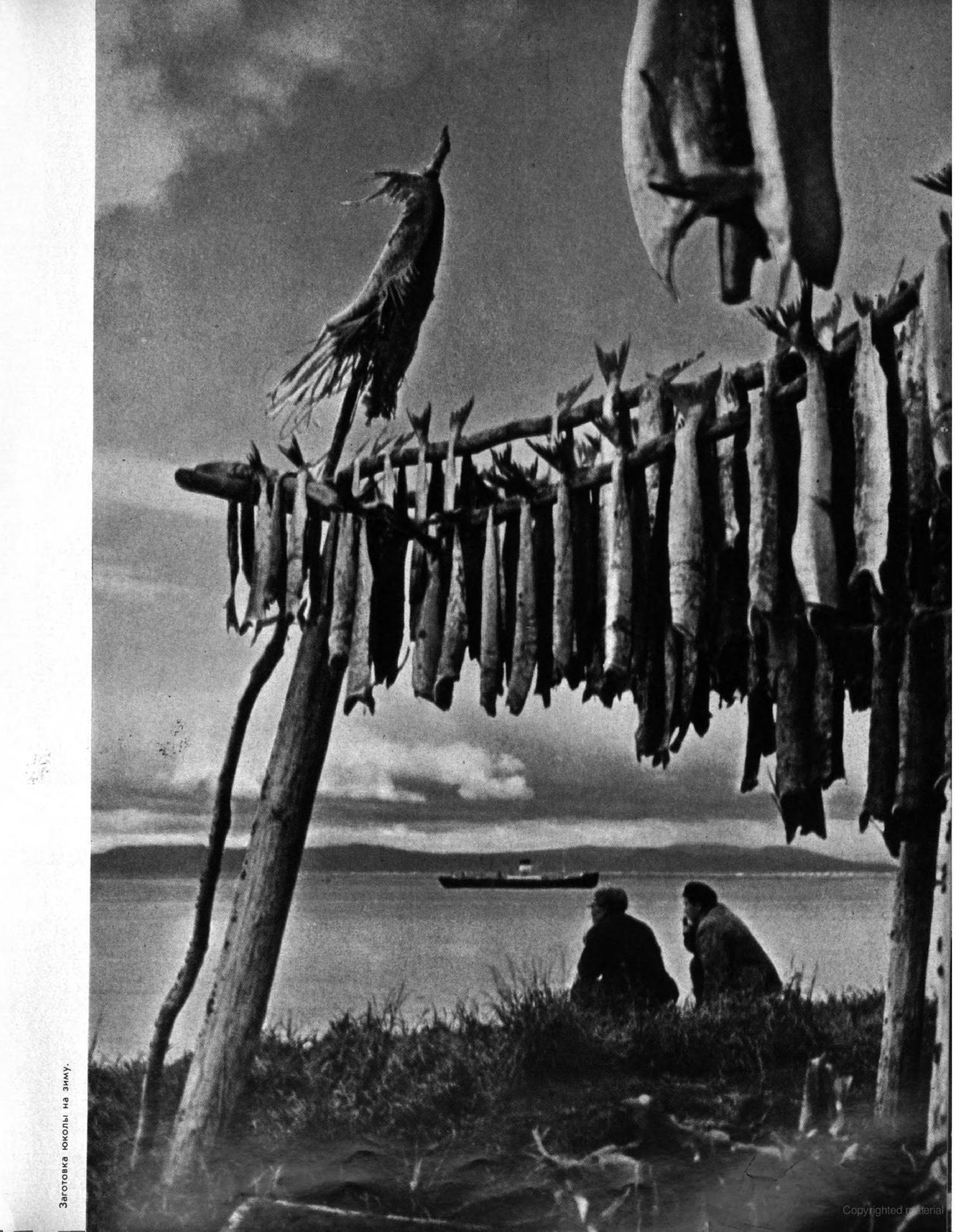
Есть в тундре такой поселок — Геологический.

...На оленях хорошо, а вертолетом лучше...

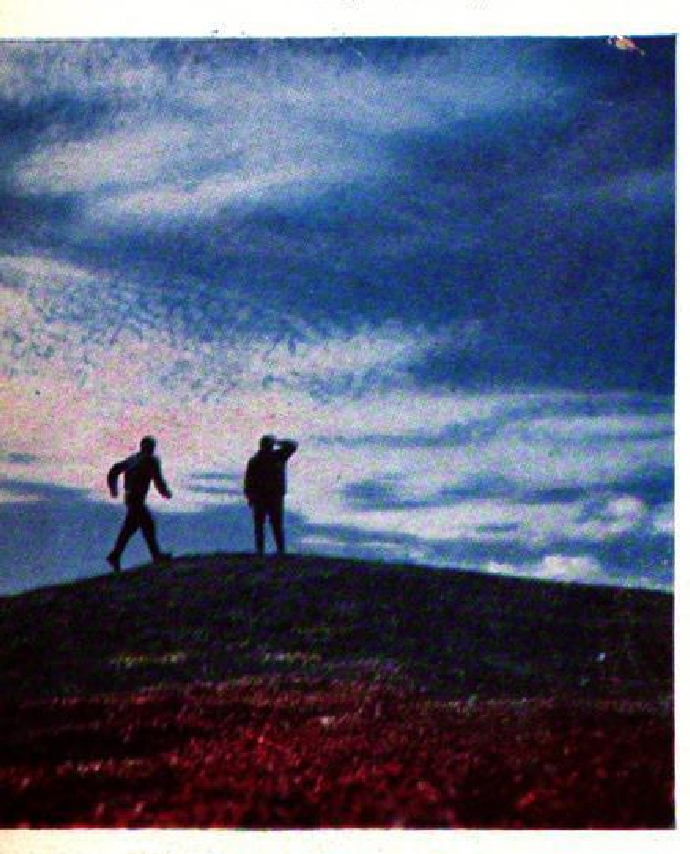
Под Иультином, в долине ручья Малышка, добывается вольфрам.

Заготовка юколы на зиму.

Оленевод колхоза имени Ленина Чиневикет с дочкой Людой.

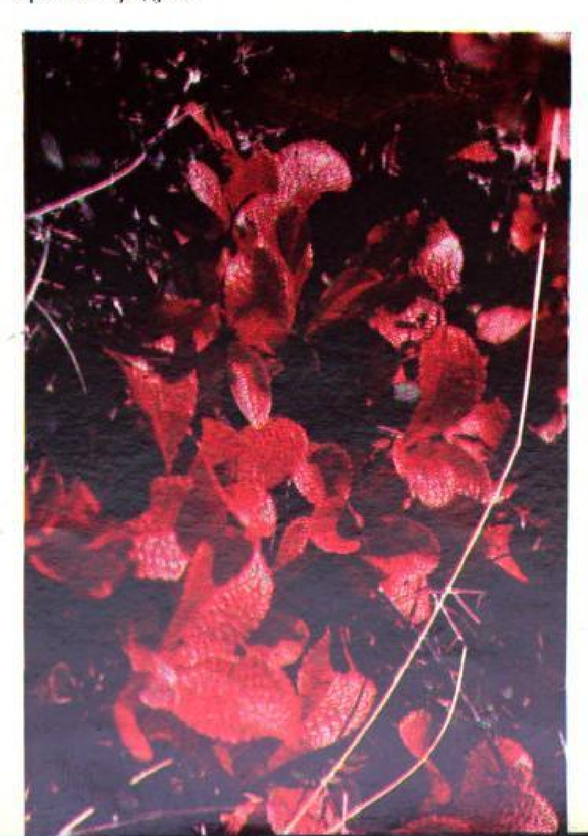
В тундре.

Охотник пушного промысла Кайчиген из поселка Сиреники.

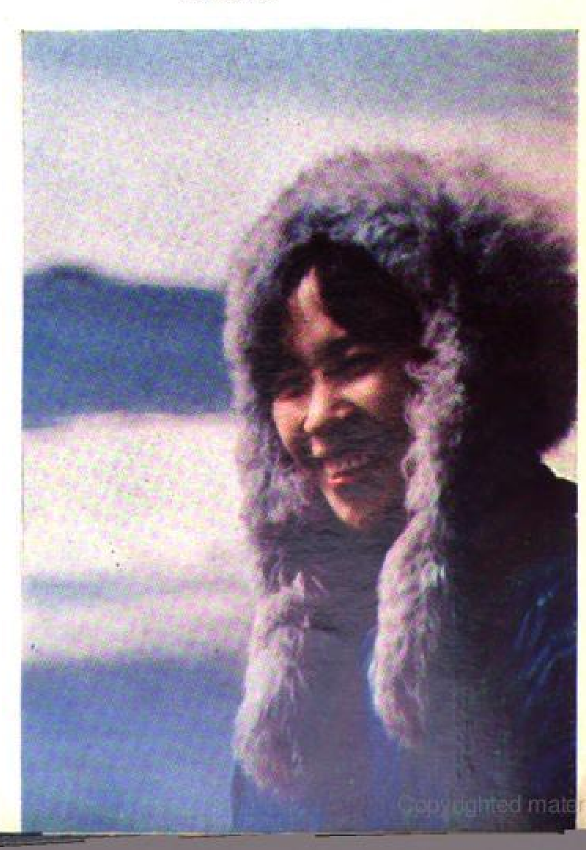

У моря Беринга. Шторм.

Краски тундры.

Зоотехник совхоза «Ударник» Лидия Рольтыт.

ку со мхом, повсюду торчали камни. Мы поднимались к гребню холма, и все слышнее становился какой-то шум, похожий на отдаленный рокот моря. Это шумело оленье стадо.

Здесь уже не было яранг. У ручейка стояла маленькая перкалевая палатка, рядом темнела глыба вездехода. Олени чуть поодаль — темная масса меховых боков, частокол ног, необозримый лес рогов. Стадо постоянно находится в движении, словно вращается вокруг невидимой оси, и постоянно слышится негромкий, равномерный шорох тысяч копыт, беспокойное хорканье. Лида сразу же убежала к стаду. Удивительно, как она могла разыскивать своих любимцев в этой многотысячной массе! Вообще-то олени не похожи друг на друга: один — весь серый, другой — пятнистый, третий — совершенно белый с красными, словно налитыми кровью, рогами. Рога тоже разные: у одного высокие, у другого широкие, а у того венчают голову прекрасной пышной короной с неповторимыми узорами остроконечных отростков. Я пробовал изучить и запомнить хоть одного оленя, но, отвернувшись на секунду, уже не мог отыскать его в этой беспокойной, вечно движущейся массе.

— Хорошая летовка,— рассуждал у костра с кипящим чайником Борис Иванович Гиункеу, имея в виду летний откорм оленей.—Олени все жирные. Погода хорошая, дожди идут. Холодно в тундре. Оленям спокойно: овода нет...

На Чукотке оводы большие, желтые и лохматые, как наши шмели. Плохо оленям, когда туча таких вампиров крутится над стадом. Олени мчатся по тундре, ничего не едят, слабеют и заболевают. Кроме оводов, летом терзают оленей комары, ядовитая мошка. Только холода и дождей боится эта нечисть. Плохо, когда лето в тундре жаркое.

Это лето, на нашу беду и на радость оленеводам, было холодным. Редкий овод не в силах испортить аппетит целому стаду, но бригадир все же распорядился опрыскать оленей. Пастухи — молодые парни Сергей, Дима и Окко — приготовили раствор хлорофоса, подхватили опрыскиватель и пошли к стаду создавать под руководством Лиды химический туман над оленями.

— Сколько примерно оленей в этом стаде? — спросил я у Гиункеу.

— Две тысячи восемьсот сорок шесть.

— Это вы точно знаете? Как же их можно пересчитать?

Бригадир внимательно посмотрел на меня.

— Можно пересчитать.

Бригадир улыбался. Конечно, откуда мне знать, что у хорошего хозяина все олени наперечет, что хозяин по одному только храпу различает своих оленей, знает, который из них слабый, который прихварывает. Раньше чукчи даже разувались, чтобы считать оленей по пальцам, откладывали при счете камушки, разували всех членов своей семьи, детей. Олень у чукчей считался чуть ли не священным, потому что в оленях была вся их жизнь. Это почитание оленя сохранилось как традиция, хотя теперь для счета всех совхозных оленей по старому способу пришлось бы разуть весь поселок.

К вечеру в стаде что-то произошло. То в одном, то в другом его конце отдельные группки животных бодрой иноходью начинали бег, и за ними, медленно разворачиваясь, устремлялось все стадо. Пастухи, отчаянно крича, бросались наперерез беглецам, но, погашенная в одном месте, «оленья атака» вспыхивала через минуту в другом конце, третьем, четвертом. Стадо раскручивалось, как вода в центрифуге, и пастухи уже не в силах были угнаться за беглецами.

— Не удержать оленя, стадо кочевать хочет,— сказал Гиункеу, оставив напрасную беготню и возвращаясь к костру.

Подошли и другие пастухи, сбросили кухлянки, сели пить чай. А кто-то из пастухов — двое или трое—ушли вслед за стадом, растекающимся по пологим холмам. Оленей нельзя бросать.

Трудно найти такую работу, которая бы сравнилась по сложности с трудом пастухов-оленеводов. Весь год, в любую непогоду кочуют они вместе со стадом, спят в снегу и леденеют на ветру. Пастух должен досконально знать оленей, должен быть резвее оленя, сильнее оленя, должен уметь стрелять, бросать чаут — аркан, жить в условиях, весьма далеких от элементарного комфорта, питаться и спать урывками... Возможно, это далеко не все качества, необходимые оленеводу, потому что все узнаешь лишь тогда, когда станешь пастухом сам.

Летом на Чукотке дни долгие. Солнце никак не хотело склоняться к волнистой грядке холмов на горизонте, все висело и висело над тундрой белесым шаром. Так приятно было лежать на теплой толстой шкуре у крохотного костра, где домовито шумел прокопченный чайник и булькал котел с оленьим мясом. Но бригадир сказал: «Надо кочевать. Олени далеко ушли». И все стали собираться. Быстро свернули палатку, забросили немудреный скарб в кузов вездехода, смотали антенну походной рации и поехали. Оленеводы всегда в пути, их дом — тундра.

КИТЫ, МОРЖИ И ПРОЧЕЕ

Ох, до чего же трудно здесь, на Чукотке, отмахнуться от экзотики! Одни названия на карте чего стоят! Бухта Провидения, Залив Креста, Уэлен, остров Врангеля... Экзотика настойчиво шепчет в ухо: «Посмотри, как охотятся на кита, побывай на моржовом лежбище и птичьем базаре, съезди на мыс Дежнева — ведь ты никогда и нигде больше этого не увидишь!» А у нас недостаток времени, у нас, черт бы ее побрал, нелетная погода, и прочее, и прочее...

Теперь, когда экзотика уже осела торопливыми строчками в блокноте, я с благодарностью вспоминаю Лёлича, без которого и киты, и моржи, и даже мыс Дежнева вполовину утратили бы для меня свою привлекательность.

Лёлич — это зверобой, морской зверобой, бригадир. Зовут его Лёлич, отчество у него Лёлич, и фамилия, конечно, звучит так же. Не только среди чукчей и эскимосов, даже среди русских этот человек выглядит богатырем. Этакий исполин, косая сажень в плечах — и необыкновенно добродушное, открытое и приветливое лицо. Впрочем, настоящие богатыри никогда не бывают злыми...

Мы плыли на вельботе из Уэлена к мысу Дежнева. Лёлич сидел на корме и направлял полет вельбота по волнам широким и длинным рулевым веслом. Мы шли довольно близко к берегу, и дробный стук мотора отражался в прибрежных скалах. Скалы то поднимались от самых волн высоченной гладкой стеной, то торчали из воды тонкими, указующими в небо перстами, то рассыпались по берегу причудливыми остроконечными башенками, и тогда казалось, что мы плывем мимо сказочного замка.

— Кит! Кит! — закричал Лёлич.

Я был поражен даже не тем обстоятельством, что рядом плывет настоящий кит, а тем, как закричал наш гигант-рулевой. Голос был звонкий, по-мальчишески тоненький и такой радостный, словно это Лёлич, а не я увидел кита первый раз в жизни.

Моторист сбавил ход, теперь вельбот пошел тихо, почти крадучись. Зверобои настороженно привстали, вглядываются в волны. Медлительные, неторопливые минуту назад, сейчас они подобны сжатым пружинам. И тут снова раздался счастливый, свободный крик Лёлича:

— Кит! Кит! И-а-я!

Теперь я тоже увидел кита. Метрах в десяти от нас из волн поднялась аспидно-черная горбушка, и из нее выхлестнул к небу невысокий фонтанчик. Потом горбушка начала поворачиваться — будто бы над водой крутилось огромное толстое колесо, а здесь, в волнах, виднелся лишь верхний его краешек. Вот волны сомкнулись, и только пятно гладкой воды осталось там, где был кит.

— Большой кит?—спросил я, поворачиваясь к Лёличу.

— Молодой еще!—ответил зверобой, и его широкое лицо расплылось в широченной улыбке, обнажая два ряда белых, крепких, словно выточенных в уэленской косторезке зубов. И мне вдруг все стало ясно. Лёлич рад этой встрече, хотя и знает, что не будет убивать кита. Он просто рад: кит в море!

Мыс Дежнева встречал нас туманом. Говорят, солнце здесь светит так редко, что не успевает высушить сырость на скалах. Природа словно нарочно пугает пришельцев мрачным, угрюмым видом этой крайней точки земли. Здесь сливаются два океана и расходятся два континента, здесь умирает старый день и рождается новая дата.

Очередная волна тумана развалилась, напоровшись на острый утес, и мы с воды увидели домики полярной станции на склоне горы, а еще выше — пирамидальную башенку маяка.

По скользким, сыпучим камням мы добрались до белой башенки — пика на вершине холма. Сердце гулко стучало — то ли от быстрого подъема, то ли от ощущения торжественности момента. Ладонью я стер толстые капли с медной доски, укрепленной на башне маяка, под бюстом бородатого человека, и прочел: «Семен Иванович Дежнев в 1648 году первым из мореплавателей открыл пролив между Азией и Америкой...» Рядом с башней — покосившийся деревянный крест, поставленный командою военного транспорта «Шилка» первого сентября 1910 года. «Памяти Дежнева Кресть сей воздвигнуть...»—написано на нем.

Лёлич, широко расставив ноги, застыл возле бюста отважного русского морехода. О чем он думал в тот миг, эскимосский зверобой, сын и внук зверобоя? Может, о том, что его далекий предок видел и дежневские деревянные кочи и самого бородатого казака Дежнева? А может, Лёлич вспоминал, как не однажды в ледяном мраке Берингова пролива он выводил свой вельбот на вспышки надежного дежневского маяка...

...До чего же они забавны, эти моржи! Одни лежат на боку, томно откинув голову. Другие храпят на спине — пасть открыта, клыки торчат вверх, коротенькие ласты сложены на брюхе. Третьи зевают, почесываются, разгребают гальку... Ну, прямо карикатура на черноморские пляжи!

Зверобои долго не хотели высаживать нас на лежбище — сомневались, как бы не испугались моржи, не подавили в панике друг друга своими тяжеленными тушами. Наконец, мы все же вышли на берег сбоку, за скалами, так тихо, что моржи и не заметили приезда «гостей». Короткими перебежками, прячась за камнями, мы добрались до лежбища, и тут оказалось, что моржи людей почти не боятся. Некоторые, правда, поспешно сползали в воду, но тут же выныривали и поворачивали к нам любопытные клыкастые морды, а потом и вовсе вылезали обратно на берег. Большинство же моржей лишь лениво поднимали головы и искоса смотрели на нас круглым черным глазом: а этим, мол, что здесь надо? Потом глаз закрывался морщинистым веком, и голова бессильно шлепалась на гальку, словно сморенная смертельной усталостью.

Мы не стали беспокоить лежебок и, истратив на них несколько фотопленок, вернулись к вельботу. Правда, причина нашего бегства была не только в корректности и в кончившейся пленке: от запаха моржей кружилась голова и тошнота подступала к самому горлу.

Лёлич объяснил, что это лежбище — одно из самых крупных в мире. И правда, мы плыли вдоль берега минут двадцать, а стадам моржей все не было конца. Моржи на лежбище неприкосновенны, их можно бить только в море, да и то определенное количество штук. Теперь уже нет особой нужды убивать этих столь редких на земле животных. Они давно перестали быть жизненно важными для жителей Чукотки. Мясо их идет на зверофермы, на корм песцам, жир—на технические нужды, шкура все реже и реже используется в местном хозяйстве. По-прежнему в цене клыки, но только из-за клыков убивать моржей жалко.

— Жалко,— соглашается Лёлич, но было видно, что не только чувство жалости беспокоит его. Он добывал моржей всю жизнь, это его профессия, и он, как и другие зверобои, не представляет пока себе жизни без этой работы.

...На прощание Лёлич подарил мне костяной гарпун.

— Много моржей и китов им добыл. Теперь гарпуны железные,— говорил зверобой своим мягким голосом. У него типично чукотский акцент: произносит слово по слогам, словно выстреливая каждым слогом, и смягчает согласные звуки.

Я подбросил смертоносный гарпун на ладони, сжал в кулаке. Таким маленьким он казался по сравнению с моржами, не говоря уж об исполинах-китах.

— Кит,— сказал Лёлич как-то вяло и показал рукой в море. Там уже опадал небольшой фонтанчик на месте, где нырнул кит. Я подивился Лёличу: сегодня он был какой-то грустный, расстроенный. Может, потому, что сегодня должны были списывать его старый

вельбот, на котором он много раз за долгие годы охоты заглядывал смерти в лицо. И вдруг Лёлич взмахнул руками и закричал. Там, у скал, огромный кит ударом хвоста выбросил себя из воды, свечкой встал над волнами и гулко шлепнулся в зеленоватую пучину. А над берегом несся счастливый, радостный крик Лёлича: Кит! И-а-я! Кит в море!

КОЛХОЗ НАСТУПАЕТ НА ТУНДРУ

— Так ты на Чукотке был? — спросил у меня в Москве знакомый журналист.— К Гутникову, конечно, заезжал?..

В самом деле, просто невозможно побывать на Чукотке и обойти стороной Григория Семеновича Гутникова, одного из самых знаменитых на Северо-Востоке людей. Его знает вся Чукотка, и он, как никто, знает Чукотку. Работал с оленеводами в тундре, создавал золотое Билибино, был крупным партийным работником. А потом взял да и поломал свою «карьеру»: пошел в колхоз председателем. Пошел затем, чтобы сделать колхоз имени Ленина, Чукотского района, передовым хозяйством, и с блеском добился своего. Пресса, которая не оставляет Гутникова в покое — и местная и центральная,— утверждает, что он был одним из создателей новой истории Чукотки. Но слово «был» звучит оскорбительно для таких людей: в этой истории Гутников далеко еще не сказал своего последнего слова.

...Традиционного интервью с колхозным председателем на тему «Наши достижения» здесь не будет — это я понял в первую же минуту разговора с Григорием Семеновичем.

— Эти звери сожрут весь колхоз! — негодовал он.— Вы знаете, какие они прожорливые? До того наедаются, что брюхо — как гарбуз. Во!

Речь шла о симпатичных голубых песцах, которых я разглядывал на звероферме всего час назад. Они смирненько сидели в своих клетках и даже, как мне показалось, приветливо виляли хвостами. Я еще подумал, что их напрасно так грубо обзывают—звери.

— Если бы мы получили в этом году, как планировали, от каждой самки по пять-шесть щенков, то на пропитание ферме каждый день нужно было бы скармливать целого кита,— продолжал Гутников,— а на китов у нас жесткий лимит. На беду ли, на радость, но большого приплода у песцов в этом году не вышло. Пока у нас один путь сделать звероферму рентабельной — сократить поголовье песцов. Это похоже на отступление, но в хозяйственных делах нужна очень гибкая тактика...

Гутников стремительно вводил меня в курс колхозных дел, и на миг представилось, как он во время войны бросал своих солдат в атаку. Колхоз для него тот же фронт, и есть на нем свои тылы, фланги и передовые. «Отступив», Григорий Семенович тут же готовился к наступлению на «флангах»:

— Я уверен, что в наших водах найдется нормовая рыба для песцов. Подготовили судно, закупили сети, скоро начнем искать...

Хозяин. Да, это самое подходящее слово для Гутникова. Где надо — сэкономит, где — займет, где — попридержит копеечку, а то размахнется во всю ширь, да так, что районное руководство хватается за голову.

— В этом году я на жилищное и капитальное строительство подналег. Настроили полно — да вы сами, наверное, видели, когда по поселку ходили,— и с финансами теперь туго. Да ничего, зато люди будут жить как следует. Не заслужили они, что ли, хороших квартир, центрального отопления? Меня вот ругают, что колхоз стал на Горячих Ключах огурцы, помидоры, редиску в теплицах выращивать. Мол, не за свое дело взялись. Так эти овощи не дороже тех, которые к нам с материка пароходами присылают. И вот что я еще скажу,— доверительно наклонился Гутников,— здесь вокруг геологи работают, все ищут — и обязательно что-нибудь найдут, обязательно. Нефть ли, золото, руда—что-нибудь да будет. А для промышленности, для людей что нужно в первую очередь? Мясо? Даем вдоволь свежей оленины. Овощи? Вот свеженькие, из теплицы...

Потом мы перешли в разговоре к «тылам». Гутников достал большую меховую куклу, до деталей повторявшую в своей одежде наряд «тундрового человека» — чаучу.

— Это наш колхозный сувенир. Интересно увезти такую с Чукотки? А колхозу — чистый доход. Да мало ли сувениров можем мы сделать из отходов! Мех нерпы, оленя, шкура моржа, китовые кости, чучела птиц... В виде пробы мы открыли маленькую мастерскую, делаем меховые шапки, торбаса, куклы. Если нас поддержат, развернем целое сувенирное производство!

Планы у Гутникова не расходятся с делом. Где-то думают, как улучшить быт оленеводов, а Гутников уже заказал проект дома на лыжах, который можно будет цеплять к мощному трактору. Пока придумывают этот самый домик, он уже «выбил» колхозу трактор ДТ-75 на широких гусеницах. Многие посмеиваются, говорят: лучше яранги все равно не будет. А Гутников отвечает пословицами про лежачий камень и осенних цыплят...

— Есть связь с китобойцем. Говорить будете? — заглянул в кабинет колхозный радист.

Гутников пошел в рубку.

— «Звездный»? Когда к нам китов приведете? Что, двоих тащите? Когда их взяли? Сегодня! Смотрите, несвежих не приму! В тот раз один кит «закипел», а зачем он мне нужен, тухлый?

...Давайте решим задачу: кто сможет руководить колхозом, который тянется от океана до океана? У меня есть готовый ответ: Гутников.

КЛОНДАЙК В ЧУКОТСКОМ ВАРИАНТЕ

Моросил чукотский дождь. Мелкая, невидимая водяная пыль, казалось, не падала с неба, а неслась почти параллельно земле, гонимая резким ветром. Такой дождь может идти на Чукотке целыми днями, неделями.

В огромной плоской яме, напоминающей карьер, ползали бульдозеры. Они попарно, соединив ножи, гнали перед собой густую волну светло-коричневой жижи. В ней кувыркались, переворачивались под толчками стальных ножей какие-то камни, комья и глыбы. Все это месиво у края ямы попадало под мощную струю воды, бьющую из гидромонитора. Вода разрезала глыбы, переворачивала камни и гнала размытый грязевой вал в металлическое сооружение, похожее на ящик, к водоструйному насосу. А бульдозеры, увязая в жиже, пятились назад и вновь подхватывали блестящими широкими ножами коричневые волны.

Яма называется полигоном, коричневая грязь — золотоносной породой, а невзрачная, колченогая установка, к которой подгребается «грязь»,— гидроэлеваторным скрубберным прибором. Прибор промывает породу, и в его шлюзах оседает золото.

Мы подошли к такому прибору, когда золотосъемщица Роза Банина загружала металлические полуметровые банки — контейнеры. Скребком на длинной ручке она сбрасывала крупную гальку вниз по желобу, а оставшийся песок собирала совком, каким обычно собирают мусор, и высыпала этот песок в контейнер.

— А где же золото? — удивлялись мы.

Рая взяла горсть песка и, держа руку над желобом, распрямила ладонь. Песок почти сплошь состоял из черно-желтых крохотных пластинок. Только приглядевшись, можно было распознать в них блеск золота.

— Вот его сколько! — Рая приподнимала резиновые коврики, закрывавшие дно желоба. Золото тускло блестело на черной рифленой резине. Его в самом деле было много. Уже контейнеры были заполнены, закрыты крышками и запломбированы.

— А самородки попадаются?

— Сейчас посмотрим! — Съемщица тут же, под ногами, разгребла песок, отбросила несколько камешков и опять протянула к нам ладонь. На ней лежал небольшой, с ноготь, комочек, очень напоминавший по виду шлак, только этот комочек был темно-желтого цвета.

— Видите, «таракана» поймали,— засмеялась Рая и опустила самородок в контейнер.— Крупные самородки при промышленной промывке редко попадаются, чаще старатели находят их на небольших ручьях...

Все это происходило на прииске Полярнинского горно-обогатительного комбината, в долине речки Пильхенкууль, впадающей в Ледовитый океан неподалеку от мыса Шмидта. Из всех золотых приисков в Советском Союзе, а может, и в мире, Полярнинский — самый богатый. Глухое место выбрал «золотой телец» для своей резиденции: безжизненная, болотистая тундра на вечной мерзлоте, арктические ветры с океана, запустение. Зато здесь — самый центр золотой дуги, пролегающей в полярных недрах от берегов Лены до Клондайка. Геологи любят повторять чукотскую легенду о золотом олене, который бегал-бегал по свету и упал на землю так, что голова его осталась на Колыме, копыта — на Аляске, а сам олень лежит на Чукотке.

Странная история у чукотского золота. В него не верили буквально до конца пятидесятых годов, ссылаясь на данные еще царских министров. Но геологи решительно утверждали: тут имеются богатейшие месторождения золота. Видные советские геологи С. В. Обручев и Ю. А. Билибин обосновали существование золотого пояса, а экспедиции Н. П. Чемоданова дали стране первые килограммы чукотского золота. Сейчас вес уже добытого здесь «тельца» измеряется в десятках тонн.

Все мы при словах «россыпи», «самородки», «старатели» вспоминаем героев Джека Лондона, бешеные погони и стрельбу из пистолетов. Немало жутких рассказов о «золотишниках» есть и в нашей дореволюционной истории. Что греха таить — многие до сих пор представляют сибирских золотоискателей этакими страшными бородачами в тяжелых шубах.

Вот человек, который стоит на золоте. Это не в переносном, а в самом прямом смысле. Оператор гидромонитора Борис Хайдаров. Молодой черноволосый парень ежедневно ворочает многими тоннами золотоносной породы, и если тщательно промыть глину с его сапог, в ней наверняка найдутся крупицы благородного металла.

— Ну и что же с того? — удивляется Борис.— Работа такая. Что мы, золота не видели? Да и какая разница — золото, уголь, руда?

Так говорили нам на прииске все — и бульдозеристы с полигонов, и съемщики золота, и девушки с ШОУ. Только ШОУ в Полярнинском — не увеселительное представление, а шлихо-обогатительная установка, где через руки девушек золото течет рекой.

Отто Серафимович Суханов, главный инженер Полярнинского комбината, дал нам возможность побывать в ЗПК — золотоприемной кассе. Строгий вахтер проверил наши пропуска и документы. Потом нам выдали мягкие тапочки, зеленые халаты и провели в помещение кассы. Здесь продукция комбината тщательно взвешивается на аналитических весах, сортируется по фракциям, и упаковывается в специальные деревянные ящички. И здесь, в этом золотом царстве, мы не заметили никакого раболепия перед желтым металлом. И золотой песок и самородки лежат в обычных алюминиевых кастрюлях. Заведующая золотоприемной кассой Мария Михайловна Абраменко взяла из кастрюли солидный «булыжник».

— В этом самородке три килограмма двести шестьдесят пять граммов. А вот самородок поменьше — полтора кило. Вообще-то самородки менее ценны, чем золотой «песок». В самородках очень много примесей. Где их находят? Этот, большой, нашли на ручье Рогач...

Напрасно мне говорили, что самородки похожи на камни. Они причудливой формы, с крупными наплывами разнообразной величины, с запутанной паутиной золотых прожилок на сахарно-белых вкраплениях кварца. Красота такая, что хоть сейчас в Грановитую палату.

— Морока с этим золотом: беспокоишься за каждую крупицу, и охрана покоя не дает,— вздыхает Мария Михайловна.— Все это, конечно, необходимо, мы знаем цену золоту. Но, поверьте, работать с любым другим материалом куда приятнее...

Так рухнула еще одна иллюзия. Мы шли по поселку золотодобытчиков, по новому, необжитому поселку, который никак нельзя было назвать самым богатым поселком в мире. Навстречу после смены спешили горняки — молодые веселые ребята, которые ни на секунду не задумывались о том, что к их сапогам прилипла золотоносная глина. А где же угрюмые бородачи с пистолетом в одной руке и с промывочным лотком — в другой? Пожалуй, они так же далеки от этих ребят, как тихая речонка Пильхенкууль — от Клондайка.

Николай АСАНОВ,
Юрий СТУРИТИС

РОМАН

ЧАЙКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

Рисунки В. ВЭТРА.

31

Однажды летом заключенного Петерсона вызвали в тюремную канцелярию.

Петерсон отбывал свой срок наказания во Владимирской тюрьме. После того, как во время радиопередачи на Англию его окружили чекисты, он подумал, что умирать ни к чему. Тем более, что прорваться сквозь кольцо чекистов было немыслимо.

Естественно, что Петерсон не узнал того, как храбро он «умер во славу королевы»... Радиограмму о его «гибели» составляли для «Норда» Будрис и Граф. А сам Петерсон в это время сидел в следственном изоляторе, сидел и придумывал, что он расскажет следователю и что не расскажет... Самый сильный его довод был такой: «Я передал в Англию около четырехсот радиограмм, значит, и в России можно заниматься шпионажем...» Но в конце концов, когда следователь начал цитировать его радиограммы и рассказывать о том, какую они содержали дезинформацию, Петерсон умолк. На суде он повторил без прежнего удовольствия фразу о том, что он «передал около четырехсот сообщений в Англию, но все они были дезинформацией».

...Он шел в сопровождении конвоира, заложив руки за спину, и раздумывал о том, зачем понадобился начальству. Свидание с женой было недавно. Тогда, во время суда, Петерсон назвал адвокату свой адрес и попросил узнать, жива ли его жена. Так они встретились снова через много лет.

И вот с той поры жена присылает ему посылки, а несколько раз в год приезжает на свидание.

Ну что ж, теперь он тихий и скромный заключенный, он работает, может быть, ему сократят срок, тогда он приедет к жене, прижмет ее к сердцу, скажет: «Прости!» А она уже давно простила его.

Однако что надо от него начальству сегодня, в неурочный день, когда ни свиданий, ни каких-либо других забот для заключенных нет? Но вот перед ним дверь канцелярии, конвоир открывает ее.

— С вами будет беседовать полковник Балодис! — говорят ему.

И Петерсон вдруг узнает в полковнике Балодисе Будриса.

— Гражданин полковник? — бормочет Петерсон. Ему кажется, что все происходит во сне. — А тогда, во время высадки, вы тоже были полковником? Полковником КГБ?

— Да, — отвечает полковник.

— И вы проверяли все радиограммы, которые я посылал в Лондон?

— Естественно! Очень часто я сам готовил их.

— Но ведь я послал более четырехсот.

— Ну, вам беспокоиться нечего! Вы всегда получали благодарности. Я думаю, ваше имя внесено в списки погибших во славу королевы Великобритании...

— Как?

— Тоже вполне естественно. Ваши друзья — Граф, Делиньш и другие — передали радиограмму в Лондон, что вы и ваш некий помощник были запеленгованы во время передачи в Лондон, и так как вы открыли огонь по нападавшим, то были убиты в перестрелке. Таким образом, ваша честь была спасена... А во время ареста вы ведь ни словом не обмолвились ни о Делиньше, ни о шпионах, с которыми прибыли в Латвию, вы говорили только о себе! Мы особенно, как вы помните, на следствии на этом не настаивали. Нам все было известно в деталях.

— Если бы я знал!

— Ну а если бы знали? Бросились бы на меня с пистолетом?

— Тогда, может быть. А сейчас мне стыдно за англичан.

— Не надо стыдиться за англичан. Они еще два года продолжали активно работать. Опустошили не одну разведывательную школу в Англии, отправляя к нам своих учеников.

Петерсон стоял, опустив голову, думал об этой игре, которая позволила чекистам так ловко, без единого выстрела захватить десятки хорошо подготовленных, фанатично веривших в идеалы буржуазной Латвии и «свободного мира» людей. Ему было стыдно и горько. Наконец он взглянул на полковника, спросил:

— Зачем я вам понадобился, гражданин полковник?

— У меня есть просьба к вам, Петерсон. Вы, вероятно, читали в газетах о том, как американцы заслали на нашу территорию самолет-шпион и как наши ракетчики сбили этот шпионский самолет возле Свердловска...

— Читал...

— Так вот, летчик этого самолета Пауэрс, приговоренный к десяти годам лишения свободы, с отбыванием первых трех лет в тюрьме, обратился к администрации тюрьмы с просьбой, чтобы его посадили с кем-нибудь, кто знает английский язык. А так как вы знаете и английский и немецкий, я предлагаю вам разделить участь уже не с английским шпионом, а с американским, да к тому же несколько необычного класса — воздушным!

— Ну, если вы считаете, что Пауэрс после общения со мной и по освобождении из тюрьмы не переквалифицируется из летчика-шпиона в шпиона-атомщика, я готов принять его в свои тюремные апартаменты.

— Итак, Пауэрса доставят сюда послезавтра. Может быть, у вас есть ко мне просьбы?

— Нет. Впрочем, есть одна. Это не просьба, а вопрос. Скажите, с какого времени вы работаете в КГБ?

— В сороковом году я был освобожден народом из тюрьмы, и народ поставил меня на эту работу.

— А Лидумс? Разве его не судили?

— Нет. Этого не могло и быть. Так же, как не судили никого из отряда Лидумса. Эти люди — бывшие партизаны. Они сделали все: жили в лесу вместе со шпионами, на хуторах, оставили семьи, работу, и все это они делали для родины...

На следующий день Петерсон, закончив работу в тюремной мастерской, где заключенные делали мебель, возвращаясь в камеру, попросил у дежурного ведро и тряпку.

Он вымыл камеру, протер стены, попросил, чтобы сменили белье, сходил в душ.

Утром он вышел на работу, думая: каков будет этот американский парень? Может быть, он уже напуган тюрьмой во время следствия и теперь за ним придется ухаживать да ухаживать, чтобы он, чем черт не шутит, не наложил на себя руки?

Петерсон вернулся в шесть вечера. Дверь загремела ключом, открылась. Там, вскочив на ноги при звуке открывающейся двери, стоял молодой парень. Пока Петерсона не было в камере, дежурный установил вторую кровать, на которой было разостлано одеяло, белье. Конвоир, окинув взглядом американца, ушел.

— Хелло, Петерсон?

— Хелло, Пауэрс?

— Как жаль, что не могу предложить стаканчик виски! — усмехнулся Пауэрс.

— И у меня все кончилось! — улыбнулся Петерсон.

Окончание. См. «Огонек» №№ 36—41.

— Ну что ж, придется вместе с вами, видимо, не один год провести в столь респектабельной гостинице! — И Пауэрс обвел рукой камеру. — Не смогли бы вы рассказать о ней? Насколько мне известно, вы обитаете тут не первый день?

— Да, пожалуйста. Кстати, вам еще не приходилось сидеть? Тюрьма как тюрьма, довольно старая, лет сто стоит на этом месте. Побудка, а по-военному — подъем, в шесть, зимой — в семь. Оправка, гимнастика, завтрак, выход на работу. Обед в двенадцать. Возвращение с работы в шесть часов.

— Что здесь делают?

— Модерновую мебель. Сидеть на ней нельзя, но ее все покупают. Вы, насколько мне известно, летчик. Здоровье у вас, видимо, отменное, так как вы летали на больших высотах. С ума здесь не сойдете...

Наступило время ужина, гремели двери, открывались и закрывались с железным грохотом, уголовник с каким-то навечно удивленным лицом просунул в окошечко над дверью две миски с кашей и алюминиевыми ложками, два ломтя хлеба, две кружки чая, оглядел «новенького», но так как Пауэрс и Петерсон молчали, замкнул окошечко и побрел дальше в сопровождении конвоира.

После ужина Петерсон спросил у Пауэрса:

— А как вы-то оказались в столь неуютном месте?

— Вы, наверно, читали, как это случилось! Я всегда считал, что с русскими шутки плохи. Но стремление немного побольше заработать — у меня ведь очень интересная жена! — затмило эту истину. Я стал летчиком-высотником для ведения воздушной разведки. В тот злополучный весенний день я пересек границу Советского Союза. Все шло хорошо. Стояла солнечная погода. Я полагал, что все закончится удачно, но русские подняли в небо самонаводящиеся ракеты, и одна из них сделала все, чтобы я попал в ваши «дружеские» объятия. Самолет камнем повалился к земле. Правда, самолет можно было превратить в груду осколков, спокойно падающих вниз: на борту самолета было устройство для взрыва. Но я прыгнул, совершив самый длинный прыжок чуть не в тридцать километров... — Лицо его стало вдруг злым, он продолжал все горячее: — А теперь некие подлецы говорят: почему я не взорвал самолет? А, в сущности, я даже счастлив, что не сделал этого, не взорвал это чудище. Кто знает, может быть, кнопка сработала бы немедленно и вместе с обломками самолета на землю полетели бы и мои обломки? А эти подлецы до сих пор твердят: «Пусть за это Френсис сгниет в советской тюрьме!» Да, я вам не представился. Меня зовут Френсис.

— А меня — Юхан. — И после паузы: — А у вас есть какая-либо возможность освободиться раньше?

— Отец сказал мне, — мои родители были допущены на суд, и отец был на свидании, как и мать, и теща, и жена, — так вот, отец сказал, что несколько лет назад в Америке был арестован крупный советский разведчик Абель. Отец тогда же сказал мне, что по возвращении домой он обратится в прессу и подымет кампанию за обмен меня на Абеля.

Он замолчал и стал укладываться спать. Петерсон тоже стал готовить свою кровать. На его замечание, что хозяева Френсиса будут предпринимать меры с тем, чтобы облегчить его участь, Пауэрс сказал:

— Русские больше будут предпринимать и, насколько мне известно, до моей еще трагедии предпринимали меры, чтобы освободить своего разведчика Абеля. Может быть, мне это поможет. Спокойной ночи!

— Да уж, теперь ночи будут спокойными! Ни полетов на самолетах-шпионах, ни моего шпионства за аэродромами и самолетами. Спи спокойно, король шпионов Петерсон! Спите спокойно, король шпионов Пауэрс...

Пауэрс промолчал. Петерсон разделся и нырнул под одеяло.

Несколько дней Пауэрс на работу не выходил. Петерсон возвращался вечерами, тогда они беседовали.

В один из таких вечеров Пауэрс поинтересовался у Петерсона причинами его пребывания в тюрьме. Он сказал, что в западной прессе об аресте в Советском Союзе человека с подобной фамилией ничего не встречал.

Петерсон пояснил, что он латыш, после войны волею судеб оказался в Западной Германии, где его завербовала английская разведка, а затем направила в Лондонскую разведывательную школу. Учеба продолжалась более года. После этого он в группе агентов-разведчиков английской секретной службы, как ни странно, уже после войны, на немецком торпедном катере был нелегально заброшен на территорию Латвии для проведения разведывательной и иной подрывной работы.

Рассказ затянулся. Пауэрс молча слушал его и только спросил Петерсона:

— И этот полковник был вашим начальником?

— Вот именно!

— Тогда я перестаю разговаривать о моем самолете! Подумать только, быть полковником госбезопасности и обманывать королеву Англии! Хэ! Молодец парень. Я его не знаю, но он начинает мне нравиться!

В течение нескольких недель Пауэрс занимался русским языком. Он с большими усилиями выслушивал лекции Петерсона и набирал небольшой словарь из обиходных слов. Но в конце концов бросил такое занятие. Произошло это после свидания с работником посольства. По-видимому, он сказал Пауэрсу, что изучать русский ни к чему.

К этому времени Петерсон получил из библиотеки журнал «Работница». По-русски Петерсон читал слабо и получал из библиотеки «Работницу», «Мурзилку», детские книжки. Вдруг внимание Пауэрса приковал рисунок — чертеж на последней странице журнала.

— Покажите мне, что это такое?

Петерсон прочитал и перевел несколько слов:

«Как ткутся ковры...»

— Ну, если это так просто, я обязательно сотку ковер, чтобы увезти его в Америку! — воскликнул Пауэрс. — Сегодня же напишу письмо в посольство, чтобы мне доставили шерсть разных цветов.

— А русские решат, что вы задумали убежать из тюрьмы и будете плести веревку! — поддразнил его Петерсон.

— Тогда надо попросить, чтобы нитки были в мягких мотках.

— Да ладно вам беспокоиться, просите хоть в круглых, хоть в мягких.

Через несколько дней из Москвы пришла посылка с шерстяными нитками.

В течение года Пауэрс соткал всего один маленький коврик. И в начале второго принялся за второй.

Все-таки, несмотря на совет сотрудника посольства не учиться русскому языку, Пауэрс мало-помалу привыкал к русскому.

Возвращаясь с работы, Пауэрс принимался читать. Тут он ловил себя на том, что советские книги читает для того, чтобы понять, чем отличается это новое общество от того, в каком сам Пауэрс жил со дня рождения...

В конце второго года заключения Пауэрс получил письмо из Америки. Письмо было вскрыто. Он вынул из конверта большой лист бумаги и вдруг присел на койку.

Петерсон тоже получил письмо от жены и теперь, перечитывая его, думал, что жена будет его ждать, хотя его срок кончится лишь через четыре года. Но теперь он уже знает, где будет жить, знает, что и там найдется работа, если не на мебельной фабрике, так на машине, если не на машине, так на тракторе. Радистом в море его, понятно, не выпустят, но работы хватит. Он с удивлением прочитывал бесконечные объявления о том, что требуются рабочие, инженеры, экономисты, бухгалтеры и счетоводы. Он читал и перечитывал письмо, как вдруг увидел, что Пауэрс выпустил свое письмо из рук и сидит с остолбенелым взглядом.

— Что с вами, Френсис?

— Жена ведет себя непристойно, и поговаривают, что она может меня оставить. Об этом пишет мой друг.

— О господи, до чего же жестоки женщины! Ведь она была на вашем процессе?

— Да, была, и не одна, а со своей матерью...

— Плюньте вы на нее! Может случиться и так, что большевики продержат вас в тюрьме все десять лет. Неужели вы думаете, что женщина будет хранить верность все это время?

— Ну, если стерва обратится ко мне за разводом, она его не получит. Пусть она побудет женой шпиона! Тогда-то уж возлюбленный бросит ее! А когда я вернусь в Штаты, я еще успею посмеяться над ней!

— Нет, Френсис, она этого не сделает. Ведь, как сообщалось в печати, она получает от военного ведомства за вас деньги.

— За ее змеиную красоту могут платить значительно больше, чем платит ей Пентагон.

Снова наступило лето, прошли два года пребывания Пауэрса в тюрьме. И однажды, вернувшись с работы, Петерсон услышал:

— Меня обменивают! Вы слышите? Меня обменивают!

Оказалось, что Пауэрса вызвали в полдень в канцелярию.

— Когда же вас обменяют? — спросил Петерсон.

— Ох, еще не скоро! Тут сколько хочешь формальностей! Но почему вас, Петерсон, не обменяли? Или англичанам все равно, кто работает на них?

— Бросьте вспоминать об англичанах! Да и, с их точки зрения, стоит ли на меня обменивать какого-либо русского? Ведь я принял советское подданство, как только мы присоединились в сороковом году к России. Значит, я советский по паспорту.

— Боже мой, но когда же, когда? — воскликнул американец. — Ведь я теперь не смогу ни спать, ни есть!

Поужинать он поужинал. Спать он лег даже быстрее Петерсона. А Петерсон невольно задумался над тем, как нелепо сложилась его жизнь.

Ему было двадцать два года, когда он, студент второго курса института, оказался на оккупированной территории. В оккупации он стал бравым «двинским соколом», двадцати пяти лет женился, но немцы забрали всех «двинских соколов» в латышский легион, и жена осталась в Риге. А потом от Шяуляя Петерсон отступал в сторону косы Пилау, а Рига осталась далеко-далеко...

Прошло пятнадцать лет, когда он написал своей жене первое письмо, написал из тюрьмы, и женщина откликнулась. Потом он попросил ее увидеться с ним, и она приехала. Он помнит, как однажды двери в его камеру приоткрылись и дежурный конвоир сказал:

— На свидание!

Ей исполнилось тридцать пять. Она была по-прежнему свежа, по-видимому, возраст не играл для нее роли. Сам он был измотан и изнурен. Но он сразу узнал ее, как будто они виделись только вчера. А она протянула к нему руки, узнавая и не узнавая.

Позже, когда они уже прощались, она сказала:

— Я буду ждать!

— Но пойми, мне еще сидеть и сидеть!

— Ты придешь домой. Наш дом будет там, где живу я.

И ни одного слова о том, о чем он сам боялся рассказывать. Ни одного слова. Единственно, о чем она спросила:

— Ты бежал с немцами?

— Да.

— Сколько ты еще просидишь?

Тогда ему оставалось отбывать наказание еще семь лет. Теперь оставалось четыре.

Прошло две недели — Пауэрса никуда не вызывали. Он думал: забыли!

Но однажды вызвали. Вернулся он только вечером. И от двери сказал Петерсону:

— Меня обменивают на Абеля!

Петерсон припомнил знаменитый процесс Абеля. Вся Америка взволновалась тогда: русские шпионы выкрали государственные секреты и тайны...

Опять шли дни за днями, а Пауэрс продолжал сидеть. Он снова взялся за свой ковер.

Однажды, как обычно, дежурный выкрикнул:

— На прогулку!

Вышли вместе. Прошли в сопровождении конвоира на внутренний дворик. Сделали несколько кругов, как вдруг раздалось:

— Пауэрса в канцелярию! Петерсон, переведите!

— Мне можно сопровождать Пауэрса?

— Да, можно!

Петерсон перевел Пауэрсу приказ. Конвоир провел их в канцелярию.

Переводчика долго не было. Петерсон переводил документы, на которых Пауэрс расписывался. Когда появился переводчик, конвоир принес из камеры личные вещи Пауэрса. Пауэрс переоделся в темный костюм, повязал на белоснежной рубашке галстук. Он был готов.

Он пожал Петерсону руку, потом поцеловался с ним, затем сказал переводчику:

— Передайте начальнику тюрьмы, что я дарю Петерсону свою библиотечку и костюм, в котором приехал сюда после суда...

Дни пошли за днями, и ничто не менялось в жизни Петерсона. Он прочитал в «Известиях» коротенькую благодарность семейства Абеля за возвращение отца и мужа и понял: «Передача арестованных состоялась!»

Как-то на работе к нему подошел конвоир и сказал:

— В канцелярию!

В канцелярии находился прокурор области, довольно часто навещавший тюрьму, и полковник Балодис. Балодис-то и сообщил ему:

— Поздравляю вас, Петерсон, с досрочным освобождением из тюрьмы!

Полковник Балодис прочитал ходатайство республиканского Комитета КГБ в Президиум Верховного Совета СССР, в котором говорилось о том, что осужденный Петерсон, нелегально заброшенный английской разведкой в Советский Союз, передавший более четырехсот радиограмм в Англию, на самом деле не принес существенного вреда Советскому Союзу, так как он передавал только одну дезинформацию, подготовленную чекистами, а находясь в заключении, проявил себя с положительной стороны, осуждает свое прошлое и намерен в случае освобождения из-под стражи честно работать... Прямо говоря, Петерсон больше ничего не слышал...

После оформления документов, после всего, что происходило будто бы во сне, Петерсон снова услышал голос полковника:

— Что же, Петерсон, билеты у меня. Поехали?

ЭПИЛОГ

Викторс Вэтра приехал по делам Союза художников в Москву.

Официальные дела были закончены в первой половине дня.

Он вышел из Союза художников на улицу и пошел по улицам летней Москвы.

Внезапно взгляд Вэтры упал на афишную круглую будку. «Посетите английскую выставку!» — было написано там. Ниже еще один плакат: «Неужели вы еще не были на английской выставке?». Вэтра улыбнулся вызывающе раскрашенному плакату.

Он остановил такси и поехал в Сокольники.

Огромный парк многолюден. В трех светлых зданиях из стекла и алюминия были размещены основные экспозиции английской выставки. Вэтра встал в очередь. Девушки-англичанки в национальных костюмах из Шотландии и Ирландии улыбнулись высокому господину в светлом спортивном костюме, подарили значок выставки. Вэтра прошел в залы.

Слева, при входе, размещалась выставка художников-абстракционистов. Здесь было пусто. Вэтра медленно прошел по залу.

Нет, эти художники мало интересовали его. Около часа он бродил из зала в зал, разглядывая, но не очень вникая в новинки техники.

Внезапно внимание Вэтры привлек взгляд одной из женщин-стендисток, экскурсоводов, которая очень уж внимательно всматривалась в него. Улыбнувшись, он сделал шаг к этой женщине, чтобы поинтересоваться, чем это он вызвал такое внимание. Но та быстро исчезла за стендом.

«Что это могло быть? — подумал Вэтра.— Что-то знакомое в этой женщине. Может быть, Нора? Но что делать ей, сотруднице «Норда», тут, в отделе готового платья, на английской национальной выставке?»

Вэтра медленно спустился на второй этаж, прошел в конец выставочного зала. Здесь англичане весьма изобретательно устроили для посетителей-малышей стенд детской игрушки.

К потолку на «невидимых» резиновых тросиках были прикреплены обезьяны, собачки, кошки, рыбы, крабы и, конечно, традиционные львы. Все животные были в натуральную величину.

Невидимое устройство на потолке приводило рыб и животных в движение. Они прыгали, кувыркались, плясали, вызывая смех не только у детей, но и у взрослых. Вэтра внезапно тоже вошел в игру, как будто ему было не пятьдесят, а всего лишь пять...

И тут вновь увидел высокую женщину с мальчишеской прической, в элегантном костюме, со значком гида выставки на отвороте лацкана.

Женщина как будто наблюдала за ним. Но едва он взглянул на нее, она повернулась и ушла...

Нет! Конечно, нет!.. Английская секретная служба не может направить Нору в качестве гида английской выставки в Советский Союз!

Вэтра вышел из детского павильона, достал проспект выставки и просмотрел его. Чем еще удивят его англичане?

И вдруг за спиной женский голос:

— Мистер Казимир?

Не было сомнения, вопрос обращен к нему. Как поступить, что ответить? Он сделал два шага вперед, резко повернулся и спросил:

— Простите, вы ко мне обращаетесь?

Перед ним стояла Нора.

— Вы уже уходите?

— Нет, я собираюсь посмотреть, как шотландцы пасут своих овец!

— Ну, Казимир, неужели вас интересует даже это? Когда вы были у нас, я могла бы дать вам более обширную информацию по этому вопросу.

— Увы... Пришлось изучать более серьезные проблемы! Если у вас есть время, то проводите меня сейчас к шотландским овцеводам.

Она кивнула.

Спустя час они сидели за столиком «выставочного» кафе.

Вэтра тихо сказал:

— Нора, если вы просто гид на выставке, если у вас нет других поручений отдела «Норд», я могу гарантировать вам интересное пребывание в Москве...

— Нет, дорогой Казимир, я просто гид. Но, с другой стороны, я должна проследить, могут ли наши гиды вести какую-то работу для «Норда». Как я понимаю, они ничего похожего не могут! — Она посмотрела в глаза Вэтре и с грустью сказала: — А вот что я могу сказать своим шефам? Я скажу им, что встретила в Москве только что вернувшегося из Сибири «викинга», которому, как неоднократно замечало мое начальство, я уделяла несколько больше внимания, нежели отводилось мне по роду выполняемой в отделе работы...

— Мне трудно судить, как вам лучше это сделать! — мягко сказал Вэтра.

— Ладно, как говорят русские!

Она подняла рюмку, выпила ее до половины, как будто смакуя коньяк, потом допила и протянула Вэтре. Тот молча налил снова. Она задала вопрос:

— Как вы, богатый когда-то человек, чьи корабли все еще плавают по морям, могли пойти на службу к большевикам?

— Я служу своей родине, Нора. Я начал работу разведчика в конце войны. А когда возникла мысль послать меня в Лондон, мне не надо было выдумывать легенду. Я действительно был судовладельцем, бывшим человеком, мне не надо было лишь говорить о том, что начал свою работу советского разведчика еще в годы войны, что мои друзья — Будрис, Граф, Кох и другие — офицеры советской контрразведки. Если вы помните, Нора, я никогда ничем не предал своих друзей, я всегда говорил: во имя моей родины! А родиной мы все называем Советскую Латвию!

— А ведь мы думали, что вы арестованы и пребываете где-то в Сибири...

— Как видите, нет. Я удостоен звания кавалера ордена Красного Знамени...

— Почему же я не вижу столь высокой награды на лацкане вашего пиджака? — язвительно спросила Нора.

— Ну, вы тоже не носите наград на лацкане вашего жакета. А нам до определенного времени по понятным причинам приходится быть «неудачными» художниками, водителями такси и просто «кохами», храня свои регалии где-то в ящике письменного стола...

— Если уж говорить начистоту, то в операции «Янтарное море» нас подвели те самые подонки, от которых наша разведка никак не очистится. Имею в виду Силайса, Ребане, Жакявичуса и их предводителя — «посла Латвии в Лондоне» Карла Зариньша...

Нора отпила глоток кофе, вытащила сигарету из пачки и прикурила от газовой зажигалки. Пламя вспыхнуло так сильно, что чуть не опалило ей ресницы. Сигарету она курила так, словно после длительной жажды пила воду. Вэтра попросил официантку принести мороженого, кофе и еще коньяку.

Он молча разлил коньяк по рюмкам, наблюдая за Норой. Нора сбила указательным пальцем пепел с сигареты, и Вэтра сразу почувствовал — настроение ее изменилось. Теперь перед ним снова была разведчица. Даже интонации переменились: стали холоднее. Она сказала:

— Знаете, Казимир, в нашей работе ошибаются в двух случаях. Первый из них — когда мы недооцениваем противника. Второе — когда мы переоцениваем его возможности! Мы недооценили возможности латышских чекистов. В этом главная причина провала... Но имейте в виду, мистер Казимир, — она подчеркнула слово «мистер», — наши схватки еще не кончились! Может быть, придет и мой черед улыбаться, глядя на вас!

Она выпила рюмку и поднялась. Вэтра встал, чтобы проводить ее. Но она остановила его рукой:

— Достаточно того, что я бросилась вдогонку за вами. Вам провожать меня ни к чему. Благодарю вас! Будьте счастливы!

На следующий день Вэтра позвонил на выставку. Его несколько раз отсылали из отдела в отдел, пока какой-то мрачный сотрудник, поинтересовавшись, кто говорит, и узнав, что интересуется коллега по службе мисс Норы, сообщил:

— Сегодня утром мисс Нора Бредфилд вылетела в Англию...

КРЫШИ НЕПАЛА

Антонина КОРОЦКАЯ

Рисунок автора.

Кандидат архитектуры Антонина Андреевна Короцкая — автор ряда работ о зодчестве Индии, Непала, Цейлона. Много лет она посвятила изучению архитектурных памятников этих стран.

Королевство Непал, расположенное в Гималайских горах между Индией и Тибетом, поражает воображение человека с самой богатой фантазией. Поражает все: природа, архитектура, а главное — сам народ. Ошеломляет богатство и многообразие художественных образов в литературе и искусстве. Причиной тому, наверное, природа.

В ясный день над Непалом сверкает вечно покрытая снегом, окутанная легендами, царственная вершина Чомолунгмы — обитель богов, «крыша мира». В сравнении с натурой меркнут казавшиеся неправдоподобно яркими краски гималайских пейзажей Николая Рериха.

Не менее удивительны и прекрасны здесь творения рук человеческих. Подобно стройным елям с могучими ветвями, устремились в небо пагоды и дворцы. Самое примечательное в зданиях Непала — это крыши с крутыми скатами, огромным выносом и подкосами, которые поддерживают их снизу. Такие крыши защищают весной от муссонных ливней, зимой — от холодного ветра, а летом — от палящих лучей солнца. Любовно украшены резьбой, позолотой, живописью подкосы. Мелодично звенят при дуновении ветра подвешенные по краям колокольчики.

Обращают на себя внимание окна в богатой оправе резных наличников. Здесь говорят, что это глаза и душа хозяев дома. Встречаются окна в форме глаза. Вместо стекла ажурная деревянная решетка тончайшего рисунка, часто символического значения. Мотив павлина, например, означает, что хозяин дома — особенный почитатель Сарасвати — богини науки и искусства.

Непал — родина пагод. Их украшают изваяния из камня и бронзы, ажурная затейливая резьба по дереву, ослепительно яркие стенные росписи. Все эти сокровища архитектуры сосредоточились в долине Катманду, в трех городах-близнецах: столице Катманду, Бхактапуре (или Бхадгаоне) и Лалитпуре (или Патане). Это поистине три жемчужины страны.

От древности до нас дошли немногие памятники. На фоне городской застройки Катманду высится самая крупная из всех уцелевших в Непале и Индии ступа Бодхнатха (III век до нашей эры), специфическое сооружение буддийского культа — выразительный и оригинальный архитектурный памятник Будде, то есть «осененному истиной».

Итак, представьте себе нечто похожее на гигантскую абстрактную скульптуру сидящего человека. На постаменте, как на скрещенных ногах, в позе йога покоится тело в форме монолитной полусферы (диаметром 40 метров). Голова-башня, увенчанная, как короной, пирамидальным ступенчатым верхом со своеобразным зон-

том — символом защиты и власти. 13 ступеней башни символизируют 13 ступеней познания Вселенной. Поэтому не случайно на вас со всех сторон четырехликой башни устремлен взор огромных глаз, сделанных из металла и слоновой кости. Взгляд Будды вопрошает: чтут ли его заповеди — не красть, не обманывать, не причинять зла ничему живому на земле? Да, непальцы заповеди чтут. Их доброта, честность подкупают всех, кто с ними встречался. Поражает их удивительная веротерпимость. Две основные религии — буддизм и индуизм — мирно уживаются друг с другом. На одной и той же площади стоят храмы разных культов. Все непальцы независимо от вероисповедания с одинаковым рвением отмечают праздники, посвященные разным богам, которых в Непале и не перечесть.

В Бхактапуре мы видели приготовления к большой ярмарке, обычно открывающейся в праздник Шивы — бога созидания и разрушения. На площади появились огромные деревянные колесницы, облепленные босыми ребятишками, торговцы с корзинами и гирляндами цветов, пряностями, сладостями и фруктами, предназначенными для подношения богам.

Наиболее выдающиеся архитектурные памятники Непала созданы в XIII—XVIII веках. Впоследствии города пришли в упадок. Потускнели здания и храмы, заглохла некогда оживленная караванная торговля и с нею ремесла. Страна пребывала в тисках феодализма, кастовых преград. От тирании деспотических правителей династии Рана (ставленников британской империи) Непал освободился лишь в 1951 году и с тех пор потянулся к прогрессу, к связям с внешним миром, опираясь на дружественные государства и прежде всего на СССР.

Дружба Непала с Советским Союзом крепнет с каждым днем. Ее ощущают в любом доме Катманду, освещенном больше не керосиновыми лампами, а электричеством от гидроэлектростанции Панаути, построенной советскими специалистами. С благоговением произносят непальцы слова «советский человек». Это с его помощью строятся больницы, покрывается страна сетью шоссейных дорог.

Быстрее других городов развивается Катманду. На улицах столицы можно встретить студентов — будущих медиков, юристов, инженеров, художников. Ведет передачи новая широковещательная радиостанция, у новых кинотеатров толпится народ.

Мы прощаемся на недавно построенном аэродроме Катманду с непальскими друзьями. Они все еще продолжают жадно расспрашивать нас о стране, в которой нет нищеты, помещиков, ростовщиков. Нам же хочется пожелать этому замечательному народу новых успехов в социальном и научно-техническом прогрессе, пожелать, чтобы он продолжал хранить и развивать свою богатейшую культуру.

Дж. ОЛДРИДЖ

ПОСЛЕДНИЙ ТАНЕЦ САЛОМЕИ...

В начале нынешнего года одна из самых крупных киностудий Запада, «Метро-Голдвин-Майер», была продана с молотка на невиданном доселе аукционе. Знаменитая голливудская кинокомпания выставила на публичную продажу буквально все до последнего гвоздя, что скопилось в ее владениях за полстолетия. Десятки павильонов, занимающих сотни акров, тысяча тысяч всяческих предметов, использованных в нашумевших некогда фильмах,— все, что душе угодно: от запыленных, давно вышедших из моды шляпок, в которых очаровывали зрителей на экране кинозвезды, до самолетов и кораблей в натуральную величину, от фасадов целых городских улиц и величественных фанерных дворцов, плотно набитых античной мебелью, до набора платьев, в которых Грета Гарбо играла Анну Каренину...

Для человека моего возраста эта сногсшибательная распродажа не могла не показаться символичной. Она говорила о конце целой эпохи в истории кинематографа западного мира. Эра гигантских киностудий Голливуда клонилась к закату. Не только горы декораций и костюмов были проданы с аукциона, но и сама земля, на которой стояли павильоны «Метро-Голдвин-Майер». Она досталась спекулянтам, дожидавшимся этого дня и явившимся на аукцион с готовыми планами — постройки роскошных вилл для богачей на том месте, где звезды Голливуда послушно истекали пóтом под жгучими лучами прожекторов, заменявших солнце в этом тепличном раю.

Что же привело к упадку эру сказочных богатств и всесветного влияния Голливуда и «голливудских» кинокартин?.. Мы говорим «Голливуд», но то, что случилось с «Метро-Голдвин-Майер» в Калифорнии, произошло и происходит в десятках вариантов со всей киноиндустрией капиталистических стран. Это кризис всеобщий, и симптомы его отчетливо проступают во всем западном кино.

Мне кажется, что есть простой способ заглянуть в самую суть этого кризиса: вспомнить, как сам Голливуд преподносил зрителям на экране свои излюбленные библейские сюжеты, и в частности эпизод с Саломеей, танцующей под семью покрывалами перед царем Иродом. Одно за другим сбрасывает с себя Саломея эти покрывала, пока не открывается последняя истина: истина ее наготы. Современный кризис западной киноиндустрии ее хозяева изо всех сил стараются прикрыть более чем семью покрывалами. Но достаточно совлечь хотя бы некоторые из них, и перед нами во всей своей наготе предстанет западный кинобизнес — зрелище, разумеется, менее привлекательное, чем красота обнаженной Саломеи.

Под первым снятым покрывалом мы сразу обнаруживаем деньги, финансы, или, как это называют в деловых кругах, капиталовложения. Примитивная, вульгарная жажда наживы— вот что привело в мир киноискусства капитанов бизнеса и стало в нашей части планеты единственным стимулом изготовления товаров, именуемых кинофильмами. «Сделать» не ка-

кие-нибудь тысячи долларов или фунтов стерлингов, а сразу гору денег — такова была главная мысль любого контракта, подписываемого на киностудиях Америки, Англии, Франции, Италии. Все остальное почиталось третьестепенным: талант и мастерство сценариста, актера, режиссера, их пот и кровь, тяжелый труд, творческие муки. И хотя большинство фильмов финансировалось под маркой крупных киностудий, реальные капиталы притекали к ним от крупнейших банков, промышленных компаний, страховых фирм и отдельных богатых дельцов. Все они рассчитывали в «худшем» случае вернуть свой вклад утроенным или учетверенным, а при большом коммерческом успехе фильма — «округленным» в тридцать или сорок раз.

Но золотой бум в киноиндустрии, как и все в капиталистическом бизнесе, не мог быть вечным — пришло время, и он стал спадать. Публика переставала валом валить на обошедшиеся в большие деньги «роскошные» картины. Затраты стали возвращаться со «скромной» прибылью в сто—двести процентов. И финансисты, почувствовав это, изменили тактику на более осторожную: вместо сплошных кредитов под план продукции кинофирмы они стали ссужать деньгами постановку отдельных картин. Мерилом для выбора продолжала, конечно, служить ожидаемая от картины прибыль. С тех пор даже самые мощные киностудии стали сморщиваться, как воздушные шары, из которых вытек газ, а более слабые — и вовсе лопаться, как мыльные пузыри. Кончался старый период в развитии кинопромышленности Запада и начинался новый.

Вводя новый режим финансирования, банкиры, разумеется, рассчитывали, что можно будет по-прежнему делать миллионы на кинофильмах. В течение некоторого времени система исправно работала, да и сейчас она отчасти приносит плоды. Однако надвигались и приобретали кризисный характер трудности другого порядка, более глубокие, коренящиеся в самой природе кино — эти трудности не так-то легко было обойти мудрецам из финансового мира. Я говорю о старом противоречии между тем, что хозяева кино хотят выпускать на экран, и тем, что хочет видеть и за что платит зритель. Это противоречие не только оставалось в силе, но с годами обострялось все больше.

Вопрос о вкусах больших масс людей, так или иначе пользующихся дарами искусства,— вопрос, конечно, не новый. Он всегда давил тяжелым бременем на плечи владельцев киностудий и нередко преследовал, как ночной кошмар, их финансовых покровителей. Новая глава в истории капиталистического кино, собственно, и состоит из целой цепи ухищрений и маневров кинобизнеса, рассчитанных на то, чтобы как-то справиться с этим угрожающим несоответствием. В каком-то смысле эти заботы кинобизнеса отражают общий моральный кризис самого капиталистического строя, когда все труднее становится приспосабливать взгляды, интересы и вкусы народных масс к хищническим интересам класса эксплуататоров.

Порча наших вкусов с помощью кино, конечно, возможна и сейчас. Высокие прибыли получать на этом также еще можно. Но уже дает себя знать сопротивление массового зрителя — это ясно для каждого, кто рассматривает этот процесс с социальной точки зрения и кто по-настоящему заинтересован в судьбе искусства кино.

* * *

Какие же, собственно, вкусы старались привить нам финансовые владыки кинематографии и дельцы киностудий за последние два десятилетия?

Широчайшее распространение получили за эти годы картины, выставляющие напоказ образцы жестокости в людской породе, и картины, построенные на откровенной и грубой сексуальности. Особенно много таких фильмов расплодилось в период холодной войны, когда правящие классы поставили перед собой задачу подорвать и смешать с грязью передовые социальные идеи. В лагере реакции возник усиленный спрос на так называемую «сильную личность», отмеченную печатью бесчеловечной, тупой жестокости. Фильмы, выпускавшиеся у нас начиная с конца сороковых годов, по существу, отражали зловещую волну реакции, поднявшуюся в странах капитала в тот период. Она началась для художников кино с ожесточенных гонений в Голливуде на каждого сколько-нибудь либерально мыслящего кинодраматурга, актера, режиссера, гонений, осуществлявшихся опытными руками специалистов по «охоте за ведьмами» из пресловутой сенатской комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Мировая война вызвала в Америке и во всем западном мире большой подъем прогрессивных гуманистических идей, прямо противостоящих нацистскому мракобесию. В течение первых послевоенных лет эти идеи послужили основой для ряда кинокартин, созданных руками прогрессивных режиссеров. Но с 1948 года, когда холодная война была возведена на Западе в ранг государственной политики, а антикоммунизм превращен в официальную мораль, кино было включено в число прямых орудий реакционной пропаганды. Для этого потребовалась чистка кино от честных, мыслящих и по-настоящему преданных своему искусству людей.

В итоге маккартистской травли ряд американских сценаристов, актеров, режиссеров был посажен за решетку, сотни были занесены в черные списки, другие сотни потеряли работу, а многие вынуждены были покинуть страну и отправиться в изгнание. В Голливуде обосновался новый тип кинодеятеля, более соответствующий новому политическому курсу,— словно динозавр, вдруг вынырнувший из наших нынешних болот. И опять-таки мы говорим «в Голливуде», но то же самое происходило и в европейских странах, только в несколько более мягкой и тонкой форме. «Либералы», как их стали называть тогда, вытеснялись из киностудий повсеместно. Производство и прокат кинокартин оказались почти целиком под контролем американского капитала, точно так же, как американское «лидерство» определяло тогда весь ход политических, экономических и военных дел в Европе.

Так была устранена из кинематографа сама основа гуманистического и демократического подхода к задачам искусства. Старые ценности, воплощенные в прошлом в фильмах, завоевавших мировое признание, стали заменяться новыми. Началась беспардонная игра на отсталых и грубых вкусах, и в первую голову рассчитанное насаждение вкуса к жестокости, воспевание насилия, утонченного зверства. Трудно отыскать в истории мирового искусства период, когда отдавалась бы столь щедрая дань звериному началу в человеке, включая даже эпоху кровавых гладиаторских «игр» в Древнем Риме.

Сейчас еще невозможно точно проследить, как развивалось это воспитание людей в духе насилия — все это еще существует рядом с нами и сегодня, настойчиво вторгается в нашу повседневную жизнь, особенно через телевидение. Можно только смело сказать, что любому американскому солдату, воюющему во Вьетнаме, разбойничьи «идеи» этой войны вдалбливались в голову десятками подобных кинокартин. Я имею в виду не только грубые насильнические инстинкты, но и весь строй мышления, который внушало ему кинематографическое «воспитание» в период, когда он превращался из ребенка в юношу. Вспомним ужасающую резню в Сонгми или Май Лай — саму психологию, которая нужна была для того, чтобы это делать бестрепетно, механически,— разве тут не явная «заслуга» американской кинематографии того злосчастного периода?

По сути дела, если бы не эти двадцать лет обработки мозгов и растления душ — а это стало неотъемлемой частью жизни у нас на Западе,— война, развязанная во Вьетнаме, едва ли была бы возможна. Каждый пилот, сбрасывающий очередную тонну напалма на поля Вьетнама и работающих в поле крестьян, был заранее и рассчитанно вооружен убеждением, что он представитель высшей расы, что ему присвоено некое «право» делать «это»,— и разве заметное участие в такой подготовке не принимал кинематограф крови и насилия в его короткие юношеские годы?

К сожалению, не только алчные дельцы и лишенные чувств долга кинодеятели предавались этой преступной забаве — извращению вкусов и приспособлению их к целям холодной, а потом и «горячей» войны. Одно время даже некоторые крупные представители интеллигенции оказались втянутыми в этот мутный водоворот.

Это, конечно, не значит, что все до одного фильмы тех лет были пропитаны продажностью и культом жестокости. Нашлись и тогда артисты кино, сценаристы, отдельные честные кинопродюсеры, которые вели, как могли, трудную, партизанскую борьбу против этого вырождения искусства кино. Было, правда, выпущено много картин, которые можно охарактеризовать только как «нейтральные». Но удалось создать и несколько замечательных произведений (например, «Нюрнбергский процесс»). И эти картины выходили на экран, пробиваясь через стену ненависти и травли, воздвигнутую на их пути.

Я очень хорошо помню эти годы, которые можно смело назвать годами Сопротивления в киноискусстве: многие мои друзья в Англии и Франции были теми самыми режиссерами и сценаристами, имена которых были занесены в черные списки, и не только в Америке, но и в некоторых странах Европы. Им ничего не осталось, как работать, в буквальном смысле слова, подпольно. В Париже, например, некоторые из наиболее одаренных американских кинодраматургов объединились и стали писать сценарии для Европы (а потом и для Америки) под вымышленными именами. Их усилия принесли кое-какие плоды.

В самый разгар холодной войны в Голливуде был снят один из лучших антивоенных фильмов — правда, под видом исторической картины о религиозном движении (квакеров) во время американской революции XVIII века. Фильм получил название «Дружественное убеждение», а сценарий к нему был написан одним из талантливейших и популярнейших американских драматургов, Майклом Вильсоном. Но так как его имя красовалось в черных списках, ему пришлось укрыться за псевдонимом. А когда за сценарий была присуждена знаменитая премия Академии, пришлось послать другого человека получить эту премию для Вильсона.

Кто знает, сколько таких сценариев было создано в эту эпоху «охоты за ведьмами» и вымышленных имен! Иногда в глупом гангстерском фильме вдруг блеснет что-то разумное и человеческое, и мы сразу понимали, что это работает «подполье». Карл Формэн, Джон Берри, Дональд Огден Стюарт, Джозеф Лози, Ли и Тамара Голд и целый сонм других американских писателей-черносписочников жили и работали в Париже и Лондоне как изгои и так или иначе создавали произведения киноискусства. Но нелегко приходилось им в эти годы. Я вспоминаю, как Джозеф Лози — сейчас он снова один из виднейших режиссеров западного кино — писал короткие рекламные эпизоды для телевидения, чтобы заработать на хлеб насущный.

Увы, немало творческих сил кино было растрачено в этот период — многие пошли на компромисс с массовым производством стандартных фильмов того времени, а некоторые пристроились к электронным фантазиям со знаменитым Джеймсом Бондом или его имитаторами. В те самые дни, когда Майкл Вильсон трудился над «Дружественным убеждением», другие стряпали варианты Джеймса Бонда. Надо заметить, что фильмы этого сорта имели исключительный успех на Западе. Почему? Видимо, потому, что это были фильмы фантастические, причем их фантастика несла в себе элементы того, что владеет умами всех,— современной революции в области техники. Джеймс Бонд и был, в сущности, героем новой техники — «сверхчеловеком», владеющим «сверхмашинами». Можно даже сказать, что подлинным «Джеймсом Бондом» в этих фильмах были именно машины. Не будь этого, герой оставался бы всего лишь

очередным преуспевающим шпионом. В этих картинах попадались и зверские кулачные схватки между людьми, но настоящие сражения разыгрывались между грандиозными безжалостными механизмами — одна техника сокрушала и превращала в пыль другую. Я готов биться об заклад, что уже упоминавшийся мною американский летчик, проносящийся над Вьетнамом на фантастических скоростях и сбрасывающий на вьетнамцев сложнейшие, чудовищной силы ракеты, что этот летчик не раз восхищался фильмами о Джеймсе Бонде, где техника разрушения в горделивой немоте утверждает себя и свою страшную истребительную силу.

Впрочем — злая ирония обстоятельств,— кинодельцы Америки и Европы довольно скоро смекнули, что не только фильмы ужасов, жестокости и насилия, но и фильмы, рассчитанные на мыслящего зрителя, могут приносить прибыль. И вот все больше черносписочных художников кино, правда, все еще работая под другими именами, стали создавать фильмы, имеющие какой-то серьезный смысл, хотя и не очень пышные внешне. Появилась серия телефильмов о Робин Гуде, легендарном народном герое Англии, созданная талантом и трудом американцев и англичан. Серия имела потрясающий успех в Америке и Англии; и понятно почему: идея картины была проста — в ней народ ставился выше средневековых баронов. Героем был человек, помогавший народу бороться против жестоких норманнских правителей. Не только дети с интересом смотрели эту серию, но и миллионы взрослых — они были по горло сыты нагло глядевшей на них с экрана жестокостью и устали от героев, которые на поверку оказались обыкновенными головорезами.

И все-таки большинство картин продолжало изображать и оправдывать жестокость и грубую силу. Но, раз начавшись, сопротивление в широких слоях общества разрасталось и крепло. В ужасах вьетнамской войны люди распознали истинную суть и реальное воплощение того, что неизменно преподносилось им с экранов кинотеатров. Холодная война терпела один провал за другим. Недовольство зрителей переходило постепенно в негодование.

Вершителям судеб кино пришлось думать о чем-то новом, что могло бы прийти на смену воспитанию жестокостью. И они нашли нечто, по их разумению, равноценное, призвав на экран двойника жестокости — грубый, животный секс.

Вообще говоря, секс отнюдь не «запрещенная» тема для киноискусства, как в известных пределах и тема жестокости. Но хозяева кинематографии, почувствовавшие, что апологетика жестокости и насилия себя больше не оправдывает, словно вдруг стали ярыми приверженцами учения Фрейда, согласно которому в половой сфере заключаются основные мотивировки действий человека. Но они пошли и дальше: секс в фильмах перестал рассматриваться как одно из естественных проявлений любви. Секс был противопоставлен любви. Он сначала появлялся в фильмах в виде некоей эротической приправы к сюжету, потом перерос в «умеренную» порнографию и, наконец, утвердился как главенствующий мотив фильма, часто носящий болезненно извращенный характер. И это стало приносить деньги. Большие деньги.

Постепенность проникновения грубого секса в кинокартины можно себе представить так. Поначалу, скажем, на экране демонстрировалась полуобнаженная женская грудь или полураздетая пара в постели. Потом женская грудь обнажается полностью и показывается на экране крупным планом, во много раз увеличенной против естественных размеров. Все чаще половой акт прямо вводится в ход действия фильма с явным расчетом на эротическое самовозбуждение зрителей. В конце концов фигуры мужчины и женщины в постели показываются совершенно нагими, а половой акт предстает на экране во всей своей откровенности. Сейчас на Западе ни один большой фильм, рассчитанный на коммерческий успех, не признается в кругах кинодельцов законченным, если в нем нет хотя бы одной сцены полового акта и в придачу—множества эпизодов с современными обнаженными Саломеями.

* * *

И все-таки, несмотря на это запланированное вторжение сексуального начала в тематику нашего кино, несмотря на успех того или иного фильма, где секс преподносится особенно грубо и откровенно, кинотеатры западных стран продолжали неудержимо пустеть. В «добрые старые времена» кинотеатры в Англии чаще всего создавались в виде больших, современного типа зданий, с удобными зрительными залами и той степенью комфорта вообще, которая делала посещение кино «хорошо проведенным вечером». Даже в рабочем квартале Лондона, где я живу, есть с полдюжины таких роскошных зданий. Но сегодня половина из них не используется уже как кинотеатры, некоторые превратились в «Бинго» — залы, где домашние хозяйки могут развлекаться игрой в карты или лото. Кинотеатры закрываются по всей Англии, то же самое происходит во Франции, Италии, Западной Германии и в Америке. Крупнейшие кинотеатры попросту сносятся, и на их месте вырастают жилые дома.

Так банкиры и киноспекулянты, по сути дела, зарезали курицу, несшую им золотые яйца. Но они не смогли убить само искусство кино. Новый творческий подход, новая зрительская аудитория, новое поколение режиссеров, сценаристов, актеров выходило на арену вопреки противодействию продажных кинодельцов. Наша молодежь в ее большинстве стала решительно отворачиваться от той пищи, которой ее продолжали угощать с экрана. Демонстрации студентов против войны во Вьетнаме все больше приобретают характер протеста против всего капиталистического социального строя, в котором живет учащаяся молодежь. Этот протест выливается в разные формы — от «хиппизма», курения наркотиков и «поп-музыки» до настоящей социальной борьбы. Но в кино он во всяком случае формирует новую аудиторию, начисто отвергающую «героический» образ Джеймса Бонда.

Критически мыслящие, интеллигентные и талантливые художники кино — такие, как Жан Люк Годар во Франции, Антониони в Италии, Линдсей Андерсон в Англии или Бергман в Швеции, могли убедиться, что уже есть зритель для фильмов, которые они хотели создавать. Но свою критику капиталистического общества они не могли вести с марксистских позиций. Каждый из них явился индивидуальным «духовным бунтовщиком» против существующего строя — против разрушительной морали жестокости и секса, тупой реакционности правящих классов, узкого материализма «общества потребителей».

Создаваемые ими фильмы были, по существу, анархическими и часто бесплодными наскоками одиночек на общественный строй, который старался развратить их и подчинить себе в течение двух десятилетий. К сожалению, и мотивы этого мятежа часто оказывались слишком личными и отвлеченными, чтобы он мог иметь полный успех. Создав «Земляничную поляну» и другие картины, Бергман в пух и прах раскритиковал шведскую буржуазию. Однако, по сути дела, он оставил своих персонажей так же безнадежно увязшими в буржуазной трясине, из которой намеревался их освободить. Когда Линдсей Андерсон поставил хороший фильм «Если бы...» — о старших классах наших школ,— он не оставил камня на камне от системы обучения и воспитания в них; но сами ребята остаются у разбитого корыта после разрозненных, тоже индивидуальных попыток бороться с этими порядками. А персонажи Годара попросту опускаются на дно вместе с обществом, которое он изображает как пришедшее в упадок.

В этом своем индивидуальном художническом протесте упомянутые режиссеры, как ни странно, оказались еще довольно крепко привязанными к тому самому миру, который они изобличали и осуждали. После того, как Лючио Висконти, очень одаренный итальянский режиссер, поставил недавно свою картину «Проклятие» — о тирании нацистов в Германии, почти каждый критик на Западе хвалил картину за содержащуюся в ней полемику с нацизмом. Кинообозреватель «Санди таймс» Дайлис Поуэлл выразилась о фильме так: «Эта картина сделана из ненависти». Но дальше критик разъясняет свою мысль, утверждая, что картина эта — только полууспех. «В некоторых отношениях я нахожу ее слишком насыщенной мотивами ненависти,— пишет она.— Многое от темы картины просачивается в само действие». Иначе говоря, то, что ты осуждаешь и обливаешь презрением, иногда цепляется за тебя, липнет к тебе; в кино это встречается довольно часто.

Можно было бы провести здесь некоторую параллель и с другими, лежащими вне кинематографии областями действительности, где то и дело возникает это странное противоречие: отталкивание и одновременно притяжение между двумя крайностями. Но для этого вернемся еще на минуту к кино. В свое время был выпущен фильм о генерале Паттоне, американском генерале периода второй мировой войны, который прославился своей страстной и своенравной любовью... к войне. Та же Дайлис Поуэлл писала об образе Паттона в фильме: «Он любит войну. На поле боя, среди мертвецов и раненых прямо говорит, что любит все это».

А вот еще пример такой же «бескорыстной любви» уже из другой области. В начале этого года в Чикаго журналист брал интервью у молодого анархиста Эбби Гофмана, заслужившего скандальную известность своим вызывающим нигилизмом. Был задан примерно такой вопрос: «Как и почему Эбби вступил в это свое личное единоборство с американским обществом и к тому же подбивает других следовать своему сумасбродному примеру?» (В это время в печати появлялись фотографии Эбби Гофмана — когда он чистит свою обувь американским флагом.) Гофман ответил на заданный вопрос так:

— О, но ведь это очень забавно и весело!

— Довольно неожиданный ответ,— заметил журналист.— Тем более что многие молодые люди могут сильно обжечься, если последуют вашим призывам к насилию.

— Ну, это не главное,— ответил Эбби.— Ведь у тех, на противоположной стороне, нет ничего яркого и веселого. Только у нас есть то, что веселит и забавляет.

— Значит, то, что вы делаете, привлекает вас само по себе?

— Конечно!

Конфликт с окружающим, часто принимающий столь нелепые формы, пускает, однако, все более глубокие корни в сознании наших молодых «мятежников». Но он не находит еще сколько-нибудь заметного отклика в фильмах, которые создают люди с такими же настроениями протеста. Картины Бергмана достигли сейчас такой степени откровенности в области секса на экране, что даже молодежь из приверженцев идей «свободной любви» отвергает их. Или другая картина, только что снятая в Америке над названием «Мэш» и получившая Большой приз в Каннах в этом году. Это фильм острый, антивоенный, протестующий против утвердившегося социального порядка. Прекрасный сценарий к нему написал Ринг Ларднер-младший, один из знаменитой «голливудской десятки», посаженный в тюрьму за прогрессивные идеи. Но в целом это мрачная комедия, в которой кровавые ужасы войны перемешаны с эпизодами футбольного матча, религией и сценами из жизни «респектабельных» американских кругов.

И та же Дайлис Поуэлл из «Санди таймс» пишет: «Картина может внушить мысль, что все это (кровавые сцены в американском госпитале во время корейской войны) есть сокрушительный, разоблачительный комментарий к подлинным ужасам настоящей войны. Но возникает вопрос: не несет ли в себе картина нечто двусмысленное? В этом нагромождении кровавых эпизодов есть что-то анестезирующее определенные центры человеческой чувствительности — и в результате притупляется наша реакция на самую суть войны».

Я сознательно цитирую высказывания Дайлис Поуэлл о всех этих фильмах, потому что она «солидный» буржуазный критик, а не «сердитая» коммунистка. Но вот Нина Хиббин, обозревательница-коммунистка, пишущая в «Морнинг стар», соглашается с мнением Дайлис Поуэлл о кровавых сценах в фильме «Мэш». Она пишет: «Кровь в фильме просто брызжет из всех этих образцов ужаса, и, естественно,

что у нас возникает скорее тошнота, чем возмущение».

Все дело в том, что производство фильмов в нашем сложном западном мире все еще сидит в капкане своих старых противоречий, и это несмотря на возвращение некоторых продюсеров и режиссеров к социальным темам, несмотря на их ненависть к войнам и отвращение к мещанскому делячеству нашего общества.

Картины, создаваемые нашими интеллигентными кинодеятелями, все еще оказываются опутанными паутиной жестокости, секса и насилия.

Даже картины молодого бунтующего авангарда художников кино — так называемые «антикоммерческие» и «подпольные» фильмы, иногда создаваемые с помощью пятерки актеров-любителей, одной камеры и еще кое-какого оборудования, оказываются обильно пропитанными «ценностями», которые их авторы ненавидят и презирают. У «подпольных» фильмов, как правило, не бывает ни сценариев, ни логичного драматургического построения — они, наоборот, как бы противопоставляются какому бы то ни было связному развитию сюжета. А главное, в этих картинах герои настолько невыразительны, проблемы так мелки и ограниченны, наконец, так велик в них удельный вес секса, наркотиков, бесцельной траты времени, что даже как-то неудобно применять к ним понятие «подполья» из боевого словаря политической борьбы.

К тому же и к этим «фильмам личного протеста» протянули свои руки кинодельцы, понимая, что молодежь пойдет их смотреть и будет их оплачивать из своих скудных средств. В этом году Голливуд выпустил картину «Инцидент в Строуберри» — о студенческих волнениях в Америке. Фильм поначалу как будто подает надежды и даже кончается изгнанием студентов из их общежитий с помощью слезоточивых газов и полицейских дубинок. Но вот что пишет Нина Хиббин в «Морнинг стар»: «Я уверена, что студенческая аудитория воспримет этот фильм скорее как спекуляцию на молодежных волнениях, чем серьезное изображение их реальной сути».

Еще один, уже явно спекулятивного характера фильм на тему о молодежи — «Вудсток», снятый, кстати сказать, тоже молодым режиссером. Вудсток — это местность возле Нью-Йорка, где огромная масса молодых людей собралась в прошлом году предаваться «свободной любви», наркотикам и слушать концерты «поп-музыки». На этом слете работали одновременно шестнадцать кинокамер. Затем все было синхронизировано с помощью новейшей немецкой техники, и получилась лента высшего технического уровня. Крупнейшая в Америке прокатная фирма «Уорнер Бразерс» купила законченный фильм и выпустила его на экраны в качестве своего «вклада в протест молодежи Америки». На самом деле фирму, разумеется, вдохновляли исключительно коммерческие интересы. Она рассчитывала, что несколько миллионов молодых людей на Западе будут охотно смотреть картину, тем более что в ней был и надлежащий гарнир — «рай в шалаше», песни, марихуана и блаженное безделье, а что касается «протеста», то, на взгляд «Уорнер Бразерс», он был вполне безобидным.

Кстати сказать, и эти фильмы были сделаны на свой риск продюсерами-одиночками, а не большими киностудиями старого типа. Финансировались они тоже индивидуально и пускались в прокат с расчетом, что зрители все-таки пойдут их смотреть: так или иначе эти фильмы заглядывали в те трудности и беды, которые мы переживаем.

Некоторые заслуживающие внимания явления в западном киноискусстве открылись для меня на кинофестивале в Карловых Варах, на котором я присутствовал. Во-первых, стремление найти новый подход к теме, которая, в общем, была в забросе,— о жизни наших трудящихся классов. И, во-вторых, значительный приток фильмов из Южной Америки, отражающих дыхание революции на этом зеленом, бурлящем, как вулкан, континенте.

В прошлом кино не раз обращалось к теме трудового люда, но вплоть до наших дней в картинах этого рода героем оказывался все тот же бунтовщик-одиночка. «Комната на чердаке» и «В субботу вечером и воскресенье утром» — хорошие фильмы, но в основе своей они изображали лишь личное недовольство и возмущение одного человека, да и то в интеллигентской трактовке. Но вот три из представленных на фестиваль в Карловых Варах картины: в них с бо́льшим или меньшим успехом делается попытка показать нечто более интимное и реальное из жизни рабочего класса и порождаемых этой жизнью сложных и трудных проблем. Фильмы эти пришли на фестиваль из Финляндии, Швеции и Англии, что само по себе примечательно.

Так или иначе, эти картины отразили растущий интерес нового поколения к рабочему классу, его жизни и роли в обществе и притом желание видеть реалистический показ этого, а не интеллигентскую интерпретацию. В финском фильме «Братья» мы видим молодого рабочего, воспитанного в условиях типографии, где он работал учеником и где им все помыкали. Он создает свое маленькое типографское дело и сталкивается, разумеется, с яростной конкуренцией больших полиграфических фирм. Он становится, по существу, тем, что капиталисты называют «рабочим, думающим о себе», проще говоря, мелким буржуа. Фильм показывает, как рабочий все глубже увязает в трясине алчности и продажности, свойственных мелкой коммерции. В то же время его брат, студент-самоучка, становится одним из молодых протестующих интеллигентов. Бывший рабочий в конце концов так и остается в положении мелкого буржуа, которому будущее не сулит ничего хорошего. Урок фильма ясен всякому, кто желает его видеть: будущее рабочего класса в самом рабочем классе, а не в мелкой собственности, и даже не в «личных восстаниях», которым отдал свою энергию брат-студент, правда, принимающий близко к сердцу страдания народа Вьетнама.

Шведский фильм «Янки» стремится раскрыть природу социал-демократии, которая не сумела создать никакой настоящей демократии. Это история девушки, работницы механизированной хлебопекарни, выполняющей самые тяжелые и выматывающие душу подсобные работы. У нее связь с богатым человеком, от которого она забеременела, после чего он ее бросил. В поисках крыши над головой она поселяется у молодого вора из «смутьянов» и наконец рожает «незаконного» ребенка, которого после долгих колебаний отдает чужим людям на воспитание. Молодого вора арестовывают, а ее обвиняют в соучастии. На суде она мучительно пытается отвечать на задаваемые ей вопросы, но ее неразвитый ум не может вместить всех сложных тонкостей судебного процесса. Она словно глухонемая и не в состоянии членораздельно сказать что-либо в свое оправдание.

В основе своей это неудачная картина, и спасает ее только великолепная игра актрисы Ануто Экстро, исполняющей главную роль. И все-таки фильм как-то ставит проблему классового общества, хотя и в довольно беспомощной и ограниченной трактовке. Собственно, проблема ставится с обветшалых позиций шведской социал-демократии, и в фильме тщетно искать настоящего рабочего, сознательного, уверенного в победе своего класса. Однако шведское буржуазное общество, превращающее людей труда в жертвы, все же показано. В некотором смысле эта шведская девушка, живущая в двадцатом веке, напоминает типы обездоленных, выведенные в романах Диккенса в XIX веке. Нечто диккенсовское проступает во всем образе шведского общества, представленном в картине.

Оба фильма сравнительно примитивны. Они как бы впускают в кино тему рабочего класса через черный ход, не решаясь распахнуть перед ней парадную дверь. Тем не менее эти фильмы отметили собой какое-то начало, какую-то заявку на то, что дверь эта будет открываться все шире и шире в западной кинематографии.

Последним (и лучшим) из упомянутых трех был «Кес», фильм, снятый в Англии и получивший Большой приз в Карловых Варах. «Кес» — это повесть о школьнике, сыне шахтера. Он живет в индустриальном районе средней Англии, в одном из коммунальных домов новой стройки и учится в средней школе, тоже нового образца. Но он числится неуспевающим: классовая система нашего образования да и его детская жизнь все время отнимают у него то, что близко и свойственно его натуре. Случайно ему попадает в руки дикая пустельга, хищная птица, и он начинает дрессировать ее, как это делали сокольные охотники. Обретши, таким образом, нечто способное насытить его душевный голод, он вдруг обнаруживает незаурядные способности и становится жадным и тонким исследователем в этом деле. Но случается так, что брат его убивает птицу — за то, что мальчик забыл выполнить поручение: поставить для брата деньги на лошадь на предстоящих бегах. Фильм кончается сценой: мальчик хоронит убитую птицу.

Можно, пожалуй, увидеть в этой картине просто трогательную повесть о мальчике. Но трудно отвлечься от содержащейся в фильме убийственно блестящей сатиры на всю нашу социальную систему и на то, что она делает с простыми людьми. При всем нашем домостроительстве в новом стиле и современных по оборудованию школах классовая общественная система остается в Англии нерушимой, и этот фильм тоже показывает, как рабочие становятся жертвами социального строя вопреки социал-демократической пропаганде об «обществе изобилия». В картине с такой же сатирической позиции показан футбол, который многими выдается за разумное и чуть не единственное увлечение школьников,— фильм полностью разбивает эту иллюзию. Картина показывает разлагающие последствия для рабочей среды увлечения игрой на бегах. Много в фильме и других острых наблюдений над повседневной жизнью в Англии — правда, не вполне понятных для иностранца. Но для англичанина они имеют глубокий социальный смысл, раскрывая в художественной форме горькие реальности рабочей жизни в наше время.

Любопытна сама история этой картины. Когда Кен Лоач, ее молодой постановщик, впервые прочел сценарий «Кеса», он попытался уговорить дельцов с Уордор стрит (улица, где находятся банки, финансирующие кино) оказать финансовое покровительство этому фильму. С ним не пожелали разговаривать. Тогда один его друг из влиятельных кинорежиссеров все-таки ухитрился выжать немного денег у одной крупной прокатной американской фирмы, и картина была снята, правда, буквально за гроши. Когда законченный фильм был показан этим прокатчикам, они не одобрили его идею и решили списать убытки, а картину похоронить — поскольку монопольное право выпуска на экран принадлежало им.

Но Лоач остался верным своему детищу — он потребовал, чтобы фильм представили на Каннский кинофестиваль. Американские прокатчики отказали ему и в этом. Фильм был все-таки показан в Каннах — вне конкурса, и все критики единодушно заявили, что он легко мог получить Большой приз.

Американские хозяева картины по-прежнему упрямо не выпускали ее на экран. Но английские кинообозреватели подняли такой большой шум, что картина в конце концов прошла в малом тираже в нескольких английских кинотеатрах. После этого прокатчики скрепя сердце позволили привезти «Кес» на фестиваль в Карловых Варах, хотя и начисто отказались сопроводить его рекламой. Фильм завоевал Большой приз.

Фильм «Кес» отразил все тот же пробудившийся интерес нашей молодой интеллигенции (я имею в виду не только людей кино, но и вообще политически мыслящую молодежь) к рабочему классу, его жизни и надеждам. Почти все новое поколение интеллигенции считает себя ныне «революционным», хотя это выражается сплошь и рядом в наивных формах, иногда в диких выходках, а часто это не более как бездумное модничанье. Но так или иначе, это стремление к социальным переменам не глохнет, а все расширяется. И есть уже серьезное тяготение к тому, чтобы объединить в общей борьбе силы молодой интеллигенции и рабочего класса. Вот почему и кинокартину «Кес» следует рассматривать, при всей ее ограниченности, как отправную точку к тому, чтобы показать на экране не мифический, а настоящий рабочий класс.

И, наконец, о южноамериканских фильмах. Они тоже были открытием для меня благодаря своей свежести, силе и наполненности социальным смыслом. Показанные в Карловых Варах фильмы из Перу и Бразилии поведали мне о социальных проблемах южноамериканского континента больше, чем все, что я об этом читал или видел на экране раньше. Перуанский фильм, сделанный, правда, с некоторыми уступками «западным» вкусам и кое в чем сентиментальный, в то же время блестяще использует местный человеческий материал и бытовую среду и на этой основе, видимо, должен пробудить в перуанцах желание понять стоящие перед ними политические проблемы и искать правильные пути борьбы за лучшее будущее.

То же самое можно сказать и о бразильском фильме. Это далеко не во всем безупречное произведение. В нем можно отметить немало эксцентричных приемов в разработке темы так называемых «примитивных» революций, которой он посвящен. Но, как и перуанский, этот фильм сказал все, что мог, если учесть оказанное на него коммерческое давление. На мой взгляд, картина эта лучше и глубже, чем любая из тех, которые я видел в последние годы в Европе. Она ясно и просто показывает, как финансовые дельцы и буржуазные политиканы Бразилии безраздельно подчинили себе примитивную феодальную страну с тем, чтобы угнетать и эксплуатировать народ еще больше, чем прежде. При всех серьезных слабостях, будучи скорее произведением революционно-романтическим, он тем не менее несет в себе живой заряд исторического реализма и чужд интеллигентским воображаемым реальностям.

* * *

Давно уже миновала «золотая пора» голливудских кинокомпаний типа «Метро-Голдвин-Майер». Отошли в прошлое времена, когда Америка диктовала Европе и всему Западу, какие фильмы смотреть и какие нет. Немало воды утекло и с тех пор, когда большой бизнес обращался с кино, как хозяева мыловаренных заводов со своей продукцией,— «нам нужны не святыни искусства, а верный, прибыльный товар для продажи». Наконец, ощутимый промежуток времени отделяет нас от тех лет, когда американских мастеров кино сажали за решетку, а в Европе многие из них получали вежливые письма о том, что в их услугах больше не нуждаются.

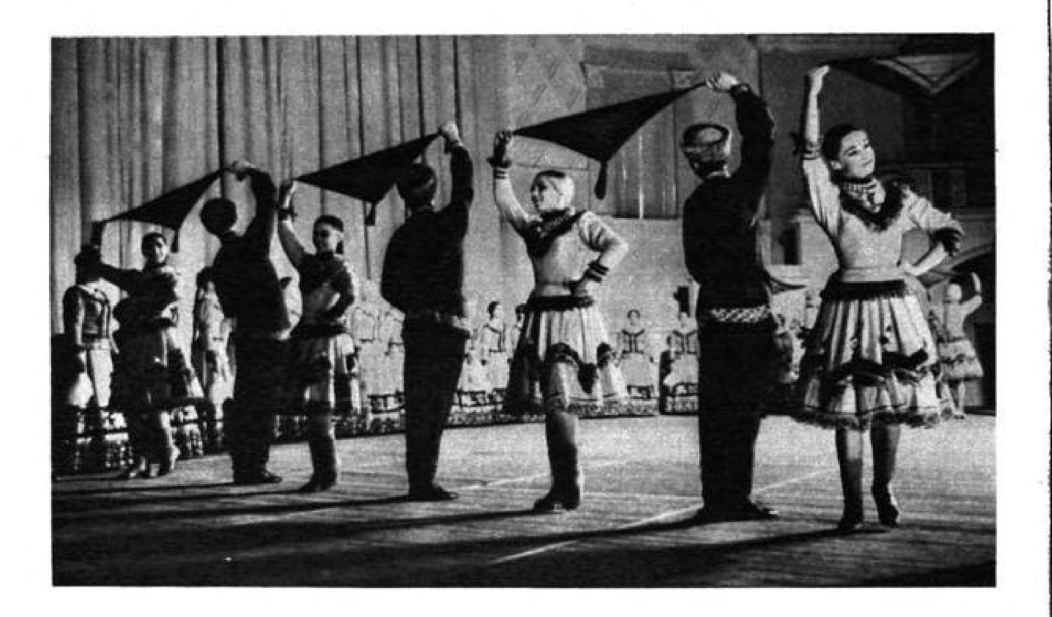
Эта зловещая эпоха в истории западного кино, в общем, закончилась. Но судьба кинофильмов на Западе все еще в большой мере зависит от мира денежного мешка, ибо снять фильм стоит больших денег, которыми пока располагают только банкиры и прочие дельцы. Попытки, предпринимаемые в последнее время настоящими художниками,—снимать дешевые кинокартины, менее зависящие от банкиров, создают понемногу в кинематографии новую атмосферу. Она часть тех серьезных сдвигов, которые происходят во всей нашей политической жизни.

Возникают уже планы создания менее крупных киностудий, которые не смог бы контролировать большой бизнес. Вообще дальнейшее развитие западного кино, по сути дела, зависит от самих его творческих кадров, от того, насколько они способны будут высвобождаться из-под власти тех, кому нужно мыло, а не искусство, жестокость, а не человечность, «красивая» глупость, а не передовая общественная мысль.

Саломея продолжает свой танец, и еще не все покровы сброшены. Красота Саломеи раскроется во всем ее блеске только тогда, когда и у нас будут устранены из общества большой бизнес, банки и спекулянты. Когда не деньги, а Человек станет хозяином жизни и своей судьбы.

Лондон.

Перевел с английского
Л. Чернявский.

ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ

Много лет тому назад я писал музыку к кинофильму «На полях Кубани». Мне вспоминаются те трудные, но вместе с тем веселые и радостные послевоенные дни, когда мы с киногруппой ездили по казачьим станицам и колхозам, только начинавшим заново восстанавливать свою жизнь после военного урагана, разорившего богатый кубанский край... Красавица Кубань оживала, поднималась к солнцу наливным зерном; уже вовсю звучали задорные песни и частушки. Станичники радушно, по-казачьи гостеприимно встречали на своей родной земле посланцев советского киноискусства, приехавших из Москвы запечатлеть на пленку трудовые подвиги кубанских хлеборобов...

С тех пор прошло много лет. Но в памяти навечно осталась необъятная ширь полей, обилие хлебов и фруктов — вся щедрая природа Кубани, а главное, красота ее многоголосых песен и ярких, огневых плясок.

И вот все когда-то виденное вновь ожило сегодня, представ пред глазами на концерте Государственного кубанского казачьего хора, с большим успехом выступившего в одном из лучших залов столицы — Концертном зале имени Чайковского.

Сформированный только год назад, молодой кубанский хор сразу пришелся по душе москвичам своей самобытностью, свежестью, а главное, новизной. В репертуаре молодого ансамбля нет всем приевшихся хоровых и танцевальных штампов. Действие происходит то в наши дни, то мгновенно переносится в глубокую старину. Танцы органично вплетаются в хоры и песни, исторический диапазон которых очень широк: от старинных казачьих напевов до современной песни «Знамя Ленина»...

Кубанский казачий хор, состоящий из молодых профессионалов и лучших участников самодеятельности, впервые выехал за пределы Краснодарского края, но С. Чернобай, его художественный руководитель, уже обрел известность как один из опытнейших мастеров народного хора, его знатоков.

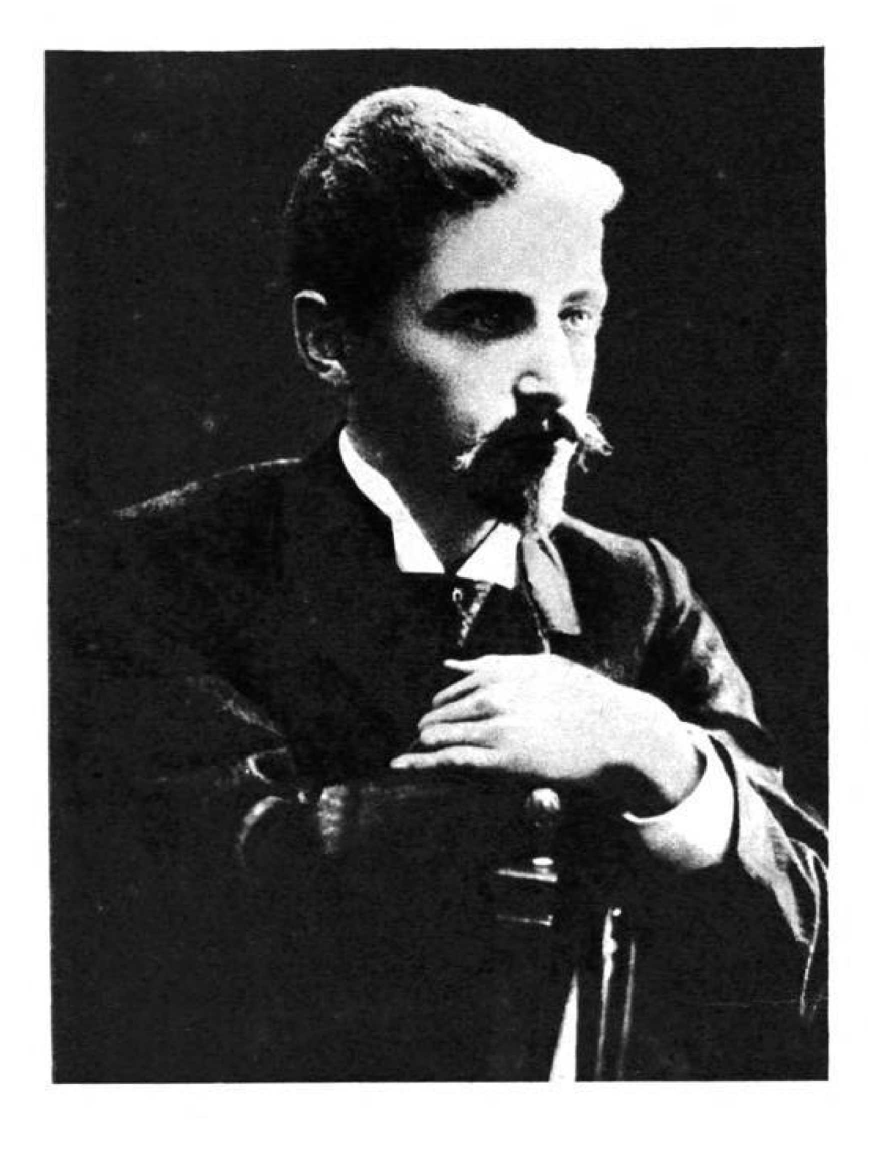
Хор звучит слитно и слаженно. Особенно же выделяется женская группа, хорошо владеющая исполнением подлинно народных казачьих подголосков,— и в этом большая заслуга главного хормейстера И. Петрусенко.

Хороши танцы. Балетмейстер Г. Гальперин проявил много выдумки и несомненного таланта, создав ряд замечательных хореографических картинок на темы казачьей жизни. Наибольшим успехом у публики пользовались «Коленца» и «Проводы казаков»...

Очень красочны, ярки и разнообразны костюмы художницы Л. Коротковой.

Сигизмунд КАЦ,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР
Фото Д. Ухтомского.

Олег МИХАЙЛОВ

МАСТЕР

(К 100-летию со дня рождения Ивана Бунина)

Сухощавый, синеглазый, со своей знаменитой эспаньолкой, Бунин казался современникам верхом сдержанности, холодной насмешливости, строгости и даже самолюбивой чопорности. С людьми сходился непросто, оставаясь у какой-то важной границы, обозначавшей доверительную интимность, не переходил ее (как это было, скажем, в отношениях с Куприным, Шаляпиным, Зайцевым) или даже делил дружбу с некоей потаенной, внутренней неприязнью (такие противоречивые, двухцветные отношения сложились у него с Горьким).

Сдержанность и холодность Бунина были, однако, внешним защитным покровом. В откровенности, особенно при «своих», домашних, он был не в меру вспыльчив, ядовито резок, за что в семье его называли Судорожным. В разные годы познал, пережил бурные чувства, выпадающие на долю не каждому.

Остроумный, неистощимый на выдумку, он был столь одарен артистически, что Станиславский всерьез уговаривал его войти в труппу МХАТа и сыграть роль Гамлета. О его феноменальной наблюдательности в литературных кругах ходили легенды: всего три минуты понадобилось ему, по свидетельству Горького, чтобы не только запомнить и описать внешность, костюм, приметы, вплоть до неправильного ногтя у незнакомца, но и определить его жизненное положение и профессию.

Талант его, огромный, бесспорный, был оценен современниками по достоинству не сразу, зато потом, с годами все более упрочивался, утверждался в сознании читающей публики. Его уподобляли «матовому серебру», язык именовали «парчовым», а беспощадный психологический анализ—«ледяной бритвой». Чехов незадолго до смерти просил Телешова передать Бунину, что из него «большой писатель выйдет». Л. Толстой сказал о его изобразительном мастерстве: «Так написано, что и Тургенев не написал бы так, а уж обо мне и говорить нечего». Горький назвал его «первейшим мастером в современной литературе русской».

Он родился сто лет назад, поздней осенью, в глубинной России, вырастал в ее плодородном Орловском и Елецком подстепье, и поздняя осень осталась навсегда с его писательской молодости самой любимой темой, его заветной песнью:

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах свалялася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва...

И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном однотонным
Гудит-поет в стволы ружья.

«С конца сентября наши сады и гумна пустели, погода, по обыкновению, круто менялась. Ветер по целым дням рвал и трепал деревья, дожди поливали их с утра до ночи. Иногда к вечеру между хмурыми низкими тучами пробивался на западе трепещущий золотистый свет низкого солнца; воздух делался чист и ясен, а солнечный свет ослепительно сверкал между листвою, между ветвями, которые живою сеткою двигались и волновались от ветра. Холодно и ярко сияло на севере над тяжелыми свинцовыми тучами жидкое голубое небо, а из-за этих туч медленно выплывали хребты снеговых гор-облаков».

...И вот уж дымы
Встают столбами на заре,
Леса багряны, недвижимы,
Земля в морозном серебре,
И в горностаевом шугае,
Умывши бледное лицо,
Последний день в лесу встречая,
Выходит Осень на крыльцо.

У Бунина почти не найдешь пейзажей, залитых горячим летним солнцем, как на полотнах Льва Толстого. Даже для любви — любви-воспоминания — необходимо иное созвучие с природой (как в знаменитом «Одиночестве»): «И ветер, и дождик, и мгла над холодной пустыней воды. Здесь жизнь до весны умерла, до весны опустели сады...» Чисто и звонко, выверяя каждое слово на хрустальном своем камертоне, воспел он русские Осенины...

Он родился в октябре, исстари почитавшемся на Руси месяцем поминовения, месяцем памяти о родителях, о предках, отошедшая жизнь которых в бесконечной смене обновляющихся поколений не переставала волновать Бунина-художника. Речь идет, понятно, не только о пристальном сыновнем внимании к собственным отчич и дедич, хотя гордость за свою многовековую родословную, осколки дворянского быта, аромат особой культуры, специфика уклада целого социального пласта, безвозвратно смытого временем в «летейски воды»,— все это повлияло на «жизненный состав» писателя и сложной амальгамой осталось в его творчестве.

«Очень русское было все то, среди чего жил я в мои отроческие годы»,— вспоминал Бунин. Хлеба, подступавшие летом к самым порогам; крестьянские песни и предания; рассказы отца, участвовавшего — точно в древности — с собственным ополчением в Севастопольской обороне; «дедовские книги в толстых кожаных переплетах, с золотыми звездочками на сафьянных корешках»,— все было Россией.

Однако чувство, породившее и «Антоновские яблоки», и поэму в прозе «Суходол», и позднейший роман «Жизнь Арсеньева», было не в пример шире узких социальных пристрастий писателя.

Понятно, что слово самого Бунина о России — крестьянской, дворянской, мещанской — звучало далеко не панегириком. Сложное его отношение можно выразить словами «любовь — ненависть» — любовь к родному, кровному, издревле идущему и прорывающемуся через все социальные невзгоды, и ненависть к темному, дикому, рабскому, причем такая едкая, какой она и может быть, когда говоришь о больном, но «своем». В повести «Деревня» строгий, худой от голода и дум мещанин Кузьма Красов мучительно размышляет о судьбе великой страны, о ее бесконечных богатствах и нищей убогости: «Чернозем-то какой! Грязь на дорогах — синяя, жирная, зелень деревьев, трав, огородов — темная, густая... Но избы — глиняные, маленькие, с навозными крышами. Возле изб — рассохшиеся водовозки. Вода в них, конечно, с головастиками... Пещерные времена, накажи бог, пещерные!» Нет, это не Кузьма Красов, а сам автор выносит на суд читателя противоречивые свои думы о судьбе России, о Руси как о целом. Но за современными Бунину горькими картинами жизни крестьянской России он все время видит ее глубинную, многовековую историю, за темными и искалеченными судьбами — огромные, неразбуженные силы, таящиеся в русском человеке.

Появление «Деревни» (1910) было воспринято современниками как литературное событие и выдвинуло Бунина в первые ряды писателей. Прочитав повесть, М. Горький отозвался о ней восторженно: «Так глубоко, так исторически деревню никто не брал». Тема крестьянской России растет и ширится в произведениях 1910-х годов, являя нам ряд национальных типов, чисто русских характеров, таких, как красавица Молодая, древний годами Иванушка, грамотей и книгочий Балашкин, братья Тихон и Кузьма Красовы («Деревня»), исполненный спокойной мудрости батрак Аверкий («Худая трава»), русобородый Захар Воробьев, само воплощение благородства и исполинской силы (одноименный рассказ), соединивший в себе трагическое и скоморошье начала нищий Шаша («Я все молчу») — да разве перечислишь всех героев, уместившихся на огромном полотне бунинского творчества, имя которому — душа народа (так назвал свою знаменитую картину современник Бунина живописец М. В. Нестеров).

В своих новых рассказах Бунин продолжает тему «Деревни» и, собираясь послать литератору Н. С. Клестову рукопись нового сборника, сообщает ему: «Будут в этой книге и иного рода рассказы — любовные, «дворянские» и даже, если хотите, «философские». Но мужик опять будет на первом месте — или, вернее, не мужик в узком смысле слова, а душа мужицкая — русская, славянская. Я с великим удовольствием поставил бы эпиграфом к этой книге один из последних заветов Гл. Успенского: «Смотрите на мужика... Все-таки надо... Надо смотреть на мужика!..» Пафос историзма пронизывает все значительные произведения Бунина предреволюционной поры, и прежде всего его «дворянскую хронику» — «Суходол».

Жизнь предков как будто сохраняет все былое очарование и влечет к себе писателя, но уже иные, жесткие черты проступают на лицах фамильных портретов, до тех пор «кротко» («Антоновские яблоки») глядевших на него со стены. Недаром в откликах на повесть подчеркивалось «окончательное отречение автора от всяческого «обольщения стариною» дворянского крепостного быта...». Сословная спесь и патриархальный демократизм, свирепое самодурство и поэзия грубым, контрастным узором переплелись в психологии хозяев Суходола Хрущевых. Темна и трагична судьба древнего, ставшего выморочным «рыцарского сословия», которое «за полвека почти исчезло с лица земли», как трагична и судьба крепостных, принадлежавших хрущевскому клану.

С бесстрастностью летописца рассказывает о суходольской жизни молочная сестра барина Наталья, отца которой загнали в солдаты, а мать умерла от ужаса, когда град побил господских индюшат. Сама Наталья, влюбившись в молодого Хрущева, была сослана в отдаленный хутор в «навозной телеге». При чтении этой жестокой «поэмы» невольно вспоминаются не Л. Толстой и Тургенев, но суровые традиции «Пошехонской старины» М. Е. Салтыкова-Щедрина. В стихотворной параллели к «Суходолу» — «Пустоши» Бунин с горечью и состраданием пишет о безвестных крепостных, чьи безымянные могилки толпятся вокруг надгробий их господ, также отравленных рабской психологией Суходола.

Мир вам, давно забытые! — Кто знает
Их имена простые? Жили — в страхе,
В безвестности — почили. Иногда
В селе ковали цепи, засекали,
На поселенье гнали. Но стихал
Однообразный бабий плач — и снова
Шли дни труда, покорности и страха...
Мир вам, неотомщенные! — Свидетель
Великого и подлого, бессильный
Свидетель зверств, расстрелов, пыток, казней,
Я, чье чело отмечено навеки
Клеймом раба, невольника, холопа,
Я говорю почившим: «Спите, спите!
Не вы одни страдали: внуки ваших
Владык и повелителей испили
Не меньше вас из горькой чаши рабства!»

Продолжая и развивая наблюдения над спецификой национального характера, занимаясь, по собственному признанию, исследованием «души русского человека в глубоком смысле, изображением черт психики славянина», Бунин стремится разгадать его «неподвижные» приметы, изломы его характера. За своими героями, мелкопоместным, разбогатевшим мещанином из крестьян или нищим-юродивым, он видит как бы сонмы предков, уходящую, обратную перспективу поколений. Его внимание не случайно все более привлекают люди, выбитые из привычной колеи, переживающие внутренний перелом, катастрофу, будь то юродивый Шаша («Я все молчу»), сломленный жизнью капитан, который ищет «третью», высшую правду («Сны Чанга»), или брянский мужик и крупный коммерсант как будто бы трезвой, европейской хватки Зотов («Соотечественник»), готовый, однако, разрешить внутреннюю запутанность всего — дел, мыслей, чувств — «ловким» выстрелом из револьвера. Как чуткий художник, Бунин ощущает близость великих социальных катастроф, оттого-то катастрофичность бытия становится главной темой его произведений 1913—1916 годов.

В рассказах предреволюционной поры «Господин из Сан-Франциско» и «Братья» он возвысился до обобщенного обвинения неправедного буржуазного мира, показав непрочность, призрачность его благополучия. Оба рассказа пронизывает мысль о неотвратимой его гибели. Видя вокруг себя обилие социального зла, невежества, жестокости, темноты, насилия, став свидетелем непрекращающейся кровавой бойни на полях мировой войны, Бунин в то же время со скорбью и страхом ожидал скорого развала, падения «великой державы Российской». Это определило его отношение к революции и дальнейшее тридцатилетнее самоизгнание, на которое он добровольно обрек себя.

Живя в эмиграции, в далеком Париже, он жестоко страдал от разлуки с Россией, в первые годы мрачно убеждал всех в ее «конце», писал раздраженным пером полустатьи, полупамфлеты, полурассказы, хотя в действительности безуспешно пытался убедить в «конце» России самого себя. Однако почерневшая от горя душа его не переставала украдкой возвращаться в родные места. В 1921 году пишет он хрустально-прозрачный рассказ «Косцы», где звучит вера в силу, здоровье и красоту России, опровергая пессимистическую концовку. В небольшом и как будто бы малозначительном эпизоде — идут орловскими лугами пришлые из Рязани косцы, косят и поют — Бунин сумел передать очень многое, со всей Россией связанное, то, что не должно было и не могло исчезнуть.

«Прелесть была в том, что это было как будто и не пение, а именно только вздохи, подъемы молодой, здоровой, певучей груди. Пела одна грудь, как когда-то пелись песни только в России и с той непосредственностью, с той несравненной легкостью, естественностью, которая была свойственна в песне только русскому. Чувствовалось — человек так свеж, крепок, так наивен в неведении своих сил и талантов и так полон песнью, что ему нужно только легонько вздыхать, чтобы отзывался весь лес на ту добрую и ласковую, а порой дерзкую и мощную звучность, которой наполняли его эти вздохи... И прекрасны совершенно особой, чисто русской красотой были те чувства, что рассказывали они своими вздохами и полусловами вместе с откликающейся далью, глубиной леса».

Именно в разлуке с родиной, вдали от нее у Бунина нашлись самые нежные, самые ласковые слова о ней, которые он раньше, живя в России, стеснялся произнести вслух. И это было тогда, когда многие писатели, оказавшись в эмиграции, принялись обличать и проклинать Россию, которая обманула их в иллюзорных надеждах. Возвратившаяся, вновь обретенная вера в Россию, очевидно, и предопределила исключительность, уникальность судьбы Бунина за рубежом. Понеся известные — и немалые — потери, он тем не менее не только **был**, но **и оставался** одним из крупнейших русских писателей. Талант Бунина сконцентрировался на немногих темах: любовь-страсть, память о России, «вечные» проблемы жизни и смерти. Но и в этих суженных берегах он создал художественные шедевры: «Митину любовь», «Солнечный удар», книгу рассказов «Темные аллеи», философское исследование «Освобождение Толстого», роман «Жизнь Арсеньева».

В эмиграции Бунин остался реалистом, последовательным противником декадентского искусства. Как и в годы молодости, он безоговорочно поддерживал здоровую, реалистическую литературу, выявляя ее ценности в соотнесении с великанами русской культуры XIX века, будь то Пушкин, Толстой или Чехов, в непрекращающейся полемике с модернизмом. Свое программное выступление на юбилее газеты «Русские ведомости» в октябре 1913 года, где Бунин давал бой уродливым и болезненным явлениям современной ему литературы, он начал и закончил ссылками на Толстого, на его оценки и прогнозы. Через полтора десятилетия, в споре с эмигрантским поэтом Г. Адамовичем, заявившим, что традиционные реалистические средства и способы устарели, Бунин решительно возражал: «Пора бросить идти по следам Толстого? А по чьим же следам надо идти?.. Кроме того: неужто уж так беден Толстой?..»

За всеми поздними бунинскими оценками чувствуется, однако, глубоко затаенная горечь писателя, проигравшего в тяжбе с временем, оставшегося до конца верным своим привязанностям и симпатиям. Правда, события второй мировой войны вызывают у Бунина прилив патриотических чувств.

В Приморских Альпах, в маленьком Грассе, отрезанном оккупацией от Парижа, он, ослабевший от голода, жадно ловит на стареньком приемнике сводки союзников, делает отметки на карте своей родины, не поддаваясь отчаянию, и наотрез отказывается сотрудничать в профашистских газетах и изданиях, суливших ему «златые горы». Победоносное завершение Отечественной войны Советским Союзом вызывает у Бунина восторженный отклик. Но все это было данью любви и восхищения родиной без признания происшедших на ее земле общественных перемен.

8 ноября 1953 года, в Париже, в маленькой квартирке на улице Жака Оффенбаха Бунин скончался в возрасте восьмидесяти трех лет.

...Некогда у Горького на Капри крестьянский писатель и профессиональный революционер Иван Вольнов, прочитав бунинский рассказ «Захар Воробьев», отозвался о нем так: «Это — на сто лет!.. Революцию сделаем, республика будет, а рассказ этот не выдохнется, в школах будут читать, чтоб дети знали, до чего просто при царях хорошие мужики погибали». Пришло время — свершилась революция, образовался Союз Советских Социалистических Республик. Новый многомиллионный читатель с тщанием обратился к глубоко национальному художнику, певцу России. Уже сегодня творчество Бунина получило такое широкое признание, о котором сам писатель вряд ли когда-нибудь даже мог мечтать.

ПОБЕДА — ВЕНЕЦ БОЙЦА!

Номер журнала выглядит необычно и броско, начиная с обложки, выполненной по мотивам гравюры замечательного японского художника XVIII века Китагавы Утамаро. Этот взгляд в прошлое, предваряющий горячий, страстный, широкий разговор о современности, вполне закономерен, так как работы Утамаро, «чудесным образом соединявшие пафос прекрасного и сатиру... явились вызовом господствующим кругам».

Пафос прекрасного и пафос борьбы определяют всю атмосферу десятого номера журнала «Иностранная литература», посвященного предстоящей IV конференции писателей стран Азии и Африки.

Прекрасны молодые герои рассказа монгольского писателя Сэнгийна Эрдэнэ; прекрасные чувства выражены в открывающих номер стихах лауреата премии «Лотос» Хариваншрая Баччана, индийского поэта, который, по собственному его признанию, «не смыкая глаз, добирался до самых светлых слов через сотни темных ночей»; прекрасна душа юной Сушилы, чью трагическую историю поведал непальский прозаик Кришнапрасад Чапагай.

Во имя красоты и правды, «во имя справедливости, дружбы, мира», как пишет еще один лауреат премии «Лотос», видный поэт и политический деятель Анголы Агуштинью Нету, сражаются своим пером литераторы двух континентов.

Помнить — так навсегда.
Биться — так до конца.
Пусть всюду еще беда,
Победа — венец бойца!

Эти мужественные и оптимистические слова вьетнамского поэта Нонг Куок Тяна могут повторить десятки тысяч борцов, в сердцах которых живет любовь к свободе и твердая уверенность в своих силах, в грядущем торжестве благородного дела.

Стремлением поднять до активного действия духовный накал молодой нигерийской интеллигенции проникнут роман Воле Шойинки «Интерпретаторы». Написанный несколько лет назад на материале тяжелых и сложных событий в Нигерии после получения ею независимости, роман остается остросовременным, потому что он направлен «против тех сил феодальной, традиционной Африки, которые и сейчас используются Западом для экономического проникновения в африканские страны».

«С африканской земли», «из Сенегала, из новой страны, которая празднует два пятилетия независимости, празднует в обрамлении древних надежд», обращается к Владимиру Ильичу Ленину со словами великой признательности гаитянский поэт Жан Бриер.

Впервые увидели свет на страницах этого номера рассказы «Остров спасения» генерального секретаря Ассоциации писателей стран Азии и Африки Юсефа эс-Сибаи и «Простор» известного ливанского писателя и общественного деятеля Сухейля Идриса.

Среди поэтических произведений видное место занимают стихи лауреата премии «Лотос», прогрессивного палестинского поэта Махмуда Дервиша, дышащие глубоким патриотическим чувством:

Пускай потоп
великою волной
захлестывает очертанья суши,
он не потопит наши души
здесь, на земле родной.

Стихи и проза, публицистика и критика, публикации из литературного наследия и статьи по вопросам живописи и театра, живой, кипящий поток литературы и искусства африканских и азиатских стран — вот что составляет интересное, разнообразное и значительное содержание № 10 журнала «Иностранная литература».

Н. ЦВЕТКОВА

ЗАРЯ ПОДНИМАЕТСЯ НАД ТОБОЙ

Под таким заголовком в № 9 журнала «Дон» опубликована подборка стихов поэтов стран Азии и Африки. Слова эти дважды повторяет в стихотворении «Бессмертие» алжирский поэт Абу аль-Касим Саадала, прославляющий «неустанных сынов» своей страны. К «сынам Востока», «для новой жизни пробужденным», обращается со страстным призывом поэт из Ливии Аль-Буруси:

Вставайте, благородные арабы!
Покой и сон сегодня невозможен.

Перекликаясь друг с другом, звучат голоса поэтов Туниса и Сомали, Объединенной Арабской Республики и Саудовской Аравии, Йемена и Иордании. В них гнев и протест «против насилья, против обмана», в них беспредельная любовь к отчизне, к родной «земле отваги и цветов».

Гимн труду на «свободной земле, плодородной земле, благородной земле» Туниса поет Мухаммад аль-Аруси аль-Матари:

Ты цветешь,
красотой обжигая,
земля,
ты лежишь,
моих рук ожидая,
земля!
Ты — моя!
Я тебя никому не отдам,
возрожденная,
вечно живая земля!

С прекрасными, горячими, звучными стихами познакомил читателей журнал «Дон» накануне встречи в Дели писателей афро-азиатских стран.

Ю. ДАВЫДОВ

СВОБОДА, СВОБОДА, МОЯ ЛЮБОВЬ!

Недавно вышедший из печати пятый номер журнала «Афро-азиатская литература» открывается передовой статьей Юсефа эс-Сибаи «Писатели и освободительная борьба». Свою статью главный редактор журнала заключает следующими словами: «Арабские писатели подтверждают свою позицию — на стороне справедливости и свободы во всем мире — и стремление к осуществлению лучшего будущего для всего человечества».

Дух борьбы за свободу и справедливость пронизывает большинство литературных произведений, вошедших в этот номер.

Свобода, свобода, моя любовь,
Свобода — моя душа, мое сердце,
Свобода — моя жизнь,—

пишет гвинейский поэт Рай Отра.

«Народы Азии и Африки сражаются за свободу,— вторит ему поэт из Камеруна Винсент Тсунги-Нгоно.— Солнце свободы, я приветствую тебя!..»

Отражению национально-освободительной борьбы в японской литературе посвятил свою статью Ясухиро Такэути. Интересное исследование «Галиб и прогрессивная литература урду» написал индийский поэт Саджад Захир.

Журнал «Афро-азиатская литература» продолжает широко знакомить своих читателей с литературой стран Азии и Африки. В этом номере напечатаны стихи иранского поэта Абд аль-Ваххаба аль-Баяти и замечательного сына мозамбикского народа Марселину душ Сантуша, рассказ одного из лучших писателей Сьерра-Леоне, Абиосе Никола, и стихи трех палестинских поэтов, произведения писателей Ганы и Филиппин, Южно-Африканской Республики и Йемена, Индонезии и Эфиопии. Номер богато иллюстрирован рисунками арабских художников.

Н. ГЕОРГИЕВА

КНИГИ О ДОНСКОМ КАЗАЧЕСТВЕ

К 70-летию Д. И. Петрова-Бирюка

Рассказывать о замечательных произведениях Дмитрия Ильича Петрова (Бирюка) — значит во многом поведать о большой, насыщенной богатыми событиями биографии писателя, ибо почти все его произведения связаны с жизнью родного ему донского казачества, с теми колоссальными изменениями, которые за годы Советской власти произошли на Дону. Здесь он родился, провел свое детство и юность, получил путевку в жизнь. Здесь вступил в ряды молодой Красной Армии и, будучи комсомольцем, участвовал в разгроме контрреволюционных банд. Когда отгремели бои, вернулся в родные края — хутор Лысогорский. Вступил в партию. В 1925 году стал секретарем Ново-Никольского станичного райкома, писал очерки, статьи, рассказы под псевдонимом «Бирюк». Через два года был назначен заместителем редактора газеты Хоперского округа «Красный Хопер». С 1930 года он работает в центральной печати. В 1934 году выпускает свое первое крупное художественное произведение — роман «На Хопре». В 1935 году — новый роман «Казаки».

С тех пор Дмитрий Ильич целиком уходит в творческую работу, становится профессиональным литератором. Серьезно, настойчиво и глубоко изучает он историю своего народа, пишет трилогию «Сказание о казаках». В первой книге автор показывает пробуждение революционного донского казачества, его участие в революции 1905 года и в русско-японской войне. Вторая — «Ледяной поход» — посвящена гражданской войне на юге России, точнее, успешному разгрому частями молодой Красной Армии белогвардейщины. Третья — «Испытание» — широко отображает героизм советских казаков в годы Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. Вместе с романами «Сыны степей донских» и «Юг в огне» эти произведения дают широкую картину жизни и быта, классовой борьбы и расслоения казачества в дореволюционной России, рассказывают об активной поддержке казачеством Октябрьской социалистической революции, о коллективизации и путях построения социализма на Дону. Фундаментальные, эпические произведения Петрова (Бирюка) являются ценным вкладом в советскую художественную летопись донского казачества.

Широкую известность среди советских и зарубежных читателей имеет также исторический роман «Кондрат Булавин», над которым автор работал более десяти лет и который явился, по существу, первым художественным произведением о крупнейшем восстании казачьих крестьян против крепостничества в начале XVIII века.

О чем бы ни писал Петров-Бирюк, какой бы теме ни посвящал он свои книги, постоянным и главным героем его является народ — создатель всех материальных благ и подлинный творец истории.

С. МИХАЙЛОВ

Б. ПРОТОПОПОВ

ВСЕ МЫ ГИППОКРАТЫ

ФЕЛЬЕТОН

...В палисаднике мохнатыми гроздьями висит сирень. Томно клонят головки тюльпаны. Как маленькие солнца, горят будущие одуванчики. Со страстным гудением на них пикируют шмели...

Подумать только, что все это занимало меня когда-то!

Я лежу на больничной койке. Дни мои сочтены. Только что посмотрел на себя в зеркало. Появилась желтизна. Это первый признак желчнокаменной болезни. Кстати, недавно в Бухаресте из шестидесятипятилетней больной вынули 17 500 камней. Это на 12 тысяч больше, чем было в пузыре у гражданки Н. Как быстро растут рекорды!

Увы, увы, все время чувствую повышенный аппетит. С ужасом ловлю себя на мысли, что мог бы съесть сейчас баранью ногу, целый пирог и банку соленых огурцов. Супу я бы тоже съел тарелки две. К сожалению, так всегда бывает при гипогликемической болезни, когда поджелудочная железа секретирует еще один гормон — липокаин... Как-то Мария Семеновна сказала: «Хорошо еще, что у тебя нет крипторхизма». Ах, Мария Семеновна, почему вы думаете, что у меня его нет? Наоборот! Есть и крипторхизм и кое-что еще. Помните ваше утверждение, что котлеты из столовой для меня совершенно безвредны, так как там якобы на три четверти хлеба? Нет, мясо в котлетах все же есть, потому что у меня в организме обнаруживается много кислот, из которых и образуются камни.

Когда я сказал обо всем этом главврачу, он ответил очень сухо: «Посмотрим, посмотрим!» И лицо у него при этом было такое, будто он в медицине понимает больше меня.

Насчет склеродермии недавно ездил к бабке Аграфене в Перловку. Она удачно лечит настоями из коровьего навоза. Но Аграфена сказала, что склеродермия относится к группе злокачественных коллагенозов. Думаю, она не совсем права: причины этой болезни еще окончательно не выяснены.

Но возвращаюсь к так называемым докторам. Здешний главврач — Чубуков его фамилия,— как и другие, тоже не хотел меня оставлять в больнице. Но я попросил Павла Ивановича позвонить. Павел Иванович сказал: «Надо, товарищ Чубуков, надо!» И Чубуков только руками развел. Но месть, конечно, затаил. Целый день на меня не обращал внимания. Под вечер присел на краешке кровати.

— На что жалуетесь?

Отвечаю кратко: главное — это гипогликемия, склеродермия, может быть, крипторхизм...

— Почему вы так думаете?

Странный вопрос. Отвечаю, что это данные самонаблюдения, которые я заношу в дневник самоконтроля. Когда же я сказал про кандидоз, он тяжело вздохнул и покраснел (по-моему, даже не знает, что это такое...). Во время осмотра я попросил ввести мне интерферон — отвечает: «Не надо!» Конечно, родственникам и приятелям надо, а нам не надо...

Ну, насчет интерферона я посоветуюсь (если доживу, конечно!) с Марией Семеновной. Кстати, меня поражает Василий Иванович из шестого подъезда. Я определил у него хронический гепатит, а он и в ус не дует. Странный человек! Надо поинтересоваться, как у него растут ногти. (У здорового человека на руках они в неделю отрастают на 1,00 мм, а на ногах — на 0,25 мм.) Тогда картина будет ясна.

Как известно, в человеческом теле более 300 миллионов мышечных волокон. Боюсь, что у меня не осталось и половины. Очевидно, не хватает и аденозинтрифосфорной кислоты — так трудно стало вести дневник. Рука тяжелеет. Все меркнет...

Я положил дневник в тумбочку и закрыл глаза.

Однако жизнь еще теплилась, так как через некоторое время послышался тонкий, мелодичный свист. Очнувшись, увидел соседа по койке, он стоял в одних кальсонах и, сложив губы трубочкой, свистел мне в ухо.

«Сложная форма шизофрении»,— сейчас же отметил я.

Но шизофреник смущенно улыбнулся и сказал:

— Извините, храпите вы очень сильно, а от этого первое средство — в ухо посвистеть.

«Ерунда какая-то,— подумал я.— Храп, несомненно, есть следствие ослабевания сдерживающей силы подкоркового вещества и свидетельствует об ослаблении организма. По-моему, так. При чем же здесь свист?! Нужно будет проконсультироваться у Марии Семеновны».

Утром, почувствовав довольно неделикатное прикосновение к плечу, я открыл глаза и в руках нянечки увидел свою одежду.

— Поздравляю, вас выписали домой!

Меня удивило, что больничную карту мне дали на руки.

Пренебрежительно усмехаясь, я сунул ее в карман: что неизвестного мне могли они сообщить?! Но за воротами не утерпел и вскрыл пакет. Небрежным почерком на карте были написаны моя фамилия, имя и отчество. В графе диагноз стояло: «Здоров»,— а в углу красным карандашом: «Противопоказана медицинская литература».

Вот вам отношение!

Первой, кого я встретил около дома, была наш дворник Мария Семеновна. Опершись на метлу, она читала журнал.

— Слыхали? — крикнула она мне, волнуясь.— Какая клевета на куропаток! Говорят, яйца их вовсе не целебные!

— Доктора слух пустили из зависти, а вы и поверили,— махнул я рукой.— Если бы вы знали, как со мной обошлись!..

— Не понимаю, чему их там учат,— пожала плечами Мария Семеновна, выслушав рассказ.— Ну насчет стриптохизма, если помните, я тоже сомневалась, но не распознать гипогликемию... Ведь все симптомы налицо: потливость, раздражительность, повышенный аппетит... Вот судороги начнутся, тогда, может, поверят!

— А возможны судороги?

— Еще какие! — сказала Мария Семеновна.

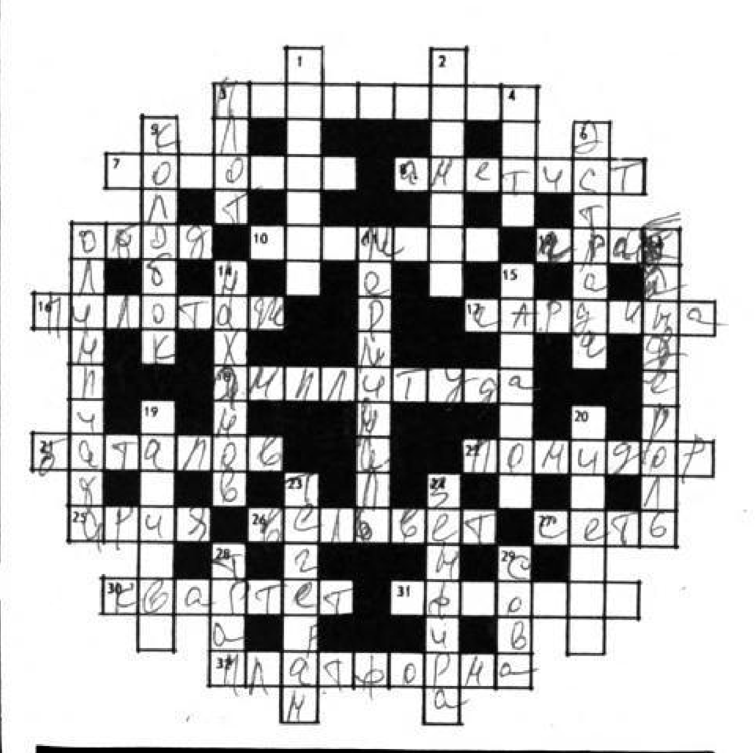
— Извините меня, уважаемая,— вдруг вмешалась в разговор Клавдия Ивановна из седьмого подъезда. Она шла на рынок и остановилась на минутку.— А не трихофитон ли у него?

— Трихофитон — это грибок, а не болезнь,— презрительно сказала Мария Семеновна.— Вечно вы суетесь, Клавдия Ивановна!..

— Ну, тогда интерферон,— не сдавалась та.

— Сама ты интерферон! — не выдержала бабушка Анисья Петровна, высунувшись из окна.— Это же белок, который выделяют клетки, зараженные вирусами.

Разговор сделался всеобщим...

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Курорт в Ставропольском крае. 7. Волокнистое и масличное растение. 8. Полудрагоценный камень. 9. Часть колеса. 10. Поэма А. С. Пушкина. 12. Лиственное дерево или кустарник семейства березовых. 16. Искусство управления самолетом. 17. Оконная занавеска. 18. Размах колебания маятника. 21. Актер, снимавшийся в фильме «Путевка в жизнь». 22. Овощ. 25. Сольное вокальное произведение. 26. Хлопчатобумажная ткань. 27. Приспособление для ловли рыб. 30. Ансамбль из четырех исполнителей. 31. Государство в Африке. 32. Небольшая железнодорожная станция, полустанок.

По вертикали: 1. Подземная горная выработка. 2. Цветок. 3. Бревна, скрепленные для сплава. 4. Приток Лены. 5. Русская народная сказка. 6. Сценическая площадка для концертов. 9. Спортивные соревнования. 11. Роман Э. Золя. 13. Почтовое отправление. 14. Русский флотоводец. 15. Перечень предметов в определенном порядке. 19. Река в Ростовской области. 20. Автор памятника Б. Хмельницкому в Киеве. 23. Столица Ирана 24. Действующее лицо оперы С. В. Рахманинова «Алеко». 28. Лестница на судне. 29. Ночная птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 4. Грибоедов. 8. Комета. 9. Ритм. 11. Парк. 12. Азот. 13. Алыча. 14. Моцарт. 16. Краков. 17. Бабочкин. 18. Аэродром. 20. Долото. 22. Кессон. 24. Сокол. 26. Винт. 27. Янка. 28. Ейск. 29. Нарзан. 30. Котангенс.

По вертикали: 1. Вишера. 2. «Богатыри». 3. Одарка. 5. Аккра. 6. Шмага. 7. Лаборатория. 10. Головоломка. 15. Токио. 16. Курск. 19. «Накануне». 21. Октет. 23. Саяны. 24. Секста. 25. Лорнет.

На первой странице обложки: Выступает Калмыцкий государственный ансамбль песни и танца «Тюльпан».

Фото И. Озерского (АПН).

На последней странице обложки: Инженер-гидрометеоролог полярной станции Уэлен Юрий Суданов у камеры регистрации северных сияний.— Автодорога идет от Иультинского горно-обогатительного комбината.—Улица поселка Уэлен.— Бригадир оленеводов совхоза «Ударник» Б. И. Гиуннеу.— Пестрый наряд тундры.— В колхоз имени Ленина доставлены для разделки очередные два кита.

Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

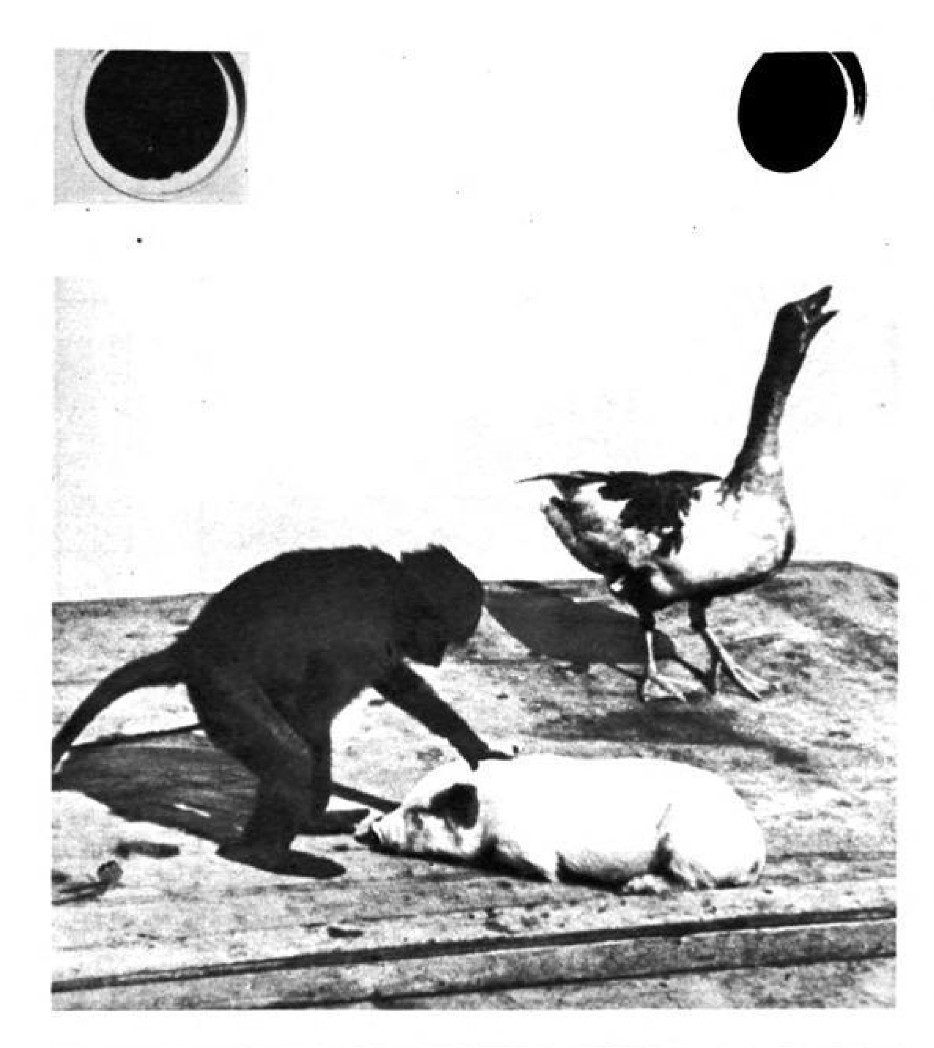
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

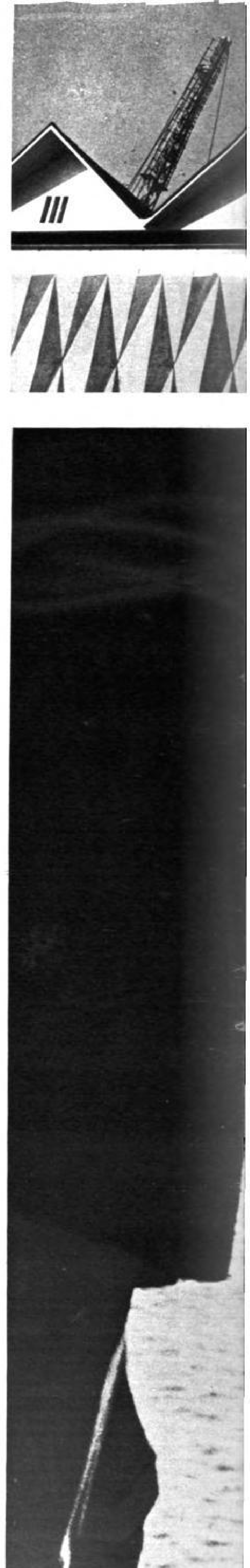
Сдано в набор 29/IX-70 г. А 00473. Подп. к печ. 13/X-70 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2020. Тираж 2 100 000 экз. Заказ 2604.

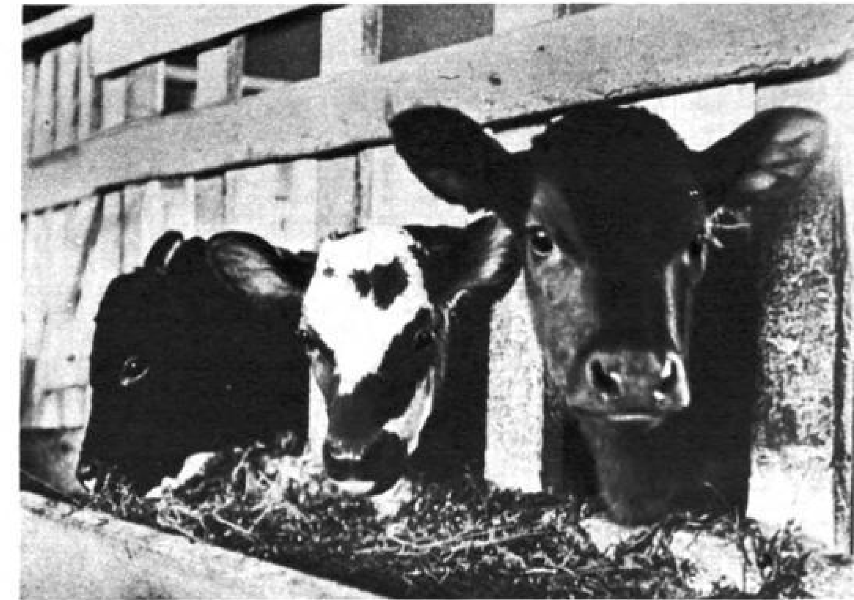
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

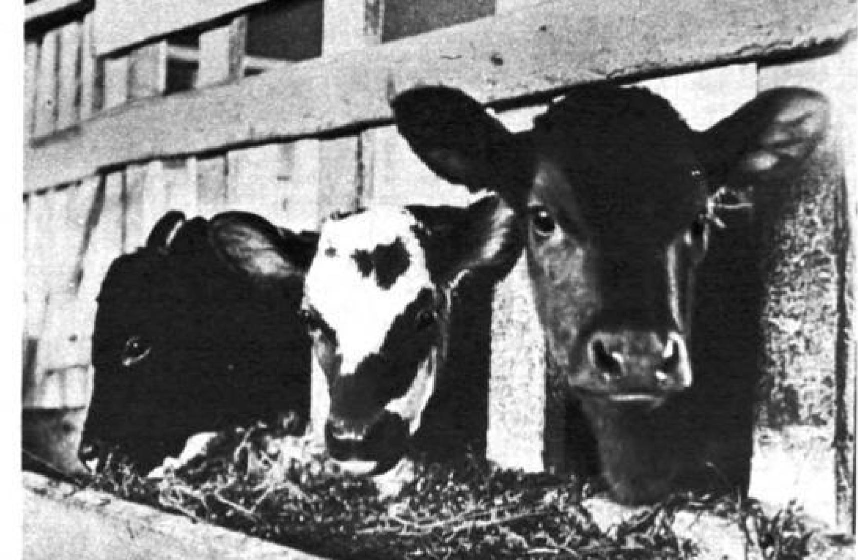
ПРОСТО ТРИ

Ю. КРИВОНОСОВ

Теперь, конечно, трудно выяснить, почему люди еще в стародавние времена сосредоточили свое особое внимание на числе «три». Известно, например, что древние пили три раза в честь трех граций и при этом трижды отплевывались для отвращения колдовства. Грешил тут даже великий математик Пифагор: в числе «три» он видел не более не менее, как символ гармонии. Многие народные пословицы и поговорки пересыпаны этим же числом: «за тридевять земель», «бог троицу любит», «в трех соснах», «в три ручья», «в три кнута», «в три шеи», «с три короба», «двое дерутся — третий не лезь». И так далее, и тому подобное...

Мы решили обратиться к этому же числу, только методом изобразительным. Посмотрите, что вышло из этой игры случая.

«АЛЬБЕРТ ОБРЕТАЕТ ЛИЦО»

«Анри взглянул на него и почувствовал в горле комок жгучей ненависти. Шатаясь, он отвернулся, схватился за перекладины железной лестницы и уронил на них голову.

Он не слышал, как Женэ что-то сказал Брассару, но ощутил на плече руку комиссара.

— Пойдем, старина. Тебе нужно выпить глоток чего-нибудь.

— Да, конечно...

Холодный; сырой воздух улицы показался необыкновенно свежим и приятным.

Анри не замечал пристальных взглядов окружающих. Он видел только тот день, когда в таком же тумане с моросящим дождем наблюдал за арестованным Робером и слышал, как хрустнул костыль, когда брат упал».

Этот отрывок взят из остросюжетной повести «Альберт обретает лицо» Джона С. Стрэйнджа (литературный псевдоним прогрессивной американской писательницы Дороти Тиллетт).

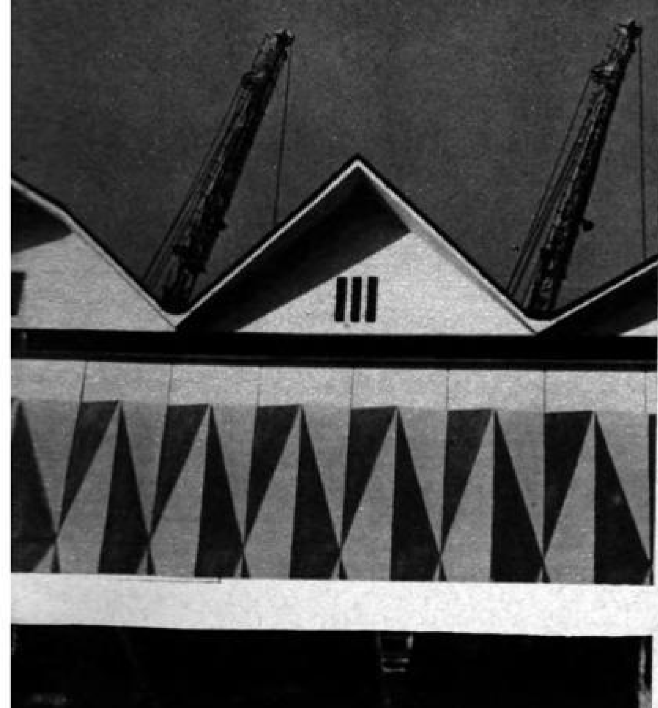
...Было нужно найти предателя, который в годы второй мировой войны выдал участников движения Сопротивления во Франции. Прошла волна арестов, и был схвачен немцами бесстрашный Робер Магрит.

«Кто предал?» — этот вопрос стучит в сердце Анри Магрита. Для него Робер не только брат, но и человек кристально чистый и самоотверженно храбрый, отдавший жизнь в борьбе за счастье народа.

«Он не мог ни забыть, ни простить до тех пор, пока убийца Робера ходил по земле... Анри вспоминал брата, чувствуя, как горе и ненависть вновь охватывают его, словно Робер был предан только вчера, словно только вчера ему, Анри, стало известно о смерти брата».

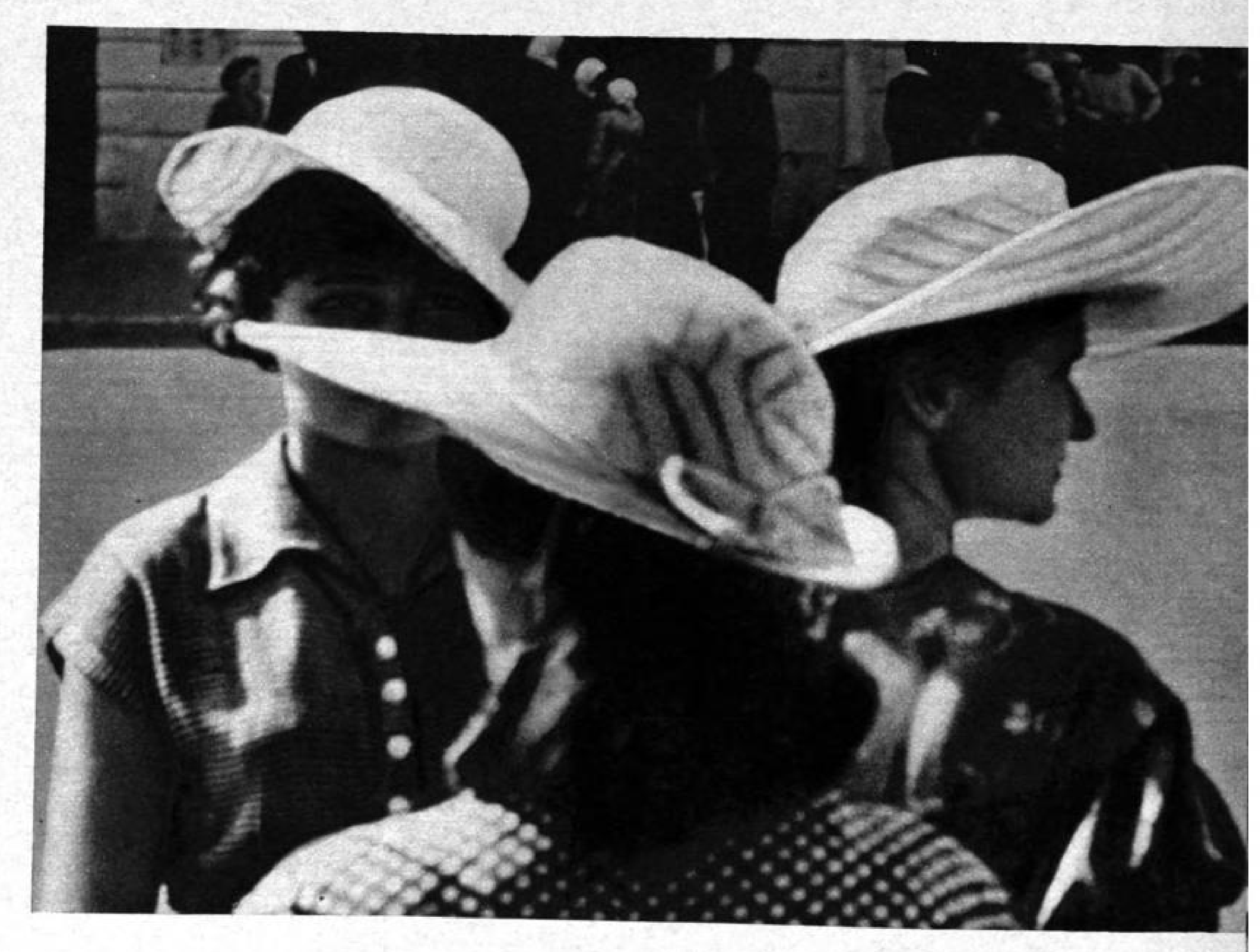
Комиссар уголовной полиции Парижа Женэ, друг и соратник Анри и Робера по движению Сопротивления, сообщает Анри, что при обыске в квартире некоего Скапини найдены бумаги, спрятанные в тайнике в 1940 или 1941 году. Они-то и помогли выяснить многое...

Повесть Джона С. Стрэйнджа в переводе Ан. Горского мы начинаем печатать в № 43 журнала.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

